

В один из дней разведчики заметили, что в губе Титовка приводились три немецких гидросамолета. Один из них подрулил к пристани, два остались на рейде. Из самолета стали что-то выгружать на пристань. Непростительно было бы упустить такие цели, и я тут же приказал открыть по самолетам огонь из 122-мм пушек. Снаряды подняли столбы воды около одного из самолетов. Мне показалось, что самолет поврежден, и я распорядился перенести огонь на другой. В это время самолет, стоявший у пристани, и тот, который мы считали поврежденным, запустили моторы и взяли разбег для взлета. Однако один из них не смог набрать высоту и врезался в скалу. По самолету, оставшемуся на рейде, мы стреляли до тех пор, пока он не затонул. Так на боевом счету «сводной» появилось два уничтоженных самолета.

Наши разведчики давно заметили, что в одну из лощин, западнее поселка Титовка, заходили вражеские автомобили с бочками и цистернами и, пробыв там некоторое время, возвращались назад. По предположению разведчиков, в этой лощине находился склад горючего. В один из вечеров, когда опускавшееся солнце хорошо высветило Титовку, мы открыли огонь из 122-мм пушек. В лощине раздался мощный взрыв и мгновенно возник пожар. Долго бушевало багровое пламя, длинным хвостом тянулся черный дым. Разведчики не ошиблись — горел склад.

Жизнь на батарее шла своим чередом. Мы вели непрерывную разведку вражеского расположения и обо всех изменениях, которые замечали, писали в журналы. Уходя отдыхать, разведчики докладывали очередной смене, что делается в стане врага. Огневикам улучшали инженерное оборудование и маскировку позиций. Они сложили из камней высокие брустверы, сделали добротные погребки для боеприпасов. Ночью люди отдыхали в блиндажах рядом с орудиями, в любую минуту готовы были стать по местам и вести огонь. Бдительно несло службу охранение. Хорошо

устроились наши походные кухни: они врылись в высокий берег. Батарея получала трехразовое питание.

В первые дни боев мы буквально не спали и не ели. Все казалось, что вот-вот нападет противник. Боялись даже топить кухни, думали, что немец сразу их обнаружит и разбомбит. Изрядно измотавшись, мы, наконец, поняли, что так долго не протянем. Человек есть человек. Чтобы восстановить силы, ему необходимы отдых и питание.

Каждый вечер мы направляли в штаб полка боевое донесение, где указывали, что разведано за истекший день, по каким целям батарея вела огонь и каковы его результаты. Посыльный нес в штаб солдатские треугольники и приносил на батарею редкие письма от родных и близких.

В один из дней мне принесли письмо и посылку от моего давнего друга, заместителя командира полка капитана Чернова.

Парфен Алексеевич ободрял меня и благодарил за боевую работу. Далее он сообщил, что посылает бутылку спирта и бутылку крымского портвейна, чтобы согреть душу среди холодных камней Рыбачьего.

Действительно, в посылке был спирт, портвейн и закуска — различные консервы. Спиртное я поставил в запас и объявил, что награждаться чаркой будет тот, кто отличится в боевых делах. Должен сознаться — мой «НЗ» держался недолго.

«Сводная» продолжала наносить противнику чувствительные удары. Она полностью блокировала движение автотранспорта по Титовской дороге, и немцы вынуждены были проложить обходную дорогу. Мы выследили и поразили пункт в районе высоты 88. Наносили многочисленные удары по батареям, огневым средствам, живой силе противника. Видимо, все это допекало немцев, и они решили справиться со «сводной».

В один из ясных дней над нами появился «костыль» — так солдаты называли немецкий самолет-разведчик.

Никаких средств борьбы с самолетами у нас не было, и «костыль» беспрепятственно кружился над позициями. Через некоторое время прилетели 9 пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Они развернулись и стали с воем пикировать. Отбомбившись, самолеты улетели на свою базу. С волнением вызывал я ОП: мне казалось, что батарея разбита. Но с батареей доложили, что все бомбы прошли мимо — люди и орудия невредимы.

За месяц боев батарея окрепла и стала отличным подразделением полка. Главным итогом боевой работы «сводной» было то, что полуострова Средний и Рыбачий по-прежнему оставались в наших руках.

В первых числах августа на батарею прибыл командир полка майор Е. С. Рыклис. Он приказал мне передать «сводную» старшему лейтенанту Фролову и вступить в командование 1-м дивизионом.

Тяжело было расставаться с дружным боевым коллективом, но приказ есть приказ...

Дивизион отправляется на сухопутный фронт поддерживать наших старых боевых друзей: пехотинцев 135-го стрелкового полка, пограничников майора Каленикова и пулеметчиков капитана Хорунжего.

Будем действовать совместно с тяжелой морской батареей капитана Поночевного. Начальник артиллерии укрепленного района полковник Алексеев в шутку присвоил нам громкое название — «артиллерийская группа дальнего действия».

В составе дивизиона перебрасывались 1-я и 2-я батареи 122-мм пушек.

На восточный берег залива Озерко мы прибыли ночью. Шел мелкий и холодный дождь. Выбирать и готовить боевой порядок в столь поздний час не хотелось, было решено расположиться пока на огневой позиции 3-й батареи. Чувствовалось дыхание фронта. На передовой изредка стро-

чили пулеметы. В небе вспыхивали ракеты и медленно опускались к земле. Со стороны Пумманского перешейка доносился рокот тракторов — это шла наша вторая батарея; первая батарея двигалась из Эйны.

Надо было подумать о более выгодном расположении огневых позиций и наблюдательных пунктов.

Укрывшись от дождя в землянке, освещаемой керосиновой коптилкой, мы с начальником штаба стали определять по карте боевые порядки дивизиона.

На рассвете прибыли командиры батарей, и мы вместе с ними отправились выбирать огневые позиции. Топографы и огневики не медля приступили к их подготовке. Затем осмотрели наблюдательный пункт «сводной» и решили сделать его командным.

Во второй половине дня батареи заняли свои позиции и организовали разведку, установили связь. Я доложил командиру полка о готовности дивизиона к выполнению боевой задачи.

Наступили боевые будни. Время от времени мы наносили огневые удары по штабам и складам противника. Наши разведчики во главе с начальником разведки младшим лейтенантом Афанасьевым и лейтенантом Лоскутовым не знали усталости: забирались в боевое охранение войск, высматривали важные цели и корректировали огонь.

В предвидении возможного наступления немцев мы подготовили развитую систему огня. В этом нам большую помощь оказывали работники метеостанции, расположенной на полуострове Рыбачий. Когда началась война, метеорологи предложили нам свою помощь. Мы попросили их регулярно проводить метеоразведку атмосферы и передавать результаты наблюдений нам, артиллеристам. Они пунктуально выполняли свою задачу, и учет данных метеосводки во время стрельбы обеспечивал высокую точность огня.

Уж не помню кто, но кажется, вычислитель Александр Черномыс внес оригинальное предложение: определять уточ-

няющую поправку при стрельбе по запланированным целям. Суть предложения состояла в следующем: с получением метеобюллетеня производить расчет поправок на метеоусловия стрельбы. Из поправок, рассчитанных на час пристрелки, исключались поправки, рассчитанные на час получения метеобюллетеня. Полученную разность — «уточненную поправку» — мы вводили в угломер и прицел.

Это давало на практике отличные результаты: снаряды рвались точно на запланированных участках. Начальник артиллерии укрепрайона полковник Алексеев очень удивился, когда мы в короткое время и с высокой точностью отстреляли по всем участкам. Старый артиллерист стал расспрашивать, как мы добились такой высокой точности.

Пришлось рассказать ему о нашей рационализации. Он тут же попросил поделиться новшеством с нашими соседями — артиллеристами 135-го полка, что мы и сделали с искренним удовольствием.

Приближалась зима. Надо было думать о постройке жилых землянок, кухни, бани и других необходимых помещений.

К нашему счастью, в губе Озерко с парохода выгрузили прямо в воду большую партию леса-кругляка. Волной его прибило к нашему берегу. Этот лес оказался как нельзя кстати, он весь пошел на подготовку к зиме. В дивизионе служило много вологжан, отменных плотников. Соскучившись по любимому ремеслу, солдаты с азартом взялись за дело.

За короткий срок были оборудованы огневые позиции с орудийными двориками, погребками для боеприпасов, с укрытиями для расчетов и тягачей. Под руководством заместителя командира дивизиона капитана Зайцева были построены медпункт, землянки под дивизионную кухню и замечательная баня с парной. Заботливые хозяйственники

даже заготовили веники. Наступили морозы. Выпал снег, покрыв белым одеялом заполярные сопки.

Однажды мне позвонил командир полка Рыклис и пригласил на наблюдательный пункт, который располагался в пятистах метрах от переднего края. Майор сообщил, что с рассветом наши войска должны атаковать высоту 122 и развить наступление в глубь обороны противника. От дивизиона требовалось поддерживать это наступление.

Мы уточнили данные для стрельбы по плановым участкам, подготовились к подавлению артиллерийских и минометных батарей, организовали наблюдение за противником. Когда мы присели на нарах отдохнуть, Ефим Самсонович рассказал мне, что многие бойцы и командиры из тыловых служб полка просятся в пехоту и он разрешил из добровольцев сформировать взвод под командованием техника-лейтенанта Якушева. Возможно, сказал Рыклис, этот взвод примет участие в завтрашней атаке.

Я знал Якушева и дружил с ним. Этот преданный военному долгу командир не искал в жизни легких путей. Вот и теперь он настоял на своем: ему разрешили идти на передовую, чтобы встретиться лицом к лицу с врагом.

Поднялись рано. Проверили готовность дивизиона. В предрассветных сумерках наша пехота внезапно атаковала высоту 122 и сбросила с нее гитлеровцев. Вскоре немцы опомнились и ударили по высоте из минометов и орудий. Но дивизион сумел подавить их. Затем противник перешел в контратаку, и нам пришлось вести огонь по наступающим гитлеровцам. Ожесточенный бой за высоту 122 длился три дня и три ночи. Многие наши бойцы сложили здесь свои головы. Погиб и мой друг техник-лейтенант Якушев. Его труп вынесли с поля боя и похоронили в братской могиле на полуострове Средний.

В разгар боя за высоту 122, когда дивизион вел огонь по пехоте противника, меня вызвал к телефону командир третьей батареи лейтенант Тарасов и доложил, что враже-

ская артиллерия довольно точно бьет по его позициям. Я посоветовал Тарасову увеличить огневую мощь. Видя, что наша батарея не только не прекратила огонь, но даже усилила его, гитлеровские артиллеристы усомнились в точности прицела и перенесли артогонь примерно на 200 метров дальше нашей батареи. Тарасов решил «отмолчаться». Немцы посчитали, что их снаряды достигли цели, и, чтобы окончательно добить батарею, выпустили по голым скалам еще порцию снарядов.

И позже артиллеристы 3-й батареи обманывали таким способом врага.

Немецкое командование стремилось сорвать снабжение наших войск. С этой целью на южном берегу Мотовского залива, против губы Эйна, была установлена артиллерийская батарея, которая вела довольно меткий огонь по нашим судам. Надо было принимать срочные меры и обезвредить батарею. Долгое время попытки определить ее координаты не приносили успеха.

Командир полка и начальник артиллерии укрепрайона выговаривали нам самые неприятные вещи, но что поделаешь — никаких средств разведки, кроме оптических приборов, у нас не было. И все-таки однажды нам удалось засечь на вражеском берегу кольца дыма в тот момент, когда немецкая батарея вела огонь по кораблям в Эйне.

Дня через два с КП полка поступила условная команда: «Начать операцию». Мы пристреляли репер и произвели два огневых налета на батарею противника. Наши суда прошли в губу Эйна без помех. На второй день, когда опять шли наши суда, батарея продолжала молчать. Молчала батарея и в последующие дни...

Весной 1942 года, когда я уже работал в штабе артиллерии 14-й армии, у реки Западная Лица был взят в плен немецкий капитан-артиллерист. На допросе он, между прочим, рассказал, что раньше командовал той самой батареей на южном берегу Мотовского залива и что однажды рус-

ская артиллерия точным огнем накрыла его батарею, нанесла большие потери в людях и технике. Оставшихся в живых солдат и уцелевшие орудия пришлось снять с побережья.

В один из ясных дней над боевыми порядками дивизии она появился самолет-разведчик. Наши огневые позиции были отлично замаскированы, к тому же дивизион в это время не вел стрельбу. Сделав несколько кругов, самолет улетел. Ни огня артиллерии, ни налета авиации не последовало, но появление разведчика нас встревожило. Видимо, противник собирался разделаться с дивизионом. Требовалось принять какие-то контрмеры.

Решили метрах в пятистах за действительными огневыми позициями оборудовать ложные: установить и замаскировать деревянные макеты орудий, неподалеку от них сделать из снега землянки, вывести наружу печные трубы, дымящие торфом. От землянок постоянно протаптывать к ложным позициям тропинки.

Выдалось несколько спокойных дней. Погода нелетная, низкие облака, снег. Мы приступили к делу и в течение суток оборудовали ложные позиции. Следы работы тщательно замаскировали, оставив лишь то, что могло привлечь внимание немецкого пилота. На четвертый день погода прояснилась.

Батареем было приказано протоптать тропинки на ложных позициях, а в ложных землянках затопить печки. Из труб землянок пошел веселый дымок. Мы стали поглядывать на небо, ожидая «гостей». Около 11 часов дня над расположением дивизиона вновь появился «хейнкель-126». Его внимание привлекли наши ложные позиции. Он сделал над ними несколько кругов и улетел.

А через час появилось два десятка пикирующих бомбардировщиков Ю-87. Они развернулись над ложными позициями, разбились на группы и начали бомбежку. По всей округе слышался страшный рев моторов и грохот бомб.

Немцы опорожнили бомбовые отсеки и улетели. Наши макетные позиции имели жалкий вид: деревянные орудия и землянки разнесены вдребезги, повсюду глубокие воронки... Так удался нам еще один обман... Ложные позиции мы сохранили, только перенесли их в другое место: пусть немцы думают, что мы после бомбежки сменили позиции.

В дивизионе подобралась замечательные офицеры, с которыми работалось приятно и легко. Комиссар дивизиона старший политрук Новиков прибыл в полк еще до войны и начинал службу командиром взвода ПВО. Это был высококультурный, чуткий и принципиальный человек. Комиссар постоянно находился среди людей, именно там, где шла самая трудная и опасная работа.

Мой заместитель по строевой части капитан Зайцев пришел в наш полк после артиллерийского училища. Он был человеком дела, с утра до позднего вечера, а часто и по ночам ходил по огневым позициям, наблюдательным пунктам, требуя четкой организации боевой службы. Он многому научил командиров батарей, взводов и весь личный состав.

Начальником штаба дивизиона был старший лейтенант Масленкин. Он прибыл в полк до войны, окончив артиллерийскую школу. Служил командиром 2-й батареи. Его батарея первой в полку открыла огонь по врагу.

Частые бомбардировки батарей, смерть друга, младшего политрука Балюка — все это вывело Масленкина из душевного равновесия. Командование решило перевести его ко мне начальником штаба. Здесь Масленкин честно и добросовестно исполнял свой долг.

1-й батареей командовал старший лейтенант Аршинский, грамотный, энергичный и смелый офицер.

Вместо Масленкина на вторую батарею был назначен лейтенант Соколов, начинавший службу в полку рядовым солдатом. Его батарея выполняла сложные огневые задачи и всегда метко поражала любые цели противника. Соколов зарекомендовал себя храбрым, волевым командиром.



Октябрь 1941 года. Полуостров Рыбачий.  
Разведчики К. Кузьменко и А. Аникин  
ведут наблюдение за «чужим» берегом.



Ноябрь 1941 года. Полуостров Средний.  
В составе гарнизона Рыбачьего  
действует танковый взвод П. В. Печенина.  
На с н и м к е : разведчик сержант И. А. Шубин  
передает танкистам донесение.



Ноябрь 1941 года. Полуостров Рыбачий.  
Связисты выполняют боевое задание.

Ноябрь 1941 года. Полуостров Рыбачий.  
Рядовые С. Чуйков, В. Калачев и сигнальщик Е. Бойцов  
корректируют огонь своей батареи.



1941 год. Полуостров Рыбачий. Командиры 23-го укрепрайона.  
Справа на лево: подполковник комиссар П. Шабунин,  
комендант укрепрайона Д. Красильников  
и член Военного совета 14-й армии  
дивизионный комиссар А. Крюков.

1943 год. Полуостров Рыбачий.  
Командир 221-й Краснознаменной батареи  
капитан Ф. М. Поночевный.









Апрель 1943 года. Полуостров Рыбачий.  
Командир 113-го Краснознаменного  
артиллерийского дивизиона майор П. Г. Космачев.

Март 1943 года. Полуостров Рыбачий.  
Редакция газеты «Североморец» Северного оборонительного района.  
Лейтенант Н. И. Букин принимает по радио  
последние известия для газеты.





1941 год. Пограничник Иван Немиров.

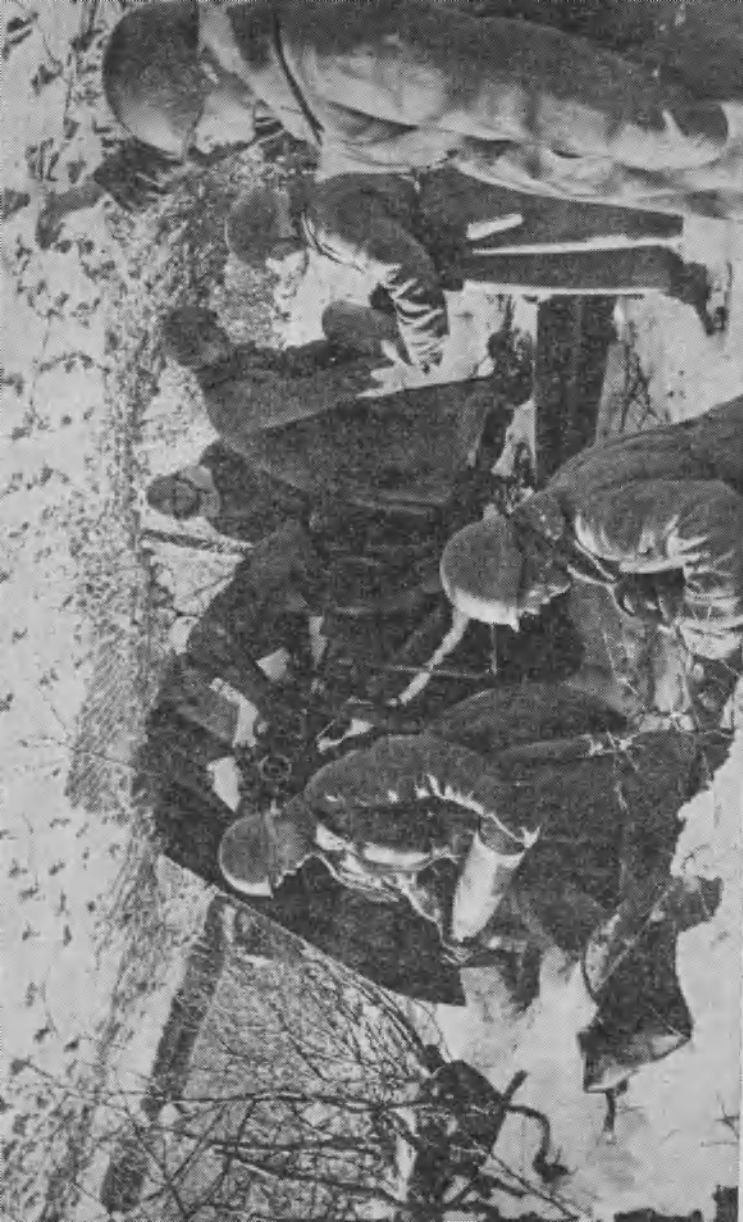
Командир 100-го пограничного отряда  
полковник И. И. Калеников. Май 1968 года.



Апрель 1943 года. Полуостров Рыбачий.  
Композитор К. А. Листов (крайний слева в первом ряду)  
и поэт В. И. Лебедев-Кумач (второй справа в первом ряду)  
в гостях у артиллеристов 104-го пушечного артиллерийского полка.



Октябрь 1941 года. Мотовский залив.  
На борту мотобота, следующего к Рыбачьему,  
военный корреспондент газеты «Красная звезда»  
писатель Константин Симонов.



Ноябрь 1941 года. Полуостров Средний.  
Огонь ведет батарея старшего лейтенанта И. И. Сиротина.

3-й (бывшей «сводной») батареей командовал лейтенант Тарасов. Он также был воспитанником полка. На огневой позиции и наблюдательном пункте у него всегда был образцовый порядок.

Командование дивизиона размещалось в землянке штаба вблизи командного наблюдательного пункта. Здесь мы вели разговоры о боевых и житейских делах, вырабатывали решения и планы, здесь же ели за одним столом и спали бок о бок на двухэтажных нарах. Командование полка не забывало дивизион. Нас навещали и майор Рыклис, и начальник штаба капитан Тюрин, и особенно часто приезжал комиссар полка Дмитрий Иванович Еремин. Они придиричиво проверяли боеготовность наших батарей, строго выговаривали за малейшие недостатки и оказывали необходимую помощь.

Дмитрий Иванович Еремин, бывало, с утра до поздней ночи ходил, осматривая в который раз боевые порядки дивизиона: пройдет по всем позициям, посидит с солдатами в землянках, заглянет на кухню и в медпункт. Солдаты в разговорах между собой любовно называли комиссара «наш Еремыч».

Бывали у нас в дивизионе и гости с Большой земли. В октябре 1941 года к нам прибыл Константин Михайлович Симонов. Встреча артиллеристов с писателем произошла при следующих обстоятельствах. В один из пасмурных дней немцы внезапно атаковали высоту 122 и заняли юго-восточные склоны. Началась сильная ружейно-пулеметная перестрелка, открыли огонь орудия и минометы. Командир 135-го стрелкового полка попросил нас подавить огонь противника и поддержать контратаку. Огонь дивизионных орудий приостановил наступление фашистов, а затем подразделения 135-го полка при нашей поддержке сбросили немцев с высоты. Когда рассеялся дым, я взглянул в стереотрубу: на заснеженных склонах повсюду виднелись трупы убитых немцев.

После боя мне доложили, что в дивизион прибыл комиссар полка Дмитрий Иванович Еремин с каким-то корреспондентом. Вскоре мы увидели, как к нашему НП приближаются трое людей в белых маскировочных халатах. Я вышел навстречу. Впереди шел Дмитрий Иванович, за ним — два незнакомца. Когда гости зашли на НП, я доложил комиссару о результатах боя. Выслушав доклад, Дмитрий Иванович представил мне корреспондента газеты «Красная звезда» батальонного комиссара Симонова и фотокорреспондента Зельму. Гости поздоровались и занялись своими делами. Симонов, подсев к стереотрубе, разглядывал расположение немцев и место недавнего боя. Время от времени он задавал мне вопросы, просил что-то уточнить или объяснить.

Он побеседовал с разведчиками, а затем, присев на футляр от стереотрубы, задремал.

А Зельма тем временем при свете керосиновых ламп фотографировал в НП разведчиков, телефонистов, офицеров.

Приближался обеденный час, и я пригласил гостей к столу. Они охотно согласились. Мы прошли в землянку штаба дивизиона. Здесь топилась финская печка, было тепло и разносился запах солдатского борща. На столе уже была подготовлена консервированная закуска и стояла бутылка водки из сэкономленных наркомовских «ста граммов».

Выпили за победу советского народа над немецко-фашистскими захватчиками. Завязалась беседа. А после того, как мы выпили еще по чарке за неприступность Среднего и Рыбачьего, Зельма вдруг стал упрашивать Симонова: «Костенька, дорогой, прочти «Жди меня». Тот сначала отказывался, но когда мы все присоединились к просьбе Зельмы, Симонов сдался.

Он задумчиво помолчал, устремив свой взгляд куда-то вдаль, и начал читать: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди...» Симонов умолк, а все присутствующие продолжали сидеть в каком-то оцепенении. Затем послышались

аплодисменты, возгласы одобрения. Автор, смущенный таким успехом, попытался было возразить:

— Да ну, что вы? Что особенного? Стихотворение как стихотворение.

Но эти слова Симонова снова перекрыли аплодисменты. Мы впервые слышали стихотворение, причем в исполнении самого автора. Позднее оно появилось в печати, и многие наши воины читали и перечитывали его в часы затишья.

И на меня лично симоновское стихотворение произвело большое впечатление. Когда бы и где бы я его ни перечитывал, вновь оно укрепляло в моем сознании веру в победу, в осуществление наших лучших надежд.

Время пребывания гостей подошло к концу — они должны были отправиться на другой боевой участок. Мы тепло попрощались с Константином Симоновым, Зельмой, приглашали их еще побывать у нас.

Дмитрий Иванович Еремин, Симонов и Зельма зашагали под гору, а мы стояли и долго махали вслед нашим новым друзьям.

Спустя некоторое время после отъезда Симонова и Зельмы в газете «Красная звезда» мы прочли очерк «На Рыбачьем и Среднем». В нем рассказывалось и о дивизионе.

В конце декабря побывал у нас на передовом наблюдательном пункте корреспондент газеты «Правда» Илья Бражнин.

В тот день дивизион поддерживал разведку боем, проводимую нашими войсками на перешейке. Бражнин наблюдал огонь дивизиона, беседовал с находившимися на НП разведчиками и телефонистами. Он остался ночевать в нашем блиндаже. По возвращении в Москву Бражнин напечатал в «Правде» статью о защитниках Советского Заполярья, в которой было много хороших слов о боевых делах нашего арtdивизиона.

Здесь, на полуостровах, отрезанных от Большой земли, мы постоянно ощущали теплоту сердец советских людей, их

постоянную заботу. В полк приходило много посылок, в которые обычно были вложены письма, адресованные бойцам и командирам. Сколько в этих письмах человеческой правды, заботы и теплоты!

Получил посылку и я. Мне ее привез на НП командир полка Ефим Самсонович Рыклис. На посылке был указан необычный адрес: «Самому храброму командиру». Вручая мне посылку, Ефим Самсонович сказал:

— Мы посоветовались с Дмитрием Ивановичем и решили эту посылку вручить тебе. Ты ведь и впрямь неплохо воюешь.

Посылка пришла из Кировска. Направила ее девушка — работница медучреждения. В посылке были шерстяные носки и рукавицы, одеколон, курево и печенье. Из письма я узнал, что эта девушка — круглая сирота, воспитывалась она в детском доме и пережила много горя. В конце письма молодая кировчанка просила бойцов беспощадно бить врага, защищая нашу любимую Родину.

...Обстановка на Среднем стабилизировалась. Начался период позиционной войны. Немецкие егеря сидели в обороне, не проявляя активности. Зато наши пограничники под командованием замечательного командира коммуниста майора Каленикова не давали противнику покоя. Под носом немцев, используя морской отлив, они искусно проходили в тылы, внезапно нападали на вражеские штабы.

Наш дивизион часто оказывал помощь пограничникам в осуществлении этих операций. Своей беззаветной храбростью воины майора Каленикова заслужили глубокое уважение защитников полуостровов.

Шло время. Уехал на Западную Лицу майор Рыклис — его назначили командиром вновь сформированного артиллерийского полка.

Жаль было расставаться с Ефимом Самсоновичем. Нас спаяла крепкая боевая дружба. Но расставания на войне неизбежны.

А вскоре покинул полк и наш общий любимец комиссар Д. И. Еремин. Он стал комиссаром управления артиллерии 14-й армии. Перед отъездом в Мурманск Дмитрий Иванович побывал в нашем дивизионе, обошел все батареи, попрощался с бойцами и пожелал нам успешно бить врага.

Настал день, когда и мне пришлось расстаться с дивизионом. В марте 1942 года я был назначен начальником оперативного отделения штаба артиллерии 14-й армии и получил приказ незамедлительно прибыть к месту новой службы.

Сборы были недолгими. Сдав боевой участок и подразделения вновь назначенному комдиву, я распрощался с боевыми товарищами.

Прощай, суровая и родная заполярная земля!

Я. СКРОБОВ,  
бывший командир 1-го дивизиона 104-го пушечного артполка,  
ныне генерал-лейтенант артиллерии

## ВЫСТОЯЛИ!

Когда началась Великая Отечественная война, наша батарея занимала боевые позиции на западном побережье полуострова Средний.

Располагались мы на небольшой высоте, круто обрывающейся к морю. Позади находилась высота 201, чуть левее — маленькое заболоченное озеро.

В первый день войны по личному приказу командующего фронтом Фролова наша батарея уничтожила контрольно-пленгующие средства противника, установленные на небольшом островке в 7 км от берега.

В последних числах июня связной штаба 23-го укрепленного района передал мне приказ полковника Красильникова. Нашей батарее ставились три задачи:

развернуть два орудия для обеспечения переброски наших войск со Среднего на Рыбачий; быть готовыми к отражению морского десанта в районе батареи; по выполнении первых двух заданий все орудия, тягачи и боеприпасы уничтожить, взять карабины, гранаты, патроны и самостоятельно пробиваться к Мурманску.

Получив приказ, я собрал офицеров и отдал необходимые распоряжения. Едва мы успели разойтись, как раздался сигнал воздушной тревоги.

Над батареей кружилась стая фашистских самолетов. Мы насчитали 48 бомбардировщиков Ю-88 и 12 истребителей «мессершмитт».

Артиллеристы спрятались в заранее приготовленных окопах. Фашистские асы делали все, что хотели. Видимо, им приятно было издеваться над нами. «Юнкерсы» заходили группами, сбрасывая на головы батарейцев смертоносный груз. Истребители обстреливали позиции вдоль и поперек из пушек и пулеметов. Мы отвечали редкими и бесполезными выстрелами из карабинов и ручного пулемета. Взорвался склад с боеприпасами, со свистом разлетались в воздухе горящие снаряды.

Все строения сравнялись с землей, а на месте позиций остался обугленный холм.

Бойцы батареи мужественно перенесли первое боевое испытание, не растерялись, не впали в панику, а проявили выдержку и высокую дисциплинированность.

В результате бомбежки все орудия вышли из строя. Был убит наш политрук Балюк, несколько человек ранены. Фашистские летчики доложили по радио своему командованию, что батарея уничтожена. Но радость эта оказалась преждевременной. К вечеру мы восстановили два орудия, два других заменили, батарея снова находилась в полной боевой готовности.

На следующий день после этой бомбежки немцы попытались высадить морской десант на побережье Среднего.

Наблюдатель ефрейтор Старосельский обнаружил приближавшийся к батарее караван транспортных судов в сопровождении эсминца и группы сторожевиков. Мы открыли огонь по каравану, а на нас ринулись сверху немецкие самолеты. Залпы орудий слились с разрывами бомб.

В этом бою героически вели себя все без исключения воины. Нельзя было не восхищаться мужеством телефониста ефрейтора Матузова. Высокий, грузный, он всегда ходил не спеша, вразвалку. Но когда начался бой, он словно преобразился. Ежеминутно рискуя жизнью, Матузов прокладывал и исправлял линию связи.

Одна из бомб упала на наблюдательный пункт, где вместе со мной находились Матузов и Старосельский. Бомба не взорвалась сразу. Комсомолец Старосельский схватил ее руками и сбросил в обрыв за бруствером.

Мужественно вели себя офицеры: старший на огневой позиции лейтенант Зямин, командир огневого взвода лейтенант Нос, помощник командира взвода старший сержант Жарко. Они командовали не уходя в укрытие и воодушевляли своим примером подчиненных.

Наши снаряды подбили сторожевой катер и корабль. Несколько раз фашисты пытались прорваться к берегу сквозь заслон огня, но сделать это им не удалось. В конце концов, они повернули назад.

В течение первого месяца войны батарея выдержала 18 бомбежек вражеской авиации, но не сменила своих позиций на Среднем.

Примерно в сентябре 1941 года наша батарея была передислоцирована на полуостров Рыбачий и вошла в состав дивизиона, которым командовал капитан Яков Дмитриевич Скробов. В составе дивизиона мы действовали почти полгода, поддерживая огнем орудий десантные и разведывательные операции.

Мы выходили в боевое охранение на передовые и кочующие НП, откуда хорошо просматривалась местность, вели



огонь с временных позиций, нанося противнику большие потери. Однажды, когда мы с командиром дивизиона после удачной стрельбы возвращались с НП, немцы заметили нас и стали строчить из пулеметов. Едва успели спрятаться за камень в снегу. Почти четыре часа караулили нас немцы, не давая даже пошевелиться. Мы сумели уйти только тогда, когда пошел густой снег и ухудшилась видимость.

Запомнился декабрьский день, когда я направлялся в Озерко, в политотдел района, получать партийный билет.

С утра было морозно, но тихо, и я пошел в Озерко на лыжах. Партбилет мне вручили только вечером. Когда я отправился в обратный путь, на дворе мела метель. Я сбился с дороги и шел, ориентируясь на залив. Лыжи тонули в снегу, идти было трудно.

В километре от дома я окончательно выбился из сил. Ноги онемели. Страшно хотелось есть. Приходилось дышать через каждые 20—30 шагов. Наконец, увидел огонек. Сбросил с себя шубу и пополз. Мой крик услышали солдаты, работавшие на кухне. Подбежали ко мне, пытаюсь помочь, а я первым делом приказываю: «Скорее несите хлеба!» Сбегали, принесли. Я обогрелся, поел и лег спать. Когда доложили об этом командиру дивизиона капитану Скровову, он приказал не будить и не тревожить меня.

Весной 1942 года наша батарея была передислоцирована с Рыбачьего на Западную Лицу, где участвовала в апрельско-майском наступлении на мурманском направлении.

г. Пушкин  
Ленинградской обл.

В. СОКОЛОВ,  
бывший командир 2-й батареи  
104-го ПАП, гвардии полковник запаса

### НА НП БЕРЕГОВОЙ...

Когда началась война, я работал на Сухонском целлюлозно-бумажном комбинате в Вологодской области. Была семья — жена и двое детишек. В августе 1941 года, уже

без меня, родился третий ребенок. 22 июня в парикмахерской я узнал, что на рассвете немцы бомбили наши города. Вечером принесли повестку в райвоенкомат. Там мне назвали день явки — 11 июля. В оставшиеся две с лишним недели я работал почти круглые сутки: многих моих товарищей уже отправили на фронт, и людей в цехах не хватало. 11 июля, простившись с семьей, пошел в военкомат.

Когда поезд повернул от Вологды на Ленинград, я решил, что нас везут на Балтику, где мне пришлось служить в 1931—1934 годах. Но на станции Волхов нас пересадили в поезд, следовавший в Мурманск, и сообщили, что мы будем воевать на Северном флоте.

17 июля 1941 года я прибыл во флотский экипаж, прошел комиссию и был назначен сигнальщиком на батарею № 10. Во флотском экипаже на острове Кильдин пришлось вспоминать и семафорную азбуку, и азбуку Морзе, и флажную сигнализацию. На десятые сутки, ночью, нас погрузили на буксир, который шел на Рыбачий. В бухте Озерко мы покинули борт судна и лошадьми стали пробираться в расположение 221-й батареи.

Во время службы на 221-й батарее я вел короткие дневниковые заметки. Несколько лет назад я передал этот дневник учащимся девятого класса 92-й московской школы, которые собирают для школьного музея материалы о боевых делах космачевцев. Но часть записей сохранилась...

28/VII 1941 г. — понедельник.

Прибыл для прохождения службы на 221-ю батарею 113-го отдельного артдивизиона. Должность моя — сигнальщик. Командир батареи — майор Космачев П. Ф. Старшина сигнальщиков — Иван Афонин. Мой непосредственный начальник — Михаил Трегубов, командир отделения сигнальщиков.

3/VIII 1941 г. — воскресенье.

На батарею налетели 32 фашистских «юнкерса», сбрасывая бочки с мазутом и контейнеры с листовками. Пило-

ты летали низко, зная, что у нас нет зенитных орудий. Со злости мы стали палить по ним из винтовок...

5/VIII 1941 г. — вторник.

Прибрежные батареи противника выпустили в нашу сторону 48 артиллерийских снарядов. Жертв нет.

15/VIII 1941 г. — пятница.

При очередном обстреле немецкий снаряд попал в заднюю нишу третьего орудия. Вспыхнуло пламя пожара. Командир орудия Покатаев, краснофлотцы Морозов, Барканов, Рачков, Шалагин вынесли из огня более полутора тонн боеприпасов.

Краснофлотец Мацкевич поистине «родился в рубашке» — едва успел уложить на землю снаряд, как неожиданно раздался взрыв. К счастью, головка снаряда была повернута к морю, никто не пострадал.

Противник явно не скупился: на нашу батарею было выпущено 120 снарядов. Убитых и раненых нет.

20/IX 1941 г. — суббота.

Налетела целая стая «юнкерсов». Сбросили 34 бомбы и обстреляли из пулеметов. А мы молчим — запрещено стрелять из винтовок, чтобы вражеские самолеты не обнаружили позиции батарей.

У нас новый командир — Федор Мефодьевич Поночевный, а Космачева назначили командиром всего дивизиона.

16/V 1942 г. — суббота.

На горизонте появился транспорт в сопровождении четырех катеров. Держит курс в порт Петсамо. И тотчас над батареей закружили немецкие бомбардировщики. Мы обстреливали транспорт, а самолеты — наши орудия. Вовремя пришла на выручку соседняя зенитная батарея. Меткий залп — и один стервятник, окутанный дымом, скрылся за сопками.

Катера противника поставили завесу, но наша батарея не прекращала стрелять по горящему транспорту и заставила его повернуть назад.

26/V 1942 г. — вторник.

Вахтенный сигнальщик Михаил Трегубов обнаружил 17 кораблей противника: 2 транспорта, танкер, 6 тральщиков и 8 сторожевых катеров. Повторилась та же ситуация, что и десять дней назад, только бомбардировщиков на этот раз было куда больше — двадцать четыре.

Когда корабли подошли на дальность 74 кабельтовых, батарея открыла огонь. В ответ с неба посыпались бомбы. И опять наши зенитки подбили фашистский самолет. Он упал в море.

Подключилась соседняя батарея. Увидев, что сторожевики охвачены пламенем, немцы попытались скрыться за дымовой завесой.

По нашим позициям повела огонь береговая артиллерия противника. Кругом — сплошной гул.

Четвертый залп нашей батареи накрыл транспорт, а седьмой пришелся точно по танкеру.

Зенитчики сбили второй самолет. Но и сами понесли потерю — тяжело ранило командира установки лейтенанта Павлова. По дороге в госпиталь он умер.

На следующий день волны подогнали горящий танкер к берегу. Батарейцы потопили его.

За этот бой наша 221-я батарея награждена орденом Боевого Красного Знамени. Многие артиллерийцы получили ордена и медали.

12/VI 1942 г. — пятница.

Бомбят нас почти ежедневно, в основном с большой высоты. Нынче бомбили трижды: в 10 часов, в 14 часов и в 18 часов. Разбит склад. Потерь в живой силе нет.

29/VI 1942 г. — понедельник.

Противник обстреливал нас из 210-мм орудий. Один из двадцати четырех выпущенных снарядов попал точно: краснофлотцу Рачкову оторвало правую руку, у Шакирова много осколочных ранений, у Мацкевича сквозное ранение живота.

12/VII 1942 г. — воскресенье.

В 5 часов утра на очередной вахте наблюдал воздушный бой между истребителем и немецким «мессершмиттом-109». Фашист подбил из пулемета «ястребок», и он, не долетев метров 150 до нашей батареи, упал в воду. Летчик успел выпрыгнуть и приводнился на парашюте неподалеку от берега.

«Мессершмитт» сделал несколько кругов и улетел на свою базу.

Краснофлотцы батареи пошли на шлюпке спасать летчика, плававшего в надувном костюме. Подобрали, доставили на берег. Но медикам не удалось спасти летчика: слишком долго пробыл он в студеной воде...

28/VII 1942 г. — вторник.

Вели огонь по самоходным баржам противника. Одну баржу разбили в щепки.

15/VIII 1942 г. — суббота.

Вступила в бой 140-я батарея. Стреляли по транспорту и шести катерам охранения. Снаряды пролетели мимо...

5/X 1942 г. — понедельник.

В полдень над батареей появился самолет «фоккевульф», или «рама», как мы его называем. Он корректировал огонь по нашей батарее и сбрасывал листовки. Одна такая листовка попала ко мне. На ней был изображен мужик в лаптях, фуфайке, с лучковой пилой в руках, и написано: «Рус, сдавайтесь, вы будете хорошо жить». Краснофлотцы сразу же рвали эти листовки, отпуская в адрес немцев крепкие «комплименты». В этот день по нашим позициям были четыре батареи из Петсамо и пять полевых батарей, расположенных на берегу залива.

Особенно досталось первому батарейному орудью, заваляло дворик, повредило бруствер. От близкого разрыва в орудийный ствол набились камни. Прервана телефонная связь. Двое — установщик прицела Афанасий Стульба и заряжающий Аркадий Стругов получили ранения.

Для восстановления связи командование послало к первому орудью краснофлотца коммуниста Василия Смирнова. Осколками снаряда ему срубило голову. Василий лежал, сжимая в мертвых руках концы провода, соединить их он не успел...

Батарея продолжала вести огонь по противнику из второго, третьего и четвертого орудий. Оборвалась связь со вторым орудием, а через некоторое время орудие совсем вышло из строя. Были убиты замковый Иваницкий и краснофлотец Здунов, ранило в лицо комиссара Я. Е. Виленкина.

По нашей батарее в этот день противник в течение 2 часов выпустил 872 снаряда разных калибров.

3/XI 1942 г. — вторник.

Потопили транспорт противника.

11/XI 1942 г. — среда.

Вели огонь по катерам противника. Потопили один катер. По нашей батарее враг выпустил 56 артиллерийских снарядов.

12/XI 1942 г. — четверг.

Обстреливали порт Линахамари и прожектор противника: в порту пожар, прожектор разлетелся на куски. В ответ немцы послали в «наш адрес» 36 снарядов.

13/XI 1942 г. — пятница.

Вели огонь по баржам. Одну из них отправили на дно.

17/XI 1942 г. — вторник.

Стреляли осветительными снарядами по переднему краю обороны немцев.

18/XI 1942 г. — среда.

Повредили фашистский транспорт, не дав ему возможность пройти в Петсамо. Противник выпустил по нашей батарее 96 снарядов.

19/XI 1942 г. — четверг.

Били осветительными снарядами по немецким позициям на Муста-Тунтури.

30/XI 1942 г. — понедельник.

В ночь на 30 ноября я стоял на посту. Туман скрывал не только занятый врагом берег, но и часть моря. Сквозь ватную пелену я уловил доносившиеся из Линахамари гудки пароходов. Сразу доложил об этом командиру. Батарея стала обстреливать причалы Линахамари. В порту вспыхнул пожар.

Через некоторое время луч прожектора выхватил из темноты крупный транспорт противника. Дистанция 40 кабельтовых. Все четыре орудия перенесли огонь на транспорт. Судно загорелось и поспешило уйти в поло-су тумана.

С берега противник открыл огонь по батарее. Наши орудия временно замолчали.

Налетевший с моря ветер разогнал туман. Мы увидели, что подбитый транспорт по-прежнему стоит в бухточке. Командир второго орудия Саша Покатаев попал прямо в центр фашистского судна, которое после сильного взрыва сразу же затонуло.

Батареи противника снова обрушились на наши позиции. Мы прекратили огонь.

Затем мы обнаружили второй крупный транспорт, направленный в Петсамо. Покатаев снова открыл огонь и поджег судно. Затем присоединились другие орудия и через несколько минут потопили фашиста.

Еще один транспорт обнаружил сигнальщик Михаил Глазков. Итого в эту ночь наши артиллеристы потопили три транспорта. Никто из матросов ни на минуту не сомкнул глаз — все находились на своих боевых постах.

26/XII 1942 г. — суббота.

Меня приняли кандидатом в члены ВКП(б) в парторганизации 140-й батареи 113-го арtdивизиона по рекомендации Ковальковского Николая Трофимовича (парторг батареи), Покатаева Александра (командир орудия) и Игнатенко Владимира Федоровича (пом. командира батареи).

3/II 1943 г. — среда.

Получил кандидатскую карточку за № 4783233. Выдана политотделом Северного оборонительного района Северного флота. Дата — январь 1943 года.

Ведем бой с батареями противника. Подожгли транспорт. Тяжело раненного комиссара батареи Виленкина вывезли на Большую землю. Оказывается, ему повредило глаза и он ничего не видит. Как жаль комиссара! Все очень любили его.

У нас в гостях — московские артисты во главе с Мировым и Дарским. Концерт пришлось прервать: противник начал обстрел батареи.

Март 1943 года.

Бьем по разведанным целям на хребте Муста-Тунтури.

Поддерживали десант, высадившийся на вражеский берег, а на другой день в стереотрубу с НП было хорошо видно, как гитлеровцы ходили с носилками по сопкам, подбирая своих убитых и раненых.

Позднее я узнал, что из разведотряда Юневича вернулся только один моряк.

Зимой нас бомбили не часто, а с наступлением весны авиация и артиллерия немцев обрушились с новой силой.

В 17 часов с НП я заметил на морском горизонте слабые дымки. Доложил командиру пеленг и дальность. Это шел в порт Петсамо конвой кораблей противника. Не ожидая, когда батарея откроет огонь, гитлеровцы атаковали нас и с берега, и с воздуха.

С разных направлений на батарею шли 28 бомбардировщиков. Заговорили зенитки. По шести самолетам, идущим с моря, наша батарея дала несколько залпов дистанционными снарядами. Два самолета задымили и повернули к своему берегу. Остальные, увидев вспышки, ринулись бомбить орудия. Одновременно открыли огонь береговые батареи противника.

Появились три гидросамолета «дымзавесчика». По морю разлился густой дым.

Наша батарея поставила перед входом в залив Петсамо заградительный огонь.

Кораблей не видно, и мы стреляли по данным тепловизионной станции.

В этом бою я чудом остался жив. В зарядную нишу второго орудия попала бомба: взорвались снаряды, загорелись стенки орудийного дворика.

Передали приказ командира батареи: «Сигнальщику идти на помощь краснофлотцам второго орудия». Побежал выполнять.

Я был уже где-то на полпути к цели, когда рядом упала бомба, меня завалило землей, почувствовал, как по лицу и шее потекла кровь. Но надо подниматься и ползти дальше. Вот и второе орудие, сейчас оно похоже на горящий костер. Вокруг обуглившиеся тела матросов орудийного расчета.

Среди погибших Вениамин Кошелев (командир орудия), Владимир Зацепилин, Афанасий Стульба, Коля Курочкин. Сержант Тюлюбаев в бессознательном состоянии, ему оторвало пятку на правой ноге.

Я начал тушить песком бруствер, оттаскивая в сторону раскалившиеся снаряды. Потом пришли на помощь другие матросы.

Заградительный огонь нашей батареи сорвал проводку немецкого каравана.

14/VIII 1943 г.

Написал в газету «Краснофлотец» статью «Вражеские корабли не прошли».

После двухлетней службы на переднем крае меня и часть других краснофлотцев перевели на одну из тыловых батарей. Встретили известие, как наказание. Но командование разъяснило, что это своеобразная передышка, отпуск.

Меня определили на КП седьмой батареи 1-го дивизиона.

В октябре 1944 года, когда наши войска перешли в наступление, многие краснофлотцы стали проситься на передовую. Командование отвечало: «Потребуется — пошлем!». Части 14-й армии и Северного флота разгромили противника, заняли древнюю Печенгу и прогнали фашистов. Наша помощь так и не потребовалась.

До октября 1945 года я продолжал служить на седьмой батарее. Отсюда же и демобилизовался. Приехал домой. Жена сберегла всех троих детей. А сколько трудов это стоило, знает любая советская женщина.

Хочу добавить, что в Отечественную воевало нас, Дюковых, шесть братьев — трое рядовых и три офицера. Дрались на разных фронтах и в разных родах войск. Из шести трое не вернулись домой. Один брат погиб в 1941 году, второй в 1942 году, третий в 1943 году.

Вот и все, что я мог вспомнить и написать о событиях тех суровых лет. Конечно, и боев, и подвигов было значительно больше. Но рядовой краснофлотец не всегда знал о том или другом событии. Да, честно говоря, мы и не вели учет подвигам, каждый бой был рядовой службой. Мы просто выполняли свой воинский долг, не щадя жизни защищали свою Родину.

г. Светогорск  
Ленинградской обл.

Г. ДЮКОВ,  
бывший сигнальщик 221-й батареи

## БОИ, КАКИХ БЫЛО МНОГО...

Я хочу рассказать только об одном рядовом бое.

Наш пушечный артиллерийский полк стоял на защите полуостровов Рыбачий и Средний. Батарея, где я служил, занимала огневую позицию в юго-западной части полуост-

рова Средний. Помню, это была небольшая ложинка с редкими березовыми кустиками. На скалистом грунте — мох и лишайник. Жили мы в обычных фронтowych землянках. На самом берегу у кромки воды стояла береговая батарея Поночевного.

В один из весенних дней 1943 года наши наблюдатели обнаружили в Варангер-фьорде караван немецких судов. Задача нашей батареи определилась сразу: подавить огонь береговых батарей противника и совместно с артиллеристами Поночевного не дать фашистскому каравану пройти в Печенгу.

С НП подали команду: «К бою!». Расчеты заняли свои места у орудий. Замерли у телефонных аппаратов и радиостанций связисты.

Новая команда: «Цель № 71. Батарея. 3 снаряда. 20 секунд. Залпом, огонь!»

Наведены пушки, приготовлены боеприпасы. Но и немцы начеку. Едва караван приблизился к сектору обстрела, их батареи открыли методический огонь по нашему боевому расположению, а в воздухе появились бомбардировщики.

Мы бьем залпами по вражеским батареям, потом переносим огонь на транспорты, укрывшиеся за дымовой завесой. Огонь нарастает с обеих сторон. Самолеты начали сбрасывать бомбы. От грохота разрывов, рева пикирующих бомбардировщиков содрогаются земля и воздух. Тысячи осколков высекают на гранитных скалах и брустверах зеленые огоньки.

Люди не видели друг друга, но все работали на своих постах.

Один снаряд попал в радиорубку. Погиб радист Росликов. Другой вывел из строя четвертое орудие. Расчет понес большие потери. Однако остальные орудия по-прежнему вели интенсивный огонь. Никто не дрогнул. Все думали только о том, как бы выдержать и отомстить врагу.

Кромешный ад продолжался около часа. Потом все вдруг стихло. Дым на море рассеялся, и мы увидели, как караван повернул обратно, оставив в заливе горящее судно...

Так закончился этот обычный бой. Бой, каких было много...

г. Саратов

А. ЦЫГАНОВ,  
старшина батареи, 104-й ПАП

## ЛЮДИ НА ВОЙНЕ

### 1. Ценою жизни

Вблизи от переднего края находится поросшая мхом безымянная высота. На самой ее вершине в замаскированном блиндаже устроились артиллеристы-наблюдатели.

Безымянная высота то и дело подвергается бомбежке с воздуха и обстрелу из тяжелых немецких орудий.

Григорий Корнилов только что вернулся на высоту с командного пункта, куда ходил с донесением.

— Ну что нового? Как там на полуострове? — обступили друзья.

Корнилов рассказывает о последних сообщениях с фронтов, о гарнизонных новостях.

Перед заступлением на вахту Корнилов прилег отдохнуть. Разбудил его тревожный возглас:

— Связи нет!

— Линия повреждена? — вскочил с койки Корнилов.

Он так крепко спал, что не слышал, как наша батарея открыла огонь по минометам противника, а немцы ответили залпом тяжелых орудий. Где-то разрывом снаряда повредило линию связи батареи с НП.

Надо идти искать неисправность.

Снаряды проносились над головой, рвались совсем рядом. Держась за провод, Корнилов пробирался сквозь огонь где ползком, где вперебежку.

Провод уходил в большую зияющую воронку. Вот он обрыв. Соединив концы, Корнилов хотел было возвращаться, но решил проверить на всякий случай, весь ли кабель цел. И в тот самый момент, когда связист сращивал концы проводков, рядом разорвался снаряд. Осколок пробил комсомольский билет Корнилова.

...Комсорг батареи Василий Быков обвел собравшихся бойцов взглядом:

— Комсомольское собрание считаю открытым. На повестке дня один вопрос: «Быть таким, как комсомолец Корнилов».

Василий рассказал о подвиге, который совершил Корнилов всего несколько часов назад. Один за другим выступали комсомольцы. Их речи были немногословными. Говорили о боевых делах погибшего, вспоминали, каким он был жизнерадостным и трудолюбивым бойцом. Собрание постановило: открыть специальный боевой счет мести за Григория Корнилова.

Спустя несколько часов в этот счет занесли первых трех фашистов.

## 2. Два боевых дня

На одной из высот немцы установили противотанковую пушку, которая то и дело обстреливала наши позиции.

Разведчику сержанту Федору Щеглакову было приказано определить точное место нахождения орудия. По еле различимым в пасмурную ночь огонькам Щеглаков засек приблизительные координаты пушки, а выбрав подходящий момент, вместе с ефрейтором Василием Зайцевым отправился на разведку в боевое охранение. Почти у самой цели вражеский снайпер обнаружил североморцев. Зайцев

был ранен. Теперь Федор в одиночку продолжал выполнять задачу.

Примостившись возле камня, томительно ждал он, когда противотанковая пушка сделает выстрел и обнаружит себя.

...Подготовлены все необходимые данные. Щеглаков связывается с минометчиками капитана Хаецкого и сообщает им координаты «неуловимой» пушки. Комсорг Василий Быков, комсомольцы Алексей Бисеринкин и Николай Жгилев мгновенно развернули миномет.

— По фашистским гадам, орудийный расчет, огонь! — командует Алексей Бисеринкин, и летят тяжелые мины точно в цель.

Щеглакову хорошо видны их разрывы. Он корректирует огонь минометчиков.

В следующий раз Щеглаков заметил на дороге две немецкие подводы, груженные какими-то ящиками. Завернув за склон хребта, немцы остановились и стали разгружать поклажу. Щеглаков сообразил, что неспроста гитлеровцы прячут ящики от глаз людских. Уж не склад ли у них там?

Вскоре полетела первая мина. Она шлепнулась неподалеку от ящиков. Щеглаков сделал поправку — и вдруг сопки потряс сильный взрыв, за ним второй, третий. Это рвались немецкие снаряды, это горел крупный склад боеприпасов.

Так в течение двух дней минометные расчеты, которыми командовали Морозов и Нефедов, с помощью наблюдателя Федора Щеглакова уничтожили противотанковую пушку, склад боеприпасов, сожгли вражескую землянку и прямым попаданием разбили пулеметную точку. Фашисты недо считались многих своих солдат.

г. Мокшан  
Пензенской обл.

А. АНИШИН,  
старшина в отставке

## МОЙ ПЕРВЫЙ КОМАНДИР

Простите за такое сравнение, но, по-моему, служба под началом первого командира так же памятна, как первая любовь. Не забыть человека, из рук которого вы получили оружие, который учил вас азбуке военного дела, в трудные минуты заменял вам отца, водил вас в жестокий и правый бой.

Прошло без малого 30 лет с тех пор, как я прибыл в подчинение лейтенанта Василия Филимоновича Придня. В 1940-м он был командиром батареи, в которой люди называли себя «папанинцами». И не без оснований: даже при беглом взгляде на карту можно было заметить, что от батареи до полюса — рукой подать, до родных же мест — тысячи и тысячи километров. Север полуострова Рыбачий. Край непроходимых скал, вечных снегов и ветров-великанов.

До сих пор я удивляюсь: каким образом тяжелые 152-мм орудия очутились в этом «чайкином гнезде», в районе семидесятой параллели? Доставка и выгрузка их на побережье была подвигом, за который командир 104-го пушечно-артиллерийского полка Резерва Главного командования майор М. А. Щербаков в 1939-м получил из рук М. И. Калинина орден Красной Звезды.

Нелегко пришлось и новому пополнению, прибывшему на батарею из Москвы. В Баренцевом море теплоход «Ястреб» настиг ураган. Можете представить, как жалко выглядели мы, вчерашние студенты и молодые рабочие, видевшие до этого девятый вал лишь на полотнах Айвазовского! Когда нас доставили на берег, мы еле держались на ногах. Из буденовок, покрытых ледовым панцирем, торчали только заострившиеся носы. Поздоровавшись с нами, командир дивизиона капитан Н. И. Кавун тут же сообщил: с судна сброшены в море дрова для батареи, волны подгоняют их к берегу, наша боевая задача — выловить их. Направляясь

на батарею, каждому взять полено, иначе утром не будет горячего завтрака.

Кому из новобранцев не хочется совершить первый, пусть небольшой, подвиг! Все дружно бросились в ледяную воду... Не помню, сколько чурок дров донесли мы тогда до батареи. Нам пришлось идти... 29 километров! Идти по снегу, проваливаясь по пояс в болотистый грунт.

«Куда мы попали!» — с такой мыслью измученное желторотое воинство предстало перед высоким и стройным командиром батареи.

Лейтенант ободряюще положил кому-то на плечо руку и сказал:

— Товарищи, вы видели кинокартину «Семеро смелых»? Она снималась в наших краях. В фильме семеро отважных, а нас — батарея!

Простота командира подкупала. Конечно же, многие видели этот кинофильм, и тот факт, что мы оказались среди смелых, обрадовал нас.

А на следующее утро, когда нас накормили и распределили по взводам, старшина передал приказание командира: всем идти за дровами. На этот раз наш «марафон» составил 29 километров туда и столько же обратно.

Дрова на нашей батарее ценились дороже всех сокровищ. Их невозможно было доставить в недоступную бухточку ни морем, ни тем более через тундру на маломощных автомобилях. Вот и приходилось проверять на практике истинность слов: где олень не пройдет — там русский солдат должен пройти!

Между тем носить дрова становилось все труднее. Наступила долгая полярная ночь: темень — хоть глаз выколи. По тундре мы передвигались вслепую, привязавшись, как альпинисты, друг к другу веревками. Во главе групп шли лучшие следопыты. Но и их порой подводило чутье — сбивались с пути. Тогда на выручку выходили на лыжах лейтенант Придня и младший политрук А. Я. Яковлев. Они



сигналили ракетами, искали заблудившихся. Глоток спирта или кусочек сахара — и ребята добирались домой, правда, часто без дров.

Жили батарейцы, как Робинзоны. Для освещения зажигали тюлений жир — благо беспечные животные устранивали лежбища у самой огневой позиции. Наше культпросветимущество состояло из... не буду перечислять. Правда, находчивый младший сержант Гавриил Телюк сделал проводочные шахматы, а в ящике из-под сливочного масла смонтировал радиоприемник, который к нашему изумлению, говорил человеческим голосом.

При встрече нового, 1941 года некоторые из нас, новичков, собирались умереть от тоски. Тяжко, как безнадежный больной, стонало море, по-волчьи выл в проводах ветер. Ни газет, ни писем — давно не приходил рейсовый теплоход! Ни одной девушки в городке. Какое тут могло быть веселье! И вдруг в казарме зазвучали стихи, да еще из уст самого командира. Мы, что называется, ожили. Он прочитал веселую пародию, и вмиг на лицах красноармейцев появились улыбки. Лиха беда начало. Наводчик Иван Пушкин (не удивляйтесь фамилии: у нас в батарее были и Шолохов, и Погодин) запел любимую «В далекий край товарищ улетает...» Потом Придня, подмигнув ребятам, пустился в пляс. Его поддерживали другие.

Занятия у нас в любую погоду проходили на огневых позициях и в тундре. Бывало, вьюга носилась, как снежный бык, бодалась, рассекала лица, а связисты ползали прокладывая линию. Мы, вычислители, карабкались через сугробы с мерной лентой. Взгляды наши молили: «Разрешите хоть буденовку опустить». Но у командира на этот счет было особое мнение: раз красноармейцы мерзнут — плохо идут занятия. И следовала вводная, выполнив которую, все вытирали пот.

С вычислителями, «интеллигентней» батареи, чаще всего занятия проводил сам Василий Филимонович. По не-

скольку часов в день мы тренировались в подготовке данных для стрельбы по морским целям из полевых орудий. Нелегкое это дело. На батареях все данные выдают автоматические приборы. Нам же приходилось и прицел, и целик, и ВИР и ВИН определять путем сложных вычислений. Как радовался командир, когда нам удавалось это сделать на секунду быстрее!

Война нагрянула на нашу батарею не тревожным сообщением по радио, а, как говорится, собственной персоной. Прилетели «мессершмитты», и прежде чем была подана еще непривычная команда «Воздух!», на казарму обрушился град пуль и малокалиберных снарядов. Перед нашими глазами промелькнули молнии, раздался треск, запахло дымом. «Прощай, белый свет!» — воскликнул кто-то. Ребята бросились кто под стол, кто под нары. Я, уронив каску, прижался к стене.

«Надеть каски!» — услышали мы спокойный голос командира. Он был с нами — и от этого нам было не так страшно. А между тем второй самолет нанес удар по домику. Пули изрешетили потолок, стены, нары. «Кусочки смерти», еще не успев остынуть и потерять вращение, шевелились у наших ног. И, удивительное дело, хотя в казарме было полно людей, только тракторист Степан Ермак получил ранение. Итог этому внезапному взрыву подвел лейтенант Придня:

— Вот, товарищи, и боевое крещение! Как видите, вероятность смерти не так уж велика. Сотни пуль — и почти все мимо. Значит, преждевременно кто-то сказал: «Прощай, белый свет!» Мы повоюем.

После налета батарейцы простились с последней роскошью — домиками и обосновались в каменных укрытиях. Стало безопасней при бомбежках. Но возвращение к «пещерному» образу жизни некоторые из нас восприняли как отречение от всех благ земных и потребностей наших. Побросали бритвы, а кое-кто даже перестал умываться,

видимо, отложив это занятие до Дня Победы. Каково же было наше удивление, когда мы увидели командира по обыкновению чисто выбритым, с белоснежным подворотничком на гимнастерке, с начищенными до блеска пуговицами. Все поняли, что борода Робинзона Крузо не к лицу советским войнам даже тогда, когда им очень трудно. В те дни фашисты, имея большое численное превосходство, при поддержке авиации лезли из кожи вон, чтобы овладеть Рыбачьим и Средним...

Май 1942-го. Придня уже капитан, командир дивизиона, которому отводилась особая роль: он выдвигался в центр полуострова Средний и должен был держать на прицеле весь передний край.

Тяжело приходилось защитникам полуостровов. На них беспрерывно сыпались снаряды и бомбы. Они были отрезаны от Большой земли, находясь в тисках блокады. В поллярный день редко какому судну удавалось пробиться к Рыбачьему. Отсюда — лимит на снаряды, а это самое неприятное на войне. Приходилось затягивать потуже ремни: на завтрак были только грибы, на обед — суп грибной и грибы, на ужин — то же. Спасибо тундре — выручала нас.

Мы прибыли на высоту Н., чтобы развернуть штаб дивизиона. Первое время жили в снегу. Используя медвежий опыт, рыли ямы и ложились в них. Стоило пойти в снег — и у нас уже были готовы свои берлоги. Но и в таких условиях за считанные дни мы построили землянки, произвели топографическую привязку боевых порядков дивизиона, установили телефонную связь, наладили наблюдение за противником. И стрелять стали так, что морская пехота благодарила нас. В. Ф. Придня прослыл волшебником артогня. Он пристрелял все приметные ориентиры. В их районе противнику лучше было не появляться...

Настоящий подвиг командир дивизиона совершил в начале октября 1942 года. Воевали мы тогда под девизом:

«Бей фашистов на Севере — этим ты поможешь Югу!» Отряд морских пехотинцев, которым командовал легендарный разведчик старший лейтенант А. Я. Юневич, под густым покровом тумана штурмом овладел важной высотой «Яйцо». Три дня наши воины косили метким огнем переходивших в контратаки фашистов. Но и наши силы редели. Был ранен Юневич. Горстка храбрецов оказалась в окружении, кончались боеприпасы. Майор Придня решился, казалось бы, на невозможное: «отсесть» заградительным огнем своих от противника, когда он был уже совсем рядом. Снаряды ударили по чужим, не тронув своих. Уцелевшие гитлеровцы разбежались.

Шли тяжелые кровопролитные бои. А наш быт становился лучше. В землянках появились электричество и радио, нам стали доставлять дрова. Регулярно приезжала кинопередвижка. В нашей землянке выступали известные актеры Лев Мирон и Евсей Дарский, ленинградская певица Зоя Рождественская.

В апреле 1943 года у нас побывали поэт полковник Василий Лебедев-Кумач и композитор Константин Листов. Автор «Песни о Родине» запевал, а мы подтягивали: «От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей». Листов играл на аккордеоне свою знаменитую «Землянку». И всем нам казалось, что именно про нашу землянку написана песня: и огонь бился в тесной печурке, и до смерти было четыре шага...

Расставаясь, Лебедев-Кумач выдал импровизацию:

— Полков артиллерийских много в мире!

Один такой — под маркой сто четыре!

Это — про полк. Кстати, наш Краснознаменный полк был один из старейших и лучших в стране, почти что ровесник Советской Армии.

Со своим тезкой — нашим комдивом — Василий Лебедев-Кумач подружился. Они встречались и после войны.

В память о Рыбачьем поэт подарил артиллеристу книгу своих стихов и песен.

Все мы гордились, что командир и в артиллерийском деле силен, и в стихах разбирается. Стоит ли удивляться тому, что и автор этих строк, и другие его подопечные в минуту затишья брались за перо...

От командира взвода до начальника штаба полка — таков был путь Василия Филимоновича в 104-м. А в конце войны на Севере его назначили в бригаду морской пехоты командующим артиллерии. Грустно было расставаться с человеком, которому мы были обязаны многими успехами — и общими, и личными. Впрочем, и на новом месте майор Придня был отличным командиром.

В бою за порт Линахамари ярко проявилась еще одна грань его военного таланта — находчивость. Для захвата порта были высажены десантники во главе с майором И. А. Тимофеевым. С противоположного берега Василий Филимонович видел, в каком трудном положении оказались наши воины: по ним вели огонь многочисленные доты и дзоты. Но чем помог бы он им в этот момент? Ведь артиллерия еще была в пути, преодолевала километры бездорожья и минных полей! И вдруг возникла дерзкая мысль: а что, если воспользоваться немецкой техникой, например зенитными орудиями, которые враги бросили при отступлении? Из добровольцев-разведчиков он «сформировал» батарею, которая прямой наводкой ударила по вражеским огневым точкам. Десантникам сразу стало легче.

В послевоенные годы В. Ф. Придня командовал артдивизионом особой мощности. Десять раз участвовал в парадах на Красной площади. Его огромные пушки проходили мимо Мавзолея замыкающими, и народ смотрел на них с неменьшим интересом, чем теперь на стратегические ракеты.

23 года я ничего не знал о судьбе своего командира. А в канун 50-летия Советских Вооруженных Сил разыс-

кал его, побывал у него. Гвардии подполковник запаса В. Ф. Придня проживает в г. Усть-Лабинске Краснодарского края, Артиллерийский переулок, 3. Не скрою, название переулка вызвало у меня улыбку: даже в прославленном царстве пшеницы, винограда и помидоров старый артиллерист на своем «коньке».

Человек, который пахал землю снарядами, теперь почетный член Всероссийского общества охраны природы. Этого звания он достоин за многолетнюю и плодотворную работу на посту главного агронома — председателя районного совета общества.

Его приусадебный участок специальным решением признан опытно-показательным.

Да, надо было этому человеку прожить сорок месяцев во фронтовой землянке на Рыбачьем полуострове, среди голых скал и вечных снегов, чтобы теперь на юге утолить тоску по красоте родной природы! На своем «пяточке», где вместились бы всего одна пушка с орудийным двориком, старый артиллерист выращивает 33 сорта винограда, получая при этом урожай, превышающие так называемые средние в десять раз. На выставке он демонстрировал грозди солнечных плодов, достигавшие четырех с половиной килограммов! У него есть «дерево-сад», на котором растут шесть пород груш.

А какие цветы! Одни розы пятнадцати видов.

Есть еще одна должность у моего первого командира: он заместитель директора школы по военно-патриотическому воспитанию.

Сотням юных патриотов Советской Родины он прививает любовь к армии и флоту, учит их, как когда-то меня, азбуке военного дела.

Мой первый командир и теперь на правом фланге...

г. Москва

А. ЧЕРНОМЫС,  
капитан 2 ранга

## ВСТРЕЧИ И СУДЬБЫ

Великая Отечественная война... Став на время нашей жизнью, она отняла миллионы наших сограждан.

Даже всеильное время не изгладит в памяти нашего народа имена и образы тех, кто пролил свою кровь за счастье, свободу и независимость нашей Родины.

Кончилась война, пришла победа. Мы, батареицы, разъезжались с одной мыслью — поскорее попасть в свои родные дома к матерям и отцам, женам и детям. Мы растались, забыв даже обменяться адресами...

А через много лет, когда наладилась мирная жизнь, нахлынули воспоминания о самых тяжелых, трагических и, наверное, поэтому самых забываемых годах жизни. До боли в сердце захотелось повидать товарищей, услышать их голоса, узнать, как живут твои однополчане, неодолимо потянуло на места боев поклониться той израненной земле, товарищам, павшим в священной борьбе с ненавистным фашизмом.

В ноябре 1966 года, через двадцать с лишним лет, мне удалось побывать на Рыбачьем и Среднем, увидеть черные скалы Муста-Тунтури и бывшие позиции нашей 221-й Краснознаменной батареи.

Следы войны... Воронки от снарядов и бомб заполнились водой и превратились в маленькие озера.

Следы войны... Мы возлагаем венки на могилы погибших батареицев, к подножью обелисков, воздвигнутых в память о героических защитниках полуостровов.

Читаю фамилии тех, кто похоронен здесь, и глубокая скорбь наполняет душу. Николай Трофимович Ковальковский. Он как живой стоит перед глазами — высокий, стройный, с плотно сжатыми губами и постоянно серьезными глазами. Он погиб на КП 140-й батареи. В тот день противник обстреливал из 210-мм орудий наш новый командный пункт. Один из снарядов попал в амбразуру и поджег КП.

где укрывались от артогня солдаты-строители. Другой снаряд снес перекрытие и завалил выход. Более двадцати человек были обречены на трагическую гибель. Увидев пожар, Ковальковский поднял по тревоге дежурное отделение и сам первый бросился на помощь строителям. Он погиб, спасая жизнь других...

Идем к могиле Вениамина Кошелева. Вместе с ним здесь похоронен и весь его оружейный расчет.

Командир отделения Кошелев был смелым, правдивым и неистово влюбленным в свое дело человеком. Его подвиги нежное лицо излучало радость, душевную чистоту. В тяжелые дни он с таким пылом говорил о будущей победе, что, слушая его, все заражались его твердой верой.

Перед поездкой в Заполярье я написал матери и брату Вениамина Кошелева в Харьков. В ответном письме они просили поклониться могиле Вениамина и его боевых товарищей: Курочкина, Стульбы, Субботина. Я исполнил этот наказ.

В последнее время я связался со многими батареицами. В этом помогла моя книга «На краю земли советской».

Прислал письмо, а затем и приехал ко мне в гости бывший сигнальщик 140-й батареи Геннадий Иванович Дюков. Сейчас он пенсионер. Дедушка. Это он, Дюков, в бою 10 мая 1943 года, когда в зарядную нишу оружейного дворика Кошелева попала бомба, первым бросился спасать товарищей. Это он, Дюков, вынес из пламени раненого, потерявшего сознание командира отделения Тюлюбаева и предотвратил взрыв снарядов.

Получил я письмо и от бывшего старшины сигнальщиков 221-й батареи Афонина. Сейчас Иван Федорович работает в школе, в селе Островцы Псковской области.

Установил постоянную переписку с бывшим радистом Макаренко. Евгений Андреевич преподает сейчас в одном из ленинградских вузов.

Жив и Володя Игнатенко, мой боевой помощник. Он по-прежнему всегда шутит, всегда весел. Я частенько бываю у него в поселке Беличи Киевской области.

Мой одноклассник и боевой товарищ Зиновий Роднянский живет в городе Омске и работает учителем в школе.

Бывший комиссар 221-й батареи Петр Иванович Бекетов после увольнения в запас переехал на постоянное место жительства в г. Горький.

А недавно мне прислал письмо Алеша Ковбаснян — бывший старшина комендоров 221-й батареи. Он, теперь уже Алексей Иванович Ковбаснян, прокурор Ульяновского района Кировоградской области.

В апреле 1943 года Алеша был ранен в ногу. Вместе с тяжело раненым матросом Морозом его направили в госпиталь на Рыбачьем. Перед операцией Мороз попросил у Ковбасняна докурить самокрутку. Это была его последняя затяжка — матрос умер на операционном столе. Когда врачи предлагали Алеше ампутировать левую ногу, тот наотрез отказался. Девять месяцев возили Алешу по госпиталям. Он перенес страшные боли и муки, но отстоял ногу.

В январе 1944 года Ковбасняна выписали из Северодвинского госпиталя на двух костылях. Стояла лютая зима. На артиллеристе была старенькая пехотинская одежда. Алеша сразу же направился в штаб Беломорской Военно-Морской флотилии. Его принял начальник штаба. Алеша предъявил свою матросскую служебную книжку.

Узнав, что Ковбаснян — комендор с 221-й батареи, начальник штаба приказал выдать ему все новое флотское обмундирование командного состава. Алеша плакал от радости — оказывается, здесь знали и помнили о нас...

Из Северодвинска Ковбаснян поехал в город Мары Туркменской ССР, устроился диспетчером на железную дорогу.

А когда наши войска освободили Кировоградскую область, он выехал в Знаменку. Здесь он работал первым секретарем райкома комсомола, потом — народным судьей, а с 1952 года Ковбаснян — прокурор района. Юридическую школу и Одесский государственный университет Алеша закончил, будучи инвалидом II группы. Он женат. Двое его сыновей имеют высшее образование.

В 1957 году я встретился в Одессе с бывшим наводчиком 221-й батареи Николаем Павловичем Шалагиным. Тяжелой была наша встреча. Я даже представить не мог, что война и спустя десятки лет может продолжать издеваться над человеком.

...28 июня 1941 года, на шестой день войны, уже после того как мы первыми на флоте открыли огонь и потопили вражеский тральщик, 36 немецких самолетов ожесточенно бомбили батарею. Тогда и был контужен наводчик Шалагин. Коля не захотел эвакуироваться на Большую землю. Остался на батарее, вскоре поправился и вместе с друзьями топил корабли врага. Демобилизовавшись после войны, он уехал в поселок Няндому. Здесь Коля работал бухгалтером. Была жена, дочь. Была радость в семье. Но война оставила в организме Шалагина глубокие следы: контузия оказалась роковой. Организм деформировался. Николай много лечился. В Одессу, где мы встретились, он прибыл на санаторное лечение. Из моей биографии (кандидата в депутаты райсовета) Николай узнал, что я служу здесь, в Одессе, и написал письмо.

В первое же воскресенье я приехал к нему, но не застал в палате. В ожидании Шалагина стал прогуливаться у корпуса. Несколько раз я проходил мимо горбатого, хилого старика, стоявшего у входа в корпус.

А он смотрел на меня и боялся признаться. Лишь когда я в третий раз направлялся в палату, старик пошел следом за мной:

— Вы ищете Шалагина?

— Да, где он? — с тревогой спросил я.

— Я... это я, — ответил старик и опустил голову.

— Коля! — я обнял Шалагина.

Потом мы поехали ко мне на квартиру. Он долго рассказывал о своей жизни. Но что-то недоговаривал, утаивал. И только где-то в конце вечера, после стопки водки, он вдруг закричал неистово:

— Таких стрелять надо!

Оказывается, жена бросила его и забрала с собой дочь. Это было для Николая вторым тяжелым ранением.

Из Няндомы Шалагин мне писал длинные письма, лишённые всякой логики и здравого смысла. Вскоре он скончался.

Сопоставляю две судьбы — Шалагина и бывшего сигнальщика батареяца матроса Сергея Байдукова. В конце войны Байдуков тоже перенес контузию. После демобилизации он работал на заводе в Москве. Начались головные боли. Ему сделали три черепных операции, но болезнь не отступала. Вскоре Сережа потерял зрение, а паралич рук и ног полностью приковал этого мужественного человека к постели.

В этом трагическом положении его самым лучшим, искренним другом стала жена Мария Ивановна. Сейчас Байдуковы живут в городе Пласт Челябинской области. Под диктовку мужа Мария пишет мне письма. Недавно Сергей сообщил, что предстоит ещё одна операция, и он хочет, чтобы сделал её тот же врач, который оперировал в первый раз. Из Москвы ответили, что хирург переехал в Ленинград. Из Ленинграда сообщили, что больница закрыта на ремонт и принять Сергея не могут. Мы написали письмо в редакцию «Известий», и Сергею помогли. Вся семья Байдуковых борется за жизнь бывшего воина, сына и мужа.

Встречался я и с Яковом Ефимовичем Виленкиным, комиссаром 140-й батареи, ослепшим в одном из боев. Никакое лечение не помогло. Более двадцати лет перед его глазами стоял вечный мрак. Но это не сломало волю комиссара, стойкого коммуниста. Он знал, что ослеп навсегда и восстановить зрение уже невозможно. Знал, но продолжал лечиться, чтобы оставить какую-то надежду жене и сыну. Инвалид войны, он по сей день трудится на производстве, часто встречается с красными следопытами 60-й московской школы.

Об этих ребятах надо сказать особо. Это они организовали в октябре 1967 года в Москве встречу космачевцев, на которую прибыли Виленкин, Шкутник — бывший командир огневого взвода 140-й батареи, Дюков, Роднянский, Жуков — бывший старшина 221-й батареи, Афонин, Макаренко, Рыбаков — бывший комсорг 221-й батареи, бывший шофер 221-й батареи Куприянов, тот самый Куприянов, который в начале войны в течение пяти дней без сна и отдыха возил снаряды из Титовки на батарею. Однажды он заснул за рулем, заехал в море и едва не погиб. Этот солдат постеснялся просить отдыха, потому что считал: раз война — не должно быть никакого отдыха.

С Вячеславом Михайловичем Зайцевым, бывшим помощником командира 140-й батареи, а затем её командиром, я заканчивал службу в Севастополе. Сейчас Зайцев подполковник запаса.

Волнующая встреча произошла у меня с Константином Яковлевичем Листовым. Возвращаясь из Заполярья в 1966 году, я остановился в Москве и позвонил композитору. Когда он подошел к телефону, я поздоровался и, не называя себя, пропел его песню:

«Вьется в тесной печурке огонь...»

— Кто это? Кто! — заволновался Константин Яковлевич.

Я назвал себя и еще раз поздоровался. Композитор обрадовался и пригласил к себе домой. За беседой многое вспоминалось. В дни войны Листов побывал на нашей батарее вместе с поэтами Лебедевым-Кумачом, Родионовым и писателем Минниным. Навсегда запомнили эту встречу батареяцы.

Приезжавшие к нам композиторы, писатели, артисты, корреспонденты, кинооператоры вливали в нашу суровую боевую жизнь какую-то освежающую струю, снимали с души тяжелую накипь...

Лебедев-Кумач и Листов разучивали с нами новые песни, Родионов читал артиллеристам свою поэму.

В тот момент, когда Родионов выступал перед личным составом, раздался сигнал боевой тревоги. Поэт подбежал к орудийному расчету Кошелева.

— Так их, гадов! — в боевом азарте выкрикивал он, посылая в орудие очередной снаряд.

После боя он, веселый, раскрасневшийся, ввалился на КП:

— Ну, как? Это мои снаряды накрыли цель. Теперь я должен переделать свою новую поэму. Молодцы, артиллеристы!

Листов посмотрел с улыбкой на Родионова, снял китель, взял аккордеон, под мелодии боевых песен стал рассказывать нам, как воевал он на фронтах гражданской войны.

...И вот снова встреча. Крепкие объятия. Воспоминания. А под конец новые песни о советском флоте. Не расстается Константин Яковлевич с военными моряками. Как и прежде, находится в матросском строю.

Часто встречался я и с бывшим военным корреспондентом Владимиром Рудным. Рудный бывал на наших бата-

реях, писал о нас критические и похвальные статьи в центральных газеты. В его книге «Действующий флот» ярко описана боевая жизнь защитников полуострова Средний. Есть в ней и страницы, рассказывающие об артиллеристах-космачевцах.

С Космачевым, сначала командиром 221-й батареи, затем командиром 113-го Краснознаменного артиллерийского дивизиона, я виделся после войны: он преподавал в артиллерийском училище. Космачева уже нет среди нас. Рано ушел он из жизни. Очень рано...

В память о космачевской батарее, в Североморске на пьедестале установлено морское 130-мм орудие. Оно возвышается над заливом, устремив ствол туда, где в годы Отечественной войны отцы и старшие товарищи нынешних воинов дрались за победу, где лилась кровь и совершались подвиги...

г. Севастополь

Ф. М. ПОНОЧЕВНЫЙ,  
бывший командир 221-й и 140-й батарей,  
ныне полковник запаса

## ОГОНЬ ВЕДУТ БЕРЕГОВЫЕ БАТАРЕИ

В Североморске на берегу Кольского залива стоит на высоком постаменте орудие морской артиллерии. На монументе золотыми буквами высечено: «В честь североморцев-артиллеристов, проявивших доблесть, мужество и неггибаемую стойкость в обороне Советского Заполярья в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Орудие 221-й Краснознаменной батареи, открывшей в 1-й день войны боевой счет СФ потоплением вражеского корабля. Командир батареи старший лейтенант Космачев Ф. П.».

...Маленький финский порт Петсамо немцы превратили в главную базу снабжения своих войск на северном фланге Карельского фронта.

Но путь фашистских транспортов каждый раз преграждал меткий огонь 221-й батареи. Противник делал все, чтобы заставить замолчать наши орудия. Для прикрытия караванов немцы установили на своем берегу 4 тяжелых артиллерийских батарей, бросали для устрашения и подавления космачевцев крупные силы авиации. Обстановка потребовала усиления нашей артиллерии, контролирующей петсамскую коммуникацию. Надо было во что бы то ни стало закрыть фашистским кораблям вход в Петсамо.

Предстояло в самые жесткие сроки установить на новых позициях переброшенные из Мурманска батареи. Водушевленные победой Красной Армии под Москвой, краснофлотцы делали все, чтобы выполнить боевой приказ. Днем и ночью строили они землянки, склады, подсобные помещения.

Благодаря их самоотверженному труду точно в назначенный срок вошла в строй 147-я батарея. В мае 1942 года она провела первый бой, в котором спасла нашу «малютку». Произошло это так. Подводная лодка Героя Советского Союза Фисановича с победой возвращалась в родную базу. Озлобленные потерей еще одного корабля, фашисты послали за ней в погоню несколько тральщиков и катеров-охотников. Курсируя в районе, где погрузилась подводная лодка, немецкие корабли то и дело сбрасывали глубинные бомбы. За этой «расправой» наблюдали наши сигнальщики. Вскоре краснофлотец Антонов доложил, что фашистские корабли подошли к району действенного огня батареи.

По сигналу орудийные номера заняли свои места.

Получив последние данные от дальнометриков, командир старший лейтенант Николаев приказал открыть огонь. Фашистские корабли заметались из стороны в сторону, поставили дымовую завесу. Но залп накрыл один из фашистских кораблей. Другие, не выдержав поединка, стали

отходить. Через полчаса лодка всплыла и взяла курс на базу. Корабли противника заметили ее и снова бросились в погоню. Подойдя поближе, они начали артиллерийский обстрел. Но снаряды не долетали. Охваченные злобой, немцы решились приблизиться к берегу, чтобы покончить с лодкой. Тут их и встретили наши орудия. Потеряв на этот раз тральщик, немцы прекратили преследование подводной лодки.

221-я батарея, находясь на очень важной позиции, непосредственно контролировала вход в Петсамо. Она с первых дней войны вела активные боевые действия и к маю 1942 года отправила на дно Баренцева моря 2 фашистских транспорта, танкер, 3 тральщика и катер. Десять бойцов и командиров батареи к этому времени получили правительственные награды: четверо — орден Красного Знамени, пятеро — орден Красной Звезды и один — медаль «За боевые заслуги».

16 мая 221-я батарея подбила фашистский транспорт и тральщик, на следующий день серьезно повредила еще один тральщик.

26 мая артиллеристы потопили немецкий танкер водоизмещением 8—10 тысяч тонн.

Каждая проводка кораблей противника сопровождалась налетами авиации и ураганным артогнем по позициям 221-й и 222-й батарей.

Вот что писал в газете об одном из летних боев младший политрук Солодеев:

«Вражеская авиация произвела массированный налет на батарею. Налет продолжался 35 минут. Батарея вела огонь по самолетам противника. Временами невозможно было вести огонь, так как от большого количества разрывов бомб и частого их падения над батареей поднимался столб пыли, из-за которого не было видно цели. Самолеты начали пикировать с разных сторон на нашу батарею, мы не в силах были вести огонь сразу по всем самолетам



противника. Бомбы рвались по всей позиции, и некоторые падали у самых двориков.

Разрывом одной бомбы у первого орудия были убиты командир орудия младший сержант Соловьев и краснофлотцы Королев, Панфилов и Долгирев, ранены краснофлотцы Курапий и Мазонов. Тогда же был ранен командир батареи старший лейтенант Цыкин. В этом бою пал смертью храбрых военком 222-й батареи старший политрук Заплетин.

Орудия вследствие продолжительной стрельбы перегревались, и не производился накат. Личный состав вручную накатывал орудия и продолжал вести огонь по самолетам. Весь личный состав в данном бою проявил величайшее мужество и стойкость».

Вскоре на полуостров Средний прибыло пополнение: рядом с 221-й обородовали позиции 140-й и чуть позже 232-й батареи.

Устанавливать орудия приходилось под огнем врага. Командир и личный состав батареи 140 уже воевали на Западной Лице, поэтому быстро освоили технику стрельбы по морским целям.

С первых дней всеобщую любовь и уважение завоевал новый военком батареи, балтийский моряк Виленкин. В свои сорок лет он был неутомим. Во всех боях батарейцы неизменно видели своего комиссара на огневой позиции. Бывало, иной молодой краснофлотец боялся бежать к погребку за снарядами и задерживался, чтобы переждать огонь врага, но, встретив твердый спокойный взгляд Виленкина, краснел и опрометью бросался к погребку.

Под стать комиссару был и секретарь партийной организации старший сержант Н. М. Ковальковский, тоже бывший балтийский моряк. Ковальковский, как никто другой, знал думы, радости и горе краснофлотцев, умел вовремя прийти на помощь. В самых опасных местах он появлялся с веселой шуткой.

Несколько раз 140-я батарея поддерживала своим огнем действия нашей морской пехоты на перешейке Среднем, где гитлеровцы уже более года ломали зубы о нашу оборону.

14 сентября командование 63-й бригады морской пехоты передало личному составу батареи благодарность от роты разведчиков, которая накануне проводила дерзкую операцию в немецком тылу. Разведчики были замечены противником.

В этом тяжелом положении их выручили артиллеристы, они ударили по наступавшим немцам и, создав завесу огня, дали возможность разведчикам спокойно отойти и сесть на катера.

К этому времени враг уже стал использовать новую тактику морских перевозок. Решив не рисковать крупными транспортом, немцы стали посылать в Петсамо тральщики, сторожевые катера и самоходные баржи. Но и тут гитлеровцы просчитались. Только в сентябре 1942 года батарея уничтожила несколько самоходных барж, тральщиков и сторожевой катер. Взбешенные большими потерями, гитлеровцы произвели в ответ мощный артиллерийский налет, в котором участвовала батарея тяжелых орудий 210-мм калибра.

Огонь корректировался с самолета.

В воздух вместе с корнями взлетали исковерканные полярные березки, земля, осколки камней и снарядов. Шквал огня, тысячи килограммов металла обрушились на позиции. Но недаром так много труда вложили артиллеристы в обородование позиций, твердо помня правило: «Больше поту — меньше крови». Орудийным дворикам могло грозить лишь прямое попадание.

Именно то и случилось на 140-й батарее. От разрыва снаряда погибли заместитель политрука коммунист Яншин, помогавший орудийному расчету, и матрос коммунист Белоусов.

Бой продолжался почти четыре часа. Враг выпустил по батарее около 800 снарядов различного калибра, однако результаты оказались не такими, как ожидали немцы. На следующий день противник, считая наши батареи небоеспособными, попытался провести транспорт. Артиллеристы встретили его должным образом — получив серьезное повреждение, судно вынуждено было повернуть обратно.

6 октября, командуя флотом вице-адмирал Головкин за отличное выполнение боевой задачи объявил благодарность личному составу батареи, а 9 октября сам лично посетил дивизион.

23 октября мы узнали, что 221-я батарея за отличное выполнение боевого задания указом Президиума Верховного Совета СССР награждена орденом Красного Знамени.

3 ноября прожектор высветил вражеский транспорт водоизмещением 10—12 тысяч тонн, пробиравшийся под покровом темноты в Петсамо. Бой был коротким. Два попадания — и транспорт скрылся в волнах. Во время перестрелки тяжело ранило старшего политрука Виленкина.

В 1943 году специальный корреспондент газеты «Красный флот» Владимир Рудный побывал у Виленкина в Москве. Вот как он описывал эту встречу:

«В светлой комнате на 6-м этаже углового дома на Смоленской площади я нашел слепого моряка в синем кителе с нашивками политрука на обшлагах и орденом Красного Знамени, полученном в Кремле. Я рассказал ему о батарее, о людях, с которыми он жил и воевал, о тех, кто на скалистой земле у моря Баренцева думает о нем, желает ему здоровья и мстит за его беду, умножая доблесть нашего оружия. Я хотел ему передать всю глубину той большой человеческой дружбы, которую сохранили к нему в сердце эти люди».

13 ноября в ночном бою пал смертью храбрых прожекторист Юрий. С яростью били фашисты по его прожектору, осветившему две самоходные баржи. Не замечая рвущихся вокруг снарядов, Михаил упорно держал цель в луче и только прямое попадание снаряда потушило прожектор и остановило сердце комсомольца. Матрос Юрий посмертно награжден орденом Красного Знамени. Батареицы умело выполняли свои обязанности, несмотря ни на какие помехи.

Утром 30 ноября дивизион проводил большую группу бойцов, уезжавших на юг страны бить врага. У орудий остались сокращенные расчеты. Нехватку людей восполняла отличная боевая выучка. Многие краснофлотцы взяли на себя обязанности двух-трех номеров и успешно справлялись с ними. Особенно отличились в боях матросы Жбанов, Веселов, Баранов, Шубин, Тараненко с 221-й батареей; Криничев, Субботин, Зацепин, Шавьев, Молосков со 140-й батареей; Максимов, Гладышко, Седов, Галашкин с 222-й батареей.

Гитлеровцы прибегали к разным ухищрениям, чтобы как-то нейтрализовать действия наших батарей. Почти ежедневно методично вели они изнуряющий обстрел, пытались дезорганизовать жизнь батарей, применяли дымообразующие снаряды, развешивали над батареями осветительные снаряды, чтобы ослепить наводчиков.

В бою 1 марта пали смертью храбрых командир 2-го орудия 221-й батареи комсомолец Иван Правдин и заряжающий Алексей Дмитриевич. Осколками ранило шесть человек.

Большую находчивость проявил наводчик коммунист Григорий Хомяков. После гибели Правдина он принял на себя командование, оказал необходимую помощь раненым и тут же принялся ремонтировать орудие. Поредевший расчет в невероятно короткий срок сумел вернуть орудие в строй.

Тяжелораненый старшина группы комендоров коммунист Алексей Ковбаснян, жвав губы от нестерпимой боли, не проронил ни одного стога.

— Ничего, — говорил он на прощание товарищам, — мы еще дадим фрицам жару, за все отомстим. Жаль, что я сейчас выбыл из строя, но пока буду в госпитале, бейте немцев. Вернусь — вместе будем бить.

Коммунист матрос В. Степанов, получив серьезное ранение в ногу, отказался от помощи и остался в строю.

5 марта 1943 года в дивизион пришла телеграмма:

«Командиру 113 ОАД майору Космачеву и всему личному составу.

Дорогие товарищи! Мурманский обком ВКП(б) и Мурманский областной Совет депутатов трудящихся горячо приветствует вас, славных артиллеристов-североморцев и поздравляет с высокой правительственной наградой орденом Красного Знамени, завоеванной в упорных боях с немцами. Смело и мужественно, презирая смерть, с отвагой, свойственной советскому народу, вы истребляете подлых врагов. Мы выражаем полную уверенность, что и впредь вы, воодушевленные высокой правительственной наградой, с еще большим большевистским упорством будете громить фашистские полчища, топить в морской пучине фашистские транспорты и оправдаете высокую награду новыми победами во славу нашей Родины, во славу нашей большевистской партии Ленина—Сталина. Вперед, к новым победам!

Секретарь Мурманского обкома ВКП(б) —  
С т а р о с т и н.

Председатель Мурманского обласполкома —  
Л ы т к и н».

Середина и вторая половина 1943 года были особенно напряженными. Враг усилил свою группировку на участке полуострова Средний. Немецкая авиация регулярно совершала налеты на боевые порядки дивизиона. В двадцатых числах мая в одном из таких боев трагически погиб наш всеобщий любимец командир орудия 140-й батареи Вениамин Кошелев.

Авиационная бомба попала в зарядную нишу. Вспыхнул порох. Взметнувшееся пламя мгновенно разошлось по всему орудийному дворику. Вместе с Кошелевым погибли матросы Курочкин, Зацепилин, Васильев, Семьянов и Вихарев.

Установщик кошелевского расчета Николай Стахийев во время пожара был тяжело ранен, но не ушел с поста. Он вытащил из огня обожженных бойцов, а затем, напрягая последние силы, стал черпать воду из близлежащего озера и тушить пожар. Отважный комсомолец спасал орудие до того момента, пока не упал без сознания от потери крови.

Артиллеристы 113-го артдивизиона в годы Великой Отечественной войны уничтожили и повредили большое количество кораблей противника. В период войны по боевым порядкам наших батарей, на Среднем, немцы выпустили 25 тысяч снарядов и сбросили более 4 тысяч бомб. Однако батарейцы жили и продолжали драться с ненавистным врагом.

Приказом командующего Северным флотом в списки 140-й и 221-й батарей зачислены навечно:

младший сержант Кошелев Вениамин Михайлович — командир орудия;

старший сержант Ковальковский Николай Трофимович — парторг батареи;

младший сержант Правдин Иван Иванович — командир орудия;

краснофлотец Котов Александр Федорович — наводчик.

410 бойцов и командиров 113-го Печенгского Краснознаменного отдельного артиллерийского дивизиона награждены орденами и медалями Советского Союза.

Г. МИРОШНИЧЕНКО,  
полковник запаса, бывший командир 7-й батареи  
береговой обороны Северного флота



**ДЕРЕТСЯ  
МОРСКАЯ  
ПЕХОТА**

## ПИКШУЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

*«На Крайнем Севере отряд моряков высадился в тылу противника и внезапным налетом уничтожил более 150 немецких солдат и офицеров, 10 дерево-земляных укреплений, склад с боеприпасами и 5 блиндажей».*

(Из вечернего сообщения Советского Информбюро от 20 сентября 1942 года)

Немецкий солдат Франц Виземен в 1942 году писал Ритте Келлер в Офернбах:

«Уже 10 дней мы находимся в состоянии боевой готовности. Каждый из нас за это время не раздевался и не разувался. Русские снова пытаются высадиться на нашем побережье, но я говорю себе: «У каждого своя судьба, против нее ничего не поделаешь».

Самым главным нашим врагом являются начинающиеся длинные ночи и частые туманы. Я уже свыше двух месяцев на Крайнем Севере, и кто знает, сколько еще придется здесь пробыть».

Вопрос о сроках пребывания Франца Виземена на Крайнем Севере решили во время одной из вылазок бойцы морской пехоты.

На сопках Заполярья гитлеровцы боялись не только длинных ночей и частых туманов, но и тишины. Вот что писал другой немецкий солдат своей семье в Ретенсбург:

«Сегодня я всю ночь просидел за пулеметом. У нас обстановка сейчас несколько напряженная. Ночи очень темные, а сегодня был уже довольно густой туман. Сегодня ночью снова было очень неспокойно, но все-таки это лучше, чем таинственная тишина».

Да, неспокойно чувствовали себя немцы на Севере даже за своими укреплениями. Морские пехотинцы Северного флота не раз совершали смелые налеты на вражеские позиции, пуская в ход автоматы и гранаты, штык и нож.

### Подготовка

На мысе Пикшуев голые гранитные сопки круто спускаются к Мотовскому заливу. Растительности почти никакой, лишь кое-где по лощинам стелется чахлый березовый кустарник. Беспорядочно громоздятся сопки, вся местность усеяна огромными валунами.

Холодный и угрюмый мыс занят противником. Немцы создали несколько опорных пунктов, каждый из которых имел свою систему дотов, блиндажей и других сооружений, рассчитанных на круговую оборону. Вся зона опоясана колючей проволокой, а подступы к ней покрыты минными полями.

Сооружения построены с расчетом, чтобы огонь одной точки перекрывался огнем другой. К этой системе подключались минометные и артиллерийские батареи, расположенные в глубине обороны. В результате — прибрежная полоса мыса Пикшуев и часть Мотовского залива находились под перекрестным огнем.

На вершинах сопки немцы расположили скрытые корректировочные посты с круговым сектором наблюдения.

Мыс Пикшуев контролировал нашу коммуникацию по Мотовскому заливу, постоянно обстреливая транспорты, идущие на Рыбачий и Средний.

6 сентября 1942 года командир 12-й бригады морской пехоты полковник Рассохин получил приказ разработать план уничтожения укрепленного района на мысе Пикшуев.

Опыт подсказывал, что операцию необходимо провести за ночь и к утру вернуться обратно. Налет на вражеский берег должен быть внезапным, действия бойцов, командиров и полнотрабтников — смелыми и решительными.

Началась напряженная подготовка. В тот же день командир бригады полковник Рассохин, комиссар Надежин и начальник политотдела батальонный комиссар Кулагин подобрали весь командный состав десантного отряда. Предполагалось выделить две усиленные роты разведчиков и автоматчиков и 20 саперов. Общая численность отряда — 320 человек.

Разведротой командовал бывший ленинградский шофер коммунист Николай Иванович Грачев, скромный и смелый человек, кавалер ордена Красного Знамени.

Комиссаром этой роты был общий любимец разведчиков старший политрук Василий Дмитриевич Исаев, награжденный за мужество орденом Красного Знамени.

Взвод разведчиков возглавил орденосец лейтенант Носков, побывавший уже восемь раз в глубоком тылу врага.

Вечером 6 сентября все командиры и полнотрабтники десантного отряда собрались в землянке комбрига. На стенах развешены карты Мотовского залива; красные стрелки в двух вариантах обозначают направление ударов по Пикшуеву.

Полковник Рассохин коротко и деловито разобрал план операции, указал каждому командиру его район действия, обратил особое внимание на подбор личного состава и строгое сохранение тайны.

После совещания военком бригады Надежин провел инструктаж политсостава. Главная задача политработников — тщательно отобрать личный состав, правильно расставить по подразделениям коммунистов и комсомольцев, проверить оружие и боезапас.

По замыслу командования десантный отряд разбивался на две группы: разведчики под командованием Грачева должны были высадиться левее маяка Пикшуев, автоматчики старшего лейтенанта Белозерова — правее маяка. Дальше десантные группы, каждая со своего фланга, выходят в тыл вражеских укреплений, соединяются в районе безымянной высоты, условно названной «Картошка», и, отрезав пути отступления, сбрасывают фашистский гарнизон в залив.

Вооружение десантников — легкие автоматы, гранаты и ножи.

На следующий день, 7 сентября, закончилось формирование десантного отряда. В него вошли бойцы, известные в бригаде своей стойкостью и мужеством, такие как политрук Сумароков, член партийного бюро старшина 2 статьи ВКП(б) старшина 1 статьи Довнар, член партийного бюро старшина 1 статьи Меньших, кандидаты в члены ВКП(б) лейтенант Пикулевич, старшина 1 статьи Меньшиков, краснофлотец Крипичный, командир отделения Лысяк.

В роте автоматчиков из 183 человек 23 члена ВКП(б), 21 кандидат и 43 комсомольца.

В роте разведчиков — 70 членов ВКП(б), 34 кандидата в члены партии, остальные 40 человек — комсомольцы.

В ротах и взводах создавались партийные и комсомольские организации.

8 сентября десантный отряд провел учение, на котором проверялось умение комсостава управлять подразделениями в условиях гористой местности и полярной ночи. Занятия проводились у мыса Май-Наволоч, который по своей

конфигурации и рельефу напоминал район будущих боевых действий. Тут же на месте учения состоялся митинг. Полковник Рассохин рассказал о готовящейся операции и призвал бойцов, командиров, политработников выполнить приказ командования.

Слова командира о предстоящих действиях в тылу врага бойцы встретили с большим подъемом, хотя никто из них еще не знал ни объекта, ни назначенного дня операции.

Командир отделения коммунист Лысяк говорил, выступая на митинге:

— Идя на эту операцию, я клянусь бить немцев так, как били их славные героини-севастопольцы. Жизни своей не пожалею, но задание выполню. Призываю вас всех, матросы-североморцы, бить фрицев нещадно и оправдать доверие командования.

Вечером 8 сентября политотдел вновь собрал на совещание всех политработников десантного отряда. Были тщательно разработаны итоги первого дня учений, определено место каждого политработника в предстоящем бою.

9 сентября там же было проведено повторное учение десантного отряда. Оно показало, что личный состав хорошо усвоил свою боевую задачу. Во время разбора командиры внесли предложения: не брать стальные шлемы, вызывающие лишний шум при ходьбе по камням, вместо ватных фуфаяк выдать десанникам плащ-палатки, уменьшить количество патронов и взять лучше побольше гранат. Предпочтение отдавали гранатам Ф-1. «Эфки» прорты в обращении, имеют большую силу взрыва, их можно носить в карманах. Командование бригады согласилось с этими предложениями.

После учения в ротах прошли партийные и комсомольские собрания с повесткой дня: «Задачи коммунистов и комсомольцев по разгрому врага в предстоящей операции».

Политработники десантного отряда и политотдела во всех подразделениях провели доклады и беседы на темы: «Бессмертный подвиг 25 краснофлотцев», «Сам умирай, но товарища выручай», «Лучше смерть в бою, чем позорный фашистский плен», «Приказ командира — закон», «Как подгонять свое снаряжение», «Больше действуй гранатой и ножом».

8 сентября вышел очередной номер многотиражной газеты Северного оборонительного района «Североморец». Газета призывала десантников смело идти в бой, на ее страницах публиковались ценные советы десанникам.

Две листовки, обращенные к разведчикам, выпустил политотдел Северного оборонительного района. Вот текст одной из них:

#### СЛАВНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ-СЕВЕРОМОРЦЫ!

Под командованием старших лейтенантов Грачева и Юневича вы совершили несколько налетов на тылы врага.

Держко и беспощадно расправляясь с врагом, вы убили больше 300 фрицев, разгромили вражеские опорные пункты, захватили трофеи и ценные документы, привели с собой «языков».

Матросскую удадь, отвагу и геройство проявили разведчики Поярко, Довнар, Плотников и многие другие.

Это они беспощадно истребляли фашистских мерзавцев из автоматов, гранатами, штыками.

Берите пример с этих бойцов и командиров, которые не возвращаются без побед, без пленных фрицев и военных трофеев.

Родина ждет от вас новых подвигов!

Беспощадно убивайте немцев! Бейте их из автоматов, крошите гранатами, режьте ножом, истребляйте чем

сподручнее. Чем больше истребите немцев на Севере, тем больше поможете братьям на Юге.

Смерть немецким оккупантам!  
Вперед, товарищи разведчики!  
Да здравствует наша Родина!

О большом политическом подъеме в отряде говорит один тот факт, что перед выходом на задание от участников десанта поступило 126 заявлений с просьбой принять в ряды ВКП(б).

10 сентября десантный отряд отдыхал.

#### Десант

К 21 часу 10 сентября все участники десанта уже находились в губе Эйна. На коротком совещании, готовясь к посадке на катера, командирам катеров разъяснили задачу, указали место высадки и путь снятия отряда. Действия десантников прикрывали три артиллерийские батареи, специально переброшенные в район Эйны.

Все партийные и комсомольские документы сданы на время операции в политотдел. Настроение у бойцов отличное. Командиры бригады тепло прощаются с десантниками, желают им успеха.

Сверяются часы. Ровно 22.00. Началась посадка, 22 часа 55 минут — посадка закончена.

23.00. Отчалил первый катер. На его борту группа захвата — взвод автоматчиков под командованием лейтенанта В. А. Мануйлова. Взвод должен первым ступить на занятый противником берег и захватить плацдарм для высадки остальных десантников.

Один за другим уходят катера в темную полярную ночь. В тишине слышен лишь слабый рокот моторов.

11 сентября. 00 час. 10 мин. Группы разведчиков под командованием старшего лейтенанта Грачева и старшего политрука Исаева высадились в двух пунктах. Группа



Исаева сразу наткнулась на опорный пункт противника. Немцы открыли яростный пулеметный огонь. Краснофлотцы залегли, отстреливаясь из автоматов.

Комиссар Исаев понял, что создается напряженная обстановка и нужны решительные действия. Он поднялся во весь рост и с возгласом «Вперед! За Родину!» первым ринулся на вражеские позиции и убил фашистского офицера. Все как один поднялись за своим комиссаром разведчики. В ход пошла «карманная артиллерия». Разрывом вражеской гранаты убило Исаева. В эту минуту растерянности и замешательства член партбюро, старшина 2 статьи Лев Бамштейн, командовал:

— Вперед, североморцы! Отомстим за смерть комиссара! За Родину! За партию! Вперед!

Отделение коммуниста старшины 1 статьи Меньших уничтожило несколько землянок с гитлеровцами. Узнав о гибели комиссара, Меньших крикнул: «В плен никого не брать!» — и бросился к блиндажу, из которого гитлеровцы вели огонь. В амбразуру полетели две гранаты. Стрельба прекратилась. Удар ногой в дверь — и вот уж командир ворвался в блиндаж, поливая свинцом оставшихся в живых немцев.

Бой продолжался. Меньших, старшина 2 статьи Меньшиков и краснофлотец Шелехов броском продвинулись к отвесной скале, на которой находился вражеский дзот. Заметив приближавшихся моряков, гитлеровцы осыпали их пулями и гранатами.

Разведчики залегли, а затем, переползая от камня к камню, стали подбираться к дзоту. Немецкие пулеметы чертили в ночной темноте огневые линии.

И вот, наконец, отважная тройка бойцов под скалой, в «мертвой зоне», медленно, поддерживая друг друга, карабкались вверх по скале североморцы, пока не оказались на площадке перед дзотом. Откуда-то сбоку вывернулся немецкий автоматчик и бросился на командира отделения.

Меньшиков успел выхватить нож и мгновенно прикончил фашиста.

Приблизившись к дзоту, моряки бросили сверху в трубу несколько гранат-«эфок». Дзот замолчал. Подоспевшие саперы заложили взрывчатку, и еще одна огневая точка врага превратилась в груды дымящихся развалин.

С другого фланга на вражеский опорный пункт наступал взвод разведчиков Зуева, к которому примкнул с небольшой группой бойцов Бамштейн. Расположенный на вершине сопки дзот противника пулеметным огнем прижал краснофлотцев к камням. Лежавший рядом с Бамштейном комсомолец Гусев швырнул гранату. Но расстояние было слишком велико, и граната разорвалась, не долетев до цели.

— Дайте-ка я подберусь поближе, — попросил Гусев.

— Давай!

Краснофлотец пополз. Весь взвод с затаенным дыханием следил за смельчаком. Гусев все полз и полз, пока темнота не скрыла его. Время шло, а Гусева не было «слышно».

— Пропал парень, — решили краснофлотцы. — Надо самим двигаться к дзоту.

Поползли вверх по сопке. И тут, как на беду, притаившийся снайпер вывел из строя несколько наших бойцов.

Секретарь комсомольской организации взвода Жовтяк пополз по направлению выстрелов и вскоре метрах в 20 от себя обнаружил блиндаж, из которого вел огонь фашистский снайпер.

Немцы тоже заметили Жовтяка и стали охотиться за нашим сержантом. В это время на помощь Жовтяку подоспел краснофлотец Маслов. Вдвоем они бросились к блиндажу. Маслов погиб, но приказали долго жить снайпер и еще два фрица. А Гусев между тем был жив и продолжал «обхаживать» фашистский дзот. Краснофлотец решил действовать наверняка: забрался на крышу

огневой точки и, применив излюбленный прием разведчиков, спустил в дзот несколько гранат.

Бой закончен. В ходе его разгромлен вражеский опорный пункт, насчитывавший 8 дзотов, несколько блиндажей и землянок, уничтожен весь его гарнизон. Приняв походный порядок, отряд выступил на соединение с группой старшего лейтенанта Белозерова.

Полурота разведчиков под командованием Грачева, высадившаяся левее, сразу же начала продвижение. Впереди группы шло дозорное отделение во главе с опытным разведчиком старшиной 2 статьи Умитбаевым.

Взобравшись на одну из прибрежных сопок, дозорные обнаружили ветряную электростанцию, а вокруг нее — землянки и палатки. Отправив одного краснофлотца к командиру, Умитбаев с остальными бойцами стал осторожно продвигаться к расположению врага.

А в это время к району электростанции уже подошла группа лейтенанта Стрелкова. Часть бойцов двинулась в обход, другие держали на изготовке автоматы. Но нет команды открыть огонь. Надо ждать, напрягая нервы. Надо ждать, чтобы ни один фриц не вышел живым из окружения.

Только когда из землянки один за другим вылезли несколько фашистов, лейтенант Стрелков дал команду:

— По бандитам огонь!

Сухие очереди автоматов. Два гитлеровца падают замертво, остальные пытаются скрыться в землянке.

— Вперед! — слышится команда за электростанцией.

Короткой была эта схватка. В воздух взлетела электростанция, уничтожены все палатки, землянки, перебиты все гитлеровские солдаты. Гарнизон вражеского опорного пункта, заслышав стрельбу у электростанции, успел занять оборону.

Окружив сопку, на вершине которой ошетинились доты и дзоты, разведчики стали готовиться к броску.

И вот штурм. Пять часов немцы отчаянно сопротивлялись, поливая смертельным огнем наступавших десантников. Пять часов длился жаркий бой, в ходе которого наши разведчики взорвали восемь дзотов, шесть минометов, два склада с боеприпасами и один с продовольствием. Больше 60 гитлеровских солдат и офицеров нашли себе могилу на этой высоте.

Выполнила свою боевую задачу и группа автоматчиков старшего лейтенанта Белозерова. Продвигаясь после высадки, автоматчики наткнулись на фашистскую батарею — одну из тех, что постоянно обстреливала наши суда в Мотовском заливе.

Краснофлотцы бесшумно окружили батарею: немцы и не подозревали, что у них в тылу могут оказаться советские десантники. Старшина 2 статьи кандидат в члены ВКП(б) Лысак первым ворвался на огневую позицию и в упор застрелил одного фашиста. Растерянные гитлеровцы сразу же подняли руки.

Старший лейтенант Белозеров вместе со связным Криничным заскочили в землянку. Там было темно и тихо. При свете фонарика разглядели еще одну дверь. Резкий удар ногой, и разведчики переступили порог. Четверо немцев, в их числе обер-лейтенант, смотрели с испугом и недоумением.

— Руки вверх! — крикнул Белозеров.

Двое фашистских вояк попытались взять оружие, но их свалила автоматная очередь Криничного. Моряки обыскали обер-лейтенанта, забрали лежавшие на столе карты, полевые сумки и направились к выходу.

— Товарищ лейтенант, — остановился Криничный, — думаю, там еще остались гады, под нары забились.

— А ты проверь...

В сторону землянки полетели две гранаты, которые и похоронили под горящими развалинами спрятавшихся фашистов.

В соседней землянке краснофлотец Кремнев расстрелял из автомата семь или восемь гитлеровцев. Все произошло молниеносно. Автоматчики разгромили батарею, уничтожили прислугу, саперы взорвали орудия, склад с боезапасом и продовольствием, конюшню. В бою нашли смерть около 80 гитлеровцев, а командир батареи и шесть грязных трясущихся от страха солдат попали в плен.

Надо развить наступление. Приняв боевой порядок, рота двинулась по направлению к маяку Пикшуев.

Ночь подходила к концу. Кругом пустынно и тихо. Но вот в предрассветной мгле перед морьяками открылась сопка, обтянутая в несколько рядов колючей проволокой. На ее вершине и на склонах видны какие-то сооружения. По расчетам командования, именно здесь должен быть главный опорный пункт врага на мысе Пикшуев.

Моряки залегли. Надо проверить, нет ли минных полей и подготовить проходы в проволочном ограждении. Томительно ожидание. Наконец доложили — «проходы в минных полях сделаны, проволока разрезана».

Можно переходить в наступление. Ползком, все ближе и ближе, подбираются к фашистским укреплениям бойцы отряда. И вдруг в предутренней тишине прогремела пулеметная очередь — десант обнаружен.

— Вперед, автоматчики! Полундра, матросы идут! — поднявшись во весь рост, кричал Белозеров.

Многих фашистов истребил в этой схватке командир отряда старший лейтенант Белозеров, но и сам пал от вражеской пули. Командование группой взял на себя военком роты старший политрук Баранов. Гитлеровцы не могли использовать дзоты, амбразуры которых были направлены в сторону залива, поэтому вынесли часть станковых пулеметов на заранее подготовленные площадки и с открытых позиций в упор стреляли в моряков.

Наступление приостановилось. Чтобы отвести бойцов назад и вызвать огонь артиллерии, потребовалось бы мно-

го времени. Последовал приказ: двум пулеметным расчетам и снайперу Беспалову подавить огневую точку противника, которая особенно мешала продвижению.

Метким огнем наши бойцы загнали немецкие расчеты в укрытие. Воспользовавшись этим, группа десантников под командованием старшего лейтенанта И. Г. Щепетьева решила обойти опорный пункт слева.

Разгоряченные боем старшина 1 статьи Феофанов, матросы Кабаненко и Васильев вырвались далеко вперед и увидели, что по ложине идут прямо на них 16 немецких солдат.

Феофанов послал Кабаненко в обход слева, Васильева — справа, а сам остался на месте. Немцы двигались очень осторожно, пугливо озираясь по сторонам. Они не догадывались, в какой тесный «мешок» втянула их тройка смельчаков. Когда расстояние сократилось до 15—18 метров, Феофанов бросил гранату, а вслед за этим раздалась автоматные очереди. Через несколько минут на земле лежали скорченные трупы фашистов.

Основной опорный пункт противника на мысе Пикшуев был разгромлен, гарнизон его истреблен.

Все участники десанта дрались героически. Не было ни одного случая малодушия или трусости. Но одна оплошность обернулась гибелью нескольких наших бойцов. Произошло это так. Десять автоматчиков во главе с лейтенантом Пикулевым, следовавшие к месту сбора отряда, наткнулись в ложине на группу фашистов. Видя свое почти трехкратное превосходство, немцы стали теснить десантников. Наши бойцы залегли и, открыв огонь, убили десять вражеских солдат.

Услышав стрельбу за сопкой, мы приказали автоматчикам лейтенанта Мануйлова выяснить, что произошло.

18 фашистских солдат, видя всю бесполезность сопротивления, побросали оружие и подняли руки вверх. Матросы Пикулевича стали спускаться в ложину, чтобы

собрать брошенное оружие и увести пленных. Неожиданно из-за сопки вынырнули два «мессершмитта», и на бреющем полете обстреляли моряков. В первый момент пленные залегли, прячась от огня. Но действия «мессершмитта» приободрили их. Надеюсь прорваться из окружения, гитлеровцы вновь открыли стрельбу. Упал замертво матрос Жуков, девять пулевых ранений получил лейтенант Пикулевич, тяжело ранило матроса Шестакова.

Фашистским солдатам не удалось убежать — их настигли пули наших бойцов. Подобрал часть оружия, взяв раненых и убитого, автоматчики двинулись навстречу взводу Мануйлова, спешившему на выручку. Но помощи уже не требовалось...

Наступило редкое в Заполярье тихое солнечное утро. Десант выполнил свою задачу: неприятельский укрепленный район на мысе Пикшуев превращен в груды развалин, а его гарнизон уничтожен.

Необходимо торопиться к кораблям, ведь с минуты на минуту могли налететь фашистские бомбардировщики.

8.30. Участники десанта в сборе. Командиры подразделений приступают к проверке личного состава. В это время в небе появляется фашистский самолет-разведчик, двухфюзеляжный «фокке-вульф».

— «Ворота» летят! — слышались возгласы бойцов.

Самолет кружил над мысом Пикшуев, сбрасывал листовки с предложением сдаваться в плен: «Русские моряки! Вы окружены! Сдавайтесь!»

Видимо, листовки эти немцы заготовили на другой случай, в этой же обстановке они лишь вызвали откровенный хохот у моряков. Выставив группу прикрытия под командованием лейтенанта Маткина и военкома Баранова, мы похоронили убитых товарищей. На прощание прозвучал троекратный залп автоматов...

Катера, пристав к берегу, приняли на борт десантников и полным ходом пошли к своему берегу. Снята и группа

прикрытия. Противник даже не попытался препятствовать эвакуации.

Вот и Эйна, причал, от которого 9—10 часов назад отправились на задание десантники. Нас встречают командующий районом генерал-лейтенант Кабанов, бригадный комиссар Балев, полковник Рассохин и бригадный комиссар Надежин.

Моряки выходят на причал. Уставшие, покрытые грязью и копотью, но гордые и радостные. После краткого приветствия весь отряд направился на автомашинах в свое расположение.

Только теперь спохватились немцы — над мысом Пикшуев появилось тридцать бомбардировщиков Ю-87. Один за другим ложились они на боевой курс, пикировали на свои бывшие укрепления. Бомбы одна за другой летели на Пикшуев. Долго длилась эта карусель. Прошлись «юнкерсы» и по нашей прибрежной полосе. Сбросили несколько бомб на скалы Эйны и удалились, не причинив никакого вреда.

Затем гитлеровцы начали обстрел Эйны из дальнобойной артиллерии. Но поизрасходовав впустую солидное количество снарядов, успокоились. Смирились, наконец, с горьким поражением...

Десантный отряд отлично выполнил операцию. Мы уничтожили 180 фашистских солдат и офицеров, два 75-мм орудия, 47 ящиков со снарядами, четыре 81-мм и четыре 51-мм миномета, 5 ручных пулеметов, взорвали и сожгли 19 дзотов и кзотов, 5 складов с боезапасом, 5 складов с продовольствием и другим военным имуществом, 4 станковых пулемета, 63 ящика с винтовочными патронами, 10 землянок, 2 палатки, ветряную электростанцию и метеостанцию.

Захватили богатые трофеи: 2 станковых пулемета, 8 ручных пулеметов, 26 винтовок, 12 автоматов, 4 пистолета, 5 биноклей, 3 телефонных аппарата, два 51-мм миномета.

та, 13 ящиков с патронами, 80 ящиков гранат, штабные документы и много другого военного имущества.

Взяли в плен восемь солдат, обер-лейтенанта, командира батареи. На допросе обер-лейтенант сообщил, что гарнизон укрепленного района на мысе Пикшуев состоял из 193 человек. Таким образом, спастись удалось всего четверем фашистам.

В бою с врагом пали смертью храбрых и умерли от ран 29 десантников, в том числе пять командиров и политработников. 12 сентября Рыбачий провожал в последний путь своих героических защитников. Скорбный митинг. Прощальный салют. И еще несколько могильных холмиков выросло на суровом полуострове.

Командование бригады предоставило участникам десанта несколько дней отдыха. Политотдел организовал для них демонстрацию кинофильмов. Всем бойцам отряда преподнесли подарки, присланные трудящимися Урала.

Итоги пикшуевской операции оживленно обсуждались во всех подразделениях. Вышли боевые листки, посвященные этому дерзкому рейду, а политотдел 12-й бригады морской пехоты издал специальный листок о пикшуевской операции.

Огромную роль в успешном выполнении операции сыграли коммунисты. Они мужественно действовали в бою, личным примером вдохновляли бойцов на героические подвиги.

Командование высоко оценило действие бойцов и командиров. 73 десантника были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Народный комиссар ВМФ Н. Г. Кузнецов писал: «Ставлю в пример всем флотам и флотилиям дерзкую операцию Северного флота».

В тот тяжелый период 1942 года пикшуевский рейд был светлым проблеском. Он наглядно показал, что при хорошей подготовке фашистов можно бить крепко, неся лишь

незначительные потери. Кроме того, мы вынудили немецкое командование для усиления охраны Мотовского побережья перебросить сюда 388-й пехотный полк.

Во многом поучительной была вторая, так называемая «обергофская» операция, которая проводилась через семь дней после пикшуевской. Цель и условия выполнения ее были те же самые, а результат, к сожалению, оказался совсем иным...

На подготовку второго десанта отводились только одни сутки. Дело в том, что эта операция приурочивалась ко времени проводки важного каравана союзных кораблей, идущих с грузом в Мурманск, и десант должен был отвлечь внимание немцев.

16 сентября 1942 года мы получили приказ: в ночь с семнадцатого на восемнадцатое сентября высадить на вражеском берегу морскую пехоту и уничтожить опорные пункты «Обергоф» и «Могильный».

Представьте себе: в полукилометре от залива — почти отвесная 200-метровая скалистая сопка — с тремя уступами. На террасах уступов дзоты, блиндажи, артиллерийские и минометные позиции. Вся эта трехъярусная система защищена со стороны залива минными полями и проволочными заграждениями в несколько рядов. Вот так выглядел ротный опорный пункт «Обергоф».

Огнем своих орудий «Обергоф» контролировал побережье Мотовского залива от мыса Пикшуев до Могильного и прикрывал грунтовую дорогу, построенную немцами для доставки грузов, техники и живой силы на опорные пункты всего побережья.

Нашему десантному отряду численностью в 300 человек было приказано разрушить «Обергоф».

Десантный отряд 63-й бригады морской пехоты в составе 400 человек под командованием капитана Буянова должен был уничтожить опорный пункт немцев на полуострове Могильный.

Высадку обеспечивали 6 «морских охотников» и пять мотоботов. Огневая поддержка — 5 батарей 104-го полка. Резерв — один батальон в районе Озерко.

В 0 час. 10 мин. 18 сентября десантный отряд капитана Буянова без помех высадился на берег в предусмотренном месте. Но затем, проблуждав около семи часов по чужому берегу, отряд вернулся к месту высадки. В 7.20 десантники погрузились на катера и ушли в Эйну. Не известив нас, капитан Буянов оголил правый фланг нашего отряда, чем и воспользовался позже противник.

Наш отряд действовал двумя группами: рота старшего лейтенанта Грачева высаживалась правее маяка Пикшуев. Один из мотоботов, на борту которого находилось 70 разведчиков, метрах в тридцати от берега наскочил на банку. Попытка снять его с отмели катерами не удалась. Разведчики добирались до берега по тросу, натянутому старшинами Меньших и Меньшиковым. А часть бойцов пересела на катер, который доставил их на берег.

Не дожидаясь отставшую полуроту, Грачев начал движение и к трем часам вышел почти в тыл противника, к месту встречи с автоматчиками. Но автоматчиков здесь не было. Получив приказ действовать самостоятельно, Грачев двинулся к заливу и обнаружил один из опорных пунктов в районе «Обергофа». Разгорелся бой. Фашисты, не ожидавшие налета с тыла, сначала растерялись, затем, придя в себя, оказали жестокое сопротивление. Под покровом темноты смелые разведчики перебили немцев на одной из террас. Когда развиднелось, фашисты увидели, что ниже на террасе хозяйничают моряки, и стали забрасывать их гранатами. Разведчики вынуждены были отойти. В этой ночной схватке группа Грачева уничтожила около 50 вражеских солдат и офицеров, 10 пулеметов, подорвала 11 дзотов — на остальные не хватило взрывчатки.

После этого грачевцы по приказу отошли к месту высадки, сели на катера и направились в Эйну.

Вторая полурота разведчиков во главе со старшим лейтенантом Хижняковым, высадившись с застрявшего мотобота в три часа ночи, перешла в наступление на левом фланге «Обергофа». Но уже была потеряна внезапность атаки, противник встретил группу сильным огнем. Хижняков по приказу командования отвел бойцов к месту посадки и занял там оборону.

Рота автоматчиков лейтенанта Маткина со штабом десанта высадилась в 00.20 правее опорного пункта «Обергоф». Из-за каменистого дна катера не смогли подойти близко к берегу, и нам пришлось брести по пояс в воде.

Приняв боевой порядок, мы двинулись по заданному маршруту. Когда прошли уже с километр, по цепочке передали, что к берегу движутся немцы. Разведка, вышедшая вперед, доложила, что это вовсе не немцы, а рота Юневича. Указав Юневичу район, где должен находиться капитан Буянов, мы снова двинулись в путь. Заминировали дорогу, идущую в сторону Титовки, выставив 67 пехотных мин. Группу автоматчиков под командованием политрука Васильева оставили, чтобы не пропустить противника к себе в тыл.

В это время поступило донесение разведки, что наш маршрут перекрывает отвесная скала, на которую подняться ночью невозможно. Пришлось повернуть на восток и двигаться вдоль дороги.

В новом направлении прошли всего с полкилометра, как вдруг обнаружили роту противника. Автоматчики вступили в бой. Удар был стремительным. Фашисты не успели опомниться, как потеряли до 70 солдат и офицеров. Остальные покинули поле боя и скрылись в темноте. Захваченный пленный показал, что мы наткнулись на 120 саперов, строивших ротный опорный пункт. Мы разрушили пять недостроенных дзотов, пять землянок, склад с боезапасом, захватили 2 ручных пулемета, 11 автоматов и 19 винтовок. Двинулись дальше, и тут дозорное отделе-

ние старшего сержанта Привалова донесло, что 50 немецких солдат перебежали дорогу и уходят в скалы к «Обергофу». Привалов с бойцами попытается преследовать немцев, но они ответили сильным пулеметным огнем.

Наступило хмурое утро. Рассветную тишину нарушили разрывы мин — это фашисты, обнаружив застрявший мотобот, открыли по нему огонь. Разведчики, посланные в сторону Могильного для связи с Буяновым, сообщили, что никаких наших частей там нет, а по берегу к нам в тыл пробирается около роты немцев. Политрук Васильев, обеспечивавший отход основной группы, рассказал, что из Титовки прибыло пять машин с гитлеровцами, две из них подорвались на наших минах.

Особого вреда фашистам мины не причинили, но движение по узкой дороге застопорилось. Группа Васильева обстреляла фашистов и отошла.

Обстановка складывалась явно не в нашу пользу. Пришлось поспешить под прикрытие кораблей. Резервный взвод Мануйлова получил задачу занять оборону на берегу и не дать возможности противнику отрезать нас от залива.

Политрук Васильев прикрывал отход роты Маткина к катерам. Заставив двигавшихся вдоль дороги немцев залечь, бойцы Васильева сами попали под сильный пулеметный и минометный огонь.

Погиб политрук Васильев, несколько человек получили ранение. Возглавил взвод сержант Жовтяк. В это время Мануйлов доложил, что немцы подтягивают подкрепление — еще около взвода солдат.

Корректирующий артиллерист вызвал огонь наших батарей с полуострова Средний. Точные залпы заставили фашистов рассеяться. Через несколько минут взвод Жовтяка присоединился к нам.

Наступил день. В воздухе появились два «мессершмитта» и «фокке-вульф». Чтобы не мешать своим самолетам, немцы прекратили огонь.

Воспользовавшись относительным затишьем, мы тотчас выскочили на прибрежную сопку и заняли оборону.

Но вот ушли немецкие самолеты, и противник снова повел сильный минометный и артиллерийский обстрел всего берега. Катера отошли мористее, не закончив посадки. Мы оказались в полукольце, — точнее, в огневом кольце своей и немецкой артиллерии.

Стали думать, что делать дальше, как вырваться? Не придется ли вести бой до ночи? Насколько хватит наших боеприпасов?

Задача яснее ясного — быстро оторваться от противника, сесть на катера и уйти. Но как это сделать?

Бойцы все чаще с волнением посматривали на своих командиров. А немцы тем временем перебрасывали по дороге новое подкрепление. И вот они уже перенесли минометный огонь с берега на нас. Разглядев при дневном свете, что перед ними лишь небольшая группа автоматчиков, они ринулись в атаку. Огнем автоматов и гранатами мы оставили натиск фашистов.

Прошло еще около часа. Немцы продолжали вести огонь по берегу залива, не подпуская катера. С левого фланга появилась группа эсэсовцев, которые на машинах приехали из Титовки. Фашисты снова перешли в атаку, теперь уже с двух сторон. Встав в полный рост, эсэсовцы пошли на моряков. Но североморцы и на этот раз не дрогнули — атака была отбита. И тут нас поддержали артиллеристы. Орудийный огонь заставил эсэсовцев бежать в скалы.

В отражении «психической атаки» особенно отличились матросы Д. Сулимов, К. Штилев, П. Гребенников, П. Голощапов, Парамонов, сержант Баранов. Подпустив эсэсовцев метров на 70, они уничтожили 12 фашистов, а остальных обратили в бегство.

Старшина 1 статьи Лысяк со своим отделением остановил целый взвод противника, нанеся ему значительные потери. Отлично справились со своей задачей командиры

отделений старшие сержанты Привалов и Жовтяк. Экономия патронов, они совсем близко подпустили фашистов и забросали их гранатами.

Время шло. Получив отпор, противник уже не пытался атаковать и прекратил обстреливать берег. Вела отсечный огонь и наша артиллерия.

Боезапас у десантников подходил к концу. К тому же тяжело ранило корректировщика артиллерийского огня, был убит радист, снарядом повредило радию. Мы лишились связи с полковником Рассохиным, артиллеристами, а главное, с кораблями.

В этот тяжелый момент нас выручил офицер штаба бригады старший лейтенант И. Г. Щепетьев. Ему приказали отправить на катер двух матросов, чтобы указать командиру наше месторасположение и собрать у матросов на борту патроны.

Через 15 минут мы все увидели, как плывущего человека подобрал наш катер. Оказывается, это был сам Щепетьев, а командовал катером его однокурник старший лейтенант Леонид Новоспаский.

По рубежам, указанным Щепетьевым, Новоспаский открыл огонь. К нему присоединились шесть других катеров, которые обстреляли противника из всех видов оружия. Особенно эффективно действовали ракетные установки, мощь которых немцы почувствовали на Мотовском побережье впервые.

После залпов «катюш» горели все сопки, занятые врагом. Горел мох, торф, заживо горели фашисты, в панике убежавшие с сопки. Огонь противника прекратился повсеместно.

Пока немцы пребывали в смятении, мы успели подобрать убитых и раненых и выйти на посадку. Катера одновременно повернули к берегу, приняли десантников и полным ходом двинулись к своему берегу. В 11.00 мы были уже на своем берегу.

Личный состав 12-й бригады в течение 1941—1944 годов провел 15 десантных операций. Советское правительство высоко оценило мужество, стойкость и героизм морских пехотинцев, наградив бригаду орденом Боевого Красного Знамени.

г. Ленинград

А. БОРОВИКОВ,  
полковник запаса, бывший командир 2-го батальона  
12-й бригады морской пехоты

г. Мурманск

А. ГАЛЬЧЕНКО,  
полковник, бывший комиссар 2-го батальона  
12-й бригады морской пехоты

## ГЛАЗАМИ РАЗВЕДЧИКА

Утром 20 июня 1942 года меня вызвал начальник штаба полковник Родионов.

— Подготовьте карту Рыбачьего и собирайтесь в дорогу, — коротко приказал он, — пойдете вместе с нами на катере.

Через несколько часов морской охотник доставил нас, группу офицеров штаба, в Озерко. Здесь на берегу полковник Жуков ознакомил нас с боевой обстановкой на участке Кутовая — Матти-вуоно.

Нам надо было следовать дальше, в Эйну, где намечалась высадка нашей бригады.

— А лопаты захватили? — спросил провожавший нас старший лейтенант.

— А зачем? — недоумевали мы, — ведь не зима же...

— Пригодятся, — и не объясняя долго, старожил Рыбачьего бросил в кузов нашей машины две лопаты.

Вначале под колесами хлопала талая вода. Но у горы Переметная мы въехали в ложину, сплошь покрытую снегом. Машина забуксовала и увязла в сугробе. «Вот тебе и не зима, — отметил кто-то вслух, — без лопаты ни проехать, ни пройти...»



— Какое сегодня число, морячок? — обратился ко мне наш попутчик, офицер 135-го полка. — То-то... На Большой земле в это время сирень цветет, а тут хоть на лыжах... Запомни это число!

...К 26 июня 1942 года 12-я бригада морской пехоты была полностью передислоцирована из Ура-губы на Рыбачий, так как, по данным разведки, противник готовился к захвату полуостровов.

Нам ставилась задача отразить и уничтожить немецкий десант. Штаб и три батальона бригады разместились в палатках на перешейке.

Мы, офицеры штаба, не знали покоя: круглые сутки составляли схемы обороны, писали планы и приказы. У нашей палатки собирались разведчики, которых мы инструктировали перед отправкой на задание. Командир бригады В. В. Рассохин постоянно возил нас с собой то на Май-гору, то в Зубовку, где он проводил с батальонами тактические занятия по отражению десанта.

Вскоре командующий Северным оборонительным районом поставил перед бригадой задачу создать на Рыбачьем усовершенствованную оборону с долговременными инженерными сооружениями. Бригада была организационно перестроена, из шести стрелковых батальонов осталось только четыре, но зато в ее состав вошли арtdивизионы, минометный дивизион и рота автоматчиков.

Штаб бригады разместился на высоте Переметная. 4-й батальон (командир майор Петров) занимал оборону перешейка, 3-й батальон (командир капитан Коршунов) дислоцировался в губе Эйна, 2-й батальон (командир майор Боровиков) занял оборону по линии Май-гора — Зубовка — мыс Лазаревский, 1-й батальон (майор Шведов) отныне стоял в Цып-Наволоке. Арtdивизион (командир капитан Николайчук) и миндивизион (командир капитан Фролов) занимали позиции в районе между штабом и Зубовкой.

В начале августа развернулось строительство военно-инженерных сооружений. 2-й батальон выступил инициатором социалистического соревнования за досрочное выполнение всех работ.

Позже командующий Северным флотом адмирал А. Г. Головкин, посетив Рыбачий, дал высокую оценку фортификационным сооружениям.

В середине августа 1942 года командир бригады приказал подготовить разведгруппу, которая должна была высадиться на южный берег Мотовского залива и захватить «языков». Я взял с собой разведчика Костю Штилева, и мы отправились в губу Эйна «на предварительное ознакомление». На артиллерийском НП нам рассказали, что на берегу неподалеку от мыса Пикшуев появляются иногда немецкие солдаты. Мы установили наблюдение за берегом, но в тот вечер не обнаружили ни одного гитлеровца. Рано утром, как только взошло солнце, Костя первым заметил фашистов. От мыса Могильный они направились в сторону Пикшуева, дошли до поросшего мелким кустарником суходола и углубились в горы. На другой день повторилось то же самое.

Я нанес на карту маршрут немецкого патруля, тут же ориентировочно наметил пункт и время высадки разведчиков.

В штабе нас ждал командир роты разведки капитан Н. И. Грачев и начальник разведки капитан Н. С. Никитин. После моего доклада Грачев оживился и сказал, что завтра сам возглавит группу.

Никитин, Грачев и еще трое разведчиков отправились в Эйну уточнить объект намеченной операции. Немецкий патруль и на этот раз точно выдержал маршрут.

Всю неделю разведчики тщательно готовились к встрече со «знакомыми незнакомцами». Разыгрывали различные варианты пленения, отрабатывали приемы рукопашного боя.

В ночь с 23 на 24 августа разведчики под командованием капитана Грачева высадились с катера на берег Мотовского залива или, как мы его тогда называли, берег недорезанных фрицев. Тридцать пять моряков двинулись бесшумно в сторону мыса Могильный. Шли медленно развернутой цепью, чтобы не разминуться по дороге с патрулем. Фашисты появились на рассвете. В группе было семь солдат. Впереди бежала овчарка. Почувя чужих, собака мгновенно бросилась в сторону нашей засады, но Николай Лысяк успел пристрелить ее из автомата. Завязался бой. Прицелившись, Грачев ранил одного из фашистов в руку, а Мартынов, Шилов и Дашков пленили его. В этот момент из-за камня выполз немец и стал целиться в Грачева.

— Берегись, командир. — крикнул Гилязов и тут же, прыгнув с ножом на фашиста, предупредил выстрел.

Другой немецкий пулеметчик пустился было бежать, но краснофлотцы Степан Меньших и Алексей Меньшиков вынудили ефрейтора сдаться. Еще одного удиравшего гитлеровца прикончил Евгений Воронин. Уничтожив патруль, разведчики собрали оружие и документы убитых и возвратились на Рыбачий.

Пленные дали ценные показания. По их словам, побережье Мотовского залива оборонял самокатный батальон, базировавшийся в трех опорных пунктах: «Пикшуев», «Обергоф» и «Могильный».

Мы узнали также, что на Пикшуеве находится свыше 190 солдат и офицеров, артиллерийская и минометная батареи.

А вскоре бригада получила приказ: разгромить опорный пункт на мысе Пикшуев. О выполнении этой боевой задачи подробно пишут в этой книге командир сводного отряда разведчиков Андрей Прохорович Боровиков и комиссар Афанасий Дмитриевич Гальченко, поэтому скажу несколько слов об одном из участников десанта. Штурмуя последний очаг сопротивления на Пикшуеве, мы с отделе-

нием разведчиков попали под сильный огонь. В самую тяжелую минуту, когда уже не на что было надеяться, мы услышали сильный грохот. Смолкли вмиг фашистские пулеметы. Мы были спасены. Оказывается, это Костя Штилев с двумя товарищами подполз к дзоту и забросал его гранатами.

Мужественно вел себя разведчик Штилев и в боях за «Обергоф». Находясь в голове нашей колонны, Штилев вместе с матросами Заплатным и Кузьменковым вышел на дорогу, ведущую в Титовку. По пути наши ребята заметили пекарню. Кузьменков снял постового, а Штилев взорвал пекарню и склад. При отходе десантники натолкнулись на четырех фашистов, сидевших в засаде.

— Хенде хох! — приказал Штилев. Фрицы, не ожидавшие нападения с тыла, подняли руки. В этот момент на дороге показался грузовик с немецкими солдатами. Притихшие пленные стали вдруг сопротивляться, чтобы шумом привлечь внимание своих. Но напрасно. Уничтожив в рукопашной схватке всех четырех немцев, смельчаки смогли не только сдержать натиск прибывших солдат, но и уйти от преследования.

В начале октября наступила зима, холодная и вьюжная. Теперь уголь и дрова приходилось носить на руках по заснеженным дорогам и тропам за 15—20 километров. Землянки протапливали не всегда: берегли драгоценное топливо для варки пищи. Часто пурга заметала с головой наше жилище. По утрам из сугроба торчала одна труба, через которую мы посылали наверх сигналы о помощи: «Братцы, откопайте нас!»

В такую непогоду некоторые бойцы сбивались с дороги. Как-то по указанию командира бригады один из офицеров штаба пошел проверять маскировку обороны в Цып-Наволоке. Надев фуфайку и ватные брюки, он отправился на лыжах в 36-километровый путь. За мысом Лазаревский вдруг пошел сильный дождь. Офицеру пришлось снять

лыжи и идти по камням, выступавшим из-под снега. Подвихнул ногу, тащился кое-как. Потом ветер сменился и ударил мороз. Все на нем смерзлось. Не было сил идти дальше. А впереди еще 7 километров. За полтора километра до КП батальона он увидел часового, помахал ему и упал без сознания. Часовой заметил офицера. Его доставили в землянку, где он, не просыпаясь, пролежал 18 часов. Потом выяснилось, что на этом же пути погибли от мороза два краснофлотца.

Несмотря на все трудности зимы, разведчики и автоматчики бригады несколько раз высаживались на побережье, занятом врагом. Ходили к противнику на катерах, на шлюпках, высаживались на остров Овечий в устье Титовки.

Успех действий нашей разведгруппы зависел, главным образом, от состава людей. Все они — от офицера до рядового — были добровольцами и храбрыми воинами. Младший лейтенант Николай Иванович Грачев за боевые действия в бригаде был дважды награжден орденом Красного Знамени. Политрук Иван Васильевич Сазонов пришел добровольно в роту разведки с подводной лодки, был замечательным воспитателем и организатором. Большое мужество проявил в боях командир взвода лейтенант Аркадий Абардович Авакьян, бывший спортсмен Северного флота. О его бесстрашии в рукопашном бою ходили легенды.

Всеобщими любимцами в роте были лейтенанты Михаил Федоров, Алексей Стрелков, Георгий Поярко, Михаил Зуев, старшина Михаил Хилько, старшина 1 статьи Вячеслав Довнар и другие.

Мужественной и выносливой показала себя разведчица медсестра Зина Николаенко, которая участвовала во всех высадках в тыл врага. Пренебрегая опасностью, она перевязывала и выносила с поля боя раненых, нередко сама вступала в бой. В декабре 1943 года медсестра Зина Николаенко была ранена на мысе Пикшуев. Она оказалась рядом с Костей Штилевым, который был тоже ранен. От-

ползая к берегу, они заметили в 50 метрах от себя немецкого пулеметчика, который отрезал путь отхода всей группы. Штилев решил уничтожить врага гранатой, но он был очень слаб, и Зина — эта сероглазая маленькая девушка, поддерживая Костю, поползла вместе с ним на вражеский пулемет.

В это время еще одна пуля ранила Штилева. Ползти стало тяжелее. Собрав последние силы, Костя вырвал чеку, подержал гранату в руке две секунды и бросил на фашиста. Раздался взрыв, и пулемет замолчал.

Чтобы действовать в тылу врага в пургу, в мороз, требовалась большая выносливость. Она вырабатывалась длительными тренировками. В группу захвата подбирались наиболее опытные и сильные люди. Разведчики всегда действовали парами, каждый отвечал за своего товарища, здоровый оказывал помощь раненому, живой уносил убитого.

В конце февраля 1943 года мне было приказано подготовить разведгруппу, высадиться на мыс Пикшуев и захватить «языка». Дело в том, что нам не удавалось уточнить, какими силами обороняется противник на берегу Мотовского залива после разгрома его опорного пункта в сентябре 1942 года.

Группа состояла из двух взводов под общим командованием лейтенанта Михаила Зуева. Для тренировок мы выехали в Эйну. Начальник штаба 3-го батальона капитан Николай Кутыин предоставил нам землянку, помог оборудовать «опорный пункт» для занятий. В течение двух суток мы учились: вели наблюдение за «противником», спали, укрывшись в снегу, вели «бои», отходили на посадку — и все это в пургу или мороз, на лыжах или по пояс в снегу. Нагрузка была колоссальная.

Возвращаясь с последней тренировки, разведчики в шутку говорили, что они уже падают от ветра. И я это чувствовал на себе. Добравшись до койки, свалился и уснул. Но спать пришлось недолго. Разбудил врач

батальона, пришедший с жалобой на наших разведчиков, которые устроили около землянки медсанвзвода буйные танцы и не дают покоя девушкам.

— Не может этого быть, — говорю врачу и вдруг узнаю в нем Ивана Петровича Щелкунова, своего дальнего родственника.

Возбужденные и радостные от неожиданной встречи, мы пошли наводить порядок.

В ночь на 6 марта 1943 года группа лейтенанта Зуева высадилась на мыс Пикшуев. Командир группы докладывал обстановку по радию с помощью условных сигналов. Разведчики добрались до места прежнего опорного пункта, но противника не обнаружили и на рассвете запросили катер, чтобы их сняли. Я тут же доложил об этом полковнику В. В. Рассохину. Он поинтересовался, нет ли среди разведчиков обмороженных, достаточно ли продуктов. Убедившись, что все в порядке, Рассохин приказал продолжать поиск. На следующий день Зуев радировал: «Захватил пленного, прошу катер».

Сняли разведчиков спокойно, противник молчал.

Что же случилось? На день группа расположилась на небольшой высоте у берега метрах в 150, в ложине Зуев выставил охранение. В него входили комсорг Костя Штилев, Ефим Алымов, Николай Лысяк и Александр Зверев. Через некоторое время по ложине прямо на разведчиков вышли на лыжах два гитлеровских солдата. Карабины их висели за спиной. Фрицы собрались поохотиться или пособирать у берега дров. Один из солдат прошел так близко от Алымова, что чуть палкой не задел разведчика. И вдруг фашисты обнаружили следы. Но поздно. Солдат, на которого набросились Лысяк и Алымов, сразу поднял руки. А вот Звереву и Штилеву попался высокий, атлетически сложенный фельдфебель, и они не могли справиться с ним. Фельдфебель сильно ударил Зверева, потом Штилева, снял лыжи и пустился бежать. Опомнившись, разведчики

начали преследование, стреляя в ноги, но немец успел уйти. Таким образом, был взят только один «язык». Кстати, он показал, что побережье Мотовского залива обороняется двумя батальонами, которые фашисты ранее предполагали отправить под Ленинград.

Возвращаясь на Рыбачий, четверо разведчиков из группы захвата не могли простить упущенного фрица и решили брить себе только один ус, чтобы все в бригаде знали о их позоре. И носить этот позор до тех пор, пока не рассчитаются с рыжим фельдфебелем. Сразу хочу сказать, что эту свою клятву К. А. Штилев выполнил в январе 1944 года, когда был в разведотряде И. П. Барченко-Емельянова. Тогда группа разведчиков в 12 человек под командованием лейтенанта Травкина в течение четырех суток действовала в тылу противника между мысами Пикшуев и Могильный. Костя Штилев (командир группы захвата), Феофанов, Скрипник, Беликов, находясь в засаде, заметили летящих в их сторону коршунов. Их, казалось, кто-то подгонял. Увлечшись этим зрелищем, ребята не заметили, что в нескольких метрах появилось человек 20 фашистов во главе с офицером. Штилев дал команду открыть огонь, а потом с криком «Ура!» моряки бросились на растерявшихся гитлеровцев. Офицер был убит. Около него сидел раненый, тот самый «рыжий» фельдфебель. В ответ на приказ встать «рыжий» попытался схватить Костю за ногу, но тот был начеку.

Забрав документы и награды убитых, захватив пленного солдата-санитара, группа возвратилась.

Добавлю, что боевому счету разведчика К. А. Штилева можно позавидовать: 40 убитых солдат, 2 офицера, 2 «языка», 6 разрушенных дзотов и землянок. Он вынес с поля боя 11 раненых товарищей. Замечательным воином был морской пехотинец-разведчик Костя Штилев.

Самой сложной для нас была разведка переднего края на перешейке полуострова Среднего, где гитлеровцы зани-

малы господствующие высоты Муста-Тунтури. Труднодоступные скалистые горы были усеяны дзотами, дотами, проволочными заграждениями и минными полями.

Тяжело было бойцам в боевом охранении, откуда до противника 30—50 метров, но, пожалуй, еще тяжелее было на подходе к нему, так как все подступы к перешейку на 2—3 километра гитлеровцы простреливали пулеметным и артиллерийским огнем.

Когда в апреле 1943 года наша бригада заняла оборону переднего края, разведчики, контактируя с артиллеристами, провели большую работу по выявлению огневых точек и землянок противника. Эти данные наносились на схему-карту, а потом наша артиллерия была по этим целям. Особенно отличились артиллеристы Кирилл Лебедь, Виктор Корнилов, Михаил Евграфов, Николайчук во главе с командующим артиллерией подполковником А. И. Титовым. Александра Ивановича разведчики называли «нашей мамой», знали, что он своей артиллерией для поисковой группы заранее уничтожит вредный дзот, прочистит проволочные завалы и надежно прикроет отход.

Жизнь А. И. Титова оборвалась в сентябре 1944 года при невероятном случае. Когда утреннее солнце осветило скалистые сопки Муста-Тунтури, подполковник Титов начал уничтожать НП и огневые точки противника, расположенные на самой вершине. Видно было, как взлетали на воздух бревна, как точно накрывались цели. Спустя несколько часов видимость ухудшилась, и артиллеристы вместе с Титовым собрались в землянку батареи пообедать. И надо же такому случиться — через небольшое окошко в землянку влетел вражеский 150-мм снаряд. Влетел и не разорвался. Однако отскочивший от него небольшой осколок смертельно ранил А. И. Титова. Никто из остальных 20 человек не пострадал. Вся бригада хоронила своего любимца, замечательного коммуниста. Его могила находилась на северных скатах высоты 342,

Проникнуть в расположение противника на переднем крае разведчикам было очень трудно. Наиболее подходящим оказался район высоты 122. После тщательного наблюдения мы заметили дымок над землянкой. Но подступы к ней были заминированы и завалены колючими «ежами». Для захвата пленного и уничтожения землянки была подготовлена группа из 30 разведчиков под командованием старшего лейтенанта Петра Близнаюка. Руководил операцией начальник штаба бригады полковник Антыков. В первые две ночи саперы разминировали проходы.

И вот — это было 4 сентября 1943 года — разведчики подобрался к самой землянке. Часовой, увидевший рядом русских, обалдел от страха и, не смея крикнуть, удрал в темноту. (Как потом выяснилось, он добежал до своего командного пункта и на окрик часового молчал, забыв пароль. Немецкий часовой, действуя по уставу, застрелил своего солдата). Разведчики окружили землянку. Ефим Алымов бросил гранату в окно, но она, ударившись о стену, разорвалась снаружи.

Тогда Алексей Меньшиков забрался на крышу землянки и бросил две гранаты в трубу. Раздался взрыв. Фашисты стали выскакивать из землянки, их наши бойцы расстреливали, а одного захватили в плен. Потом землянку прочесали автоматной очередью и взорвали. Под прикрытием наших артбатарея группа возвратилась к своим. Пленный и захваченные документы помогли уточнить силы противника перед нашим передним краем.

В фронтовой жизни даже короткие встречи с замечательными людьми остаются в памяти на долгие годы. Такая встреча была у меня с прославленным разведчиком Юневичем.

Он прибыл к нам в бригаду, чтобы получить разведанные переднего края в районе Ивари. У нас была схема минных полей и проволочных заграждений, составленная по наблюдениям разведчиков Владимира Бродюка и Александра

Петрова, которые пробирались за линию фронта по обсушке во время отлива.

Юневич взял себе эти схемы и задержался у нас до поздна, а потом остался ночевать. Помню, как этот стройный с голубыми глазами белорус задушевно пел старинные русские песни.

А через пять дней мы узнали о гибели Юневича, вызвавшего на себя огонь наших пушек и сражавшегося в тылу фашистов до последнего патрона.

Будучи секретарем парторганизации штаба бригады, я проводил политинформацию в роте автоматчиков. Там мне рассказали, что в отряде Юневича погиб и наш разведчик Вишняков, начинающий поэт.

— Отомстим за Юневича и Вишнякова! — и автоматчики попросили меня подготовить разведывательную операцию в тыл к противнику.

Эту просьбу мы выполнили как особое задание. Нас интересовал южный берег губы Малая Волоковая от Муста-Тунтури до залива Петсамо. Сюда мы еще не ходили. Было известно, что на обоих берегах Петсаменского залива расположены 4 батареи 150-мм и 210-мм калибра, а также зенитные пушки. Они прикрывали своим огнем подступы к берегу и порту Линахамари.

С июля 1943 года мы организовали наблюдение за противником в этом районе с НП артдивизиона Поночевного и пулеметного батальона Тимофеева.

— Если бы фашисты появились, мы бы их уничтожили артогнем, — говорили они. Найти объект для нападения в течение месяца не могли и мы.

— Давай будем рассуждать так, — говорю автоматчику Виталию Мартынову. — Допустим, мы на том берегу, где бы ты установил наблюдательный пункт?

— Пожалуй, вон на той сопке.

— Нет. Она очень далеко от берега. А вот посмотри, ближе стоит сопка, похожая на конус. Она мало заметна

на фоне гор и занимает центральное положение... Там-то лучше всего ставить НП.

— Пожалуй, так, — согласился Мартынов.

Все внимание мы перенесли на конусную высоту. И не ошиблись. Перед заходом солнца заметили на самой вершине какой-то блеск и предположили, что это блеск от штыка часового. Уточнить предположение помог случай. Как-то на рассвете короткой августовской ночи один из наших автоматчиков доложил:

— К нашему берегу подплывает мачта.

Всматриваемся — нет, не мачта. На плоту, сделанном из бревен, стоит человек.

Усилившийся ветер стал относить плот в открытое море. Сообщив об этом в штаб СОРа, продолжаем наблюдать. Когда стало совсем светло, артиллерия противника открыла огонь по плоту. Снаряды ложились рядом. Человек теперь лежал на связанных бревнах. Наша артиллерия открыла контрбатареиную стрельбу.

— Смотри, смотри, — закричал автоматчик Костюрин, — фрицы на сопку вылезли... Один, два... четыре!

Захваченные необычным зрелищем, егеря позабыли о маскировке и стояли во весь рост на вершине высоты, похожей на конус.

В конце дня наши катера сняли с плота человека, который оказался русским военнопленным, бежавшим из лагеря. И мы, довольные открытием на сопке, шагали к себе с песней, переделанной на свой лад:

Была бы ночь темная  
Да пара кораблей,  
Расплата будет полная  
Со сворой егерей...

Наш план по уничтожению фашистов и захвата пленного на сопке основывался на следующих положениях:

1. Противник не ожидает здесь высадки, полагаясь на мощный огонь своей артиллерии. Здесь с нашей стороны пока не было ни одной попытки высадить десант. 2. Обнаруженный противник имеет численность около взвода, скорее всего, это наблюдательный пункт артиллерийских батарей.

Решили так. Группа разведчиков в 40 человек скрытно высаживается с катеров МО на берег около высоты «Конус», обходит расположение противника с тыла, обрезает линию связи и нападает на землянки и огневые точки.

Стали усиленно готовиться. На последнем тренировочном занятии присутствовал командир бригады и остался доволен.

— Теперь, — сказал Василий Васильевич Рассохин, — дело за катерами.

Но прошел месяц, другой, а плавсредств нам не дали. Лишь в начале марта 1944 года, когда на Крайнем Севере подтягивались войска, готовилось наступление, потребовалось срочно разведать побережье губы Малая Волоковая.

8 марта подготовленная нами группа автоматчиков в 40 человек под командованием капитана Николая Никитина (командиры взводов лейтенанты Андрей Жеваченко, Петр Пономарев, командир группы захвата Виталий Мартынов, санинструктор Зина Николаенко) высадились на берег противника. Была светлая лунная ночь.

Противник не обнаружил катеров. Действуя по намеченному плану, двумя группами, автоматчики обошли высоту, перерезали линию связи, сняли часового и ворвались в землянки. Из 17 гитлеровцев удалось удрать только одному, да и то в нижнем белье, без сапог. 6 солдат взяли в плен, остальных уничтожили. С нашей стороны потерь не было. За эту операцию командир группы Николай Никитин получил орден Александра Невского, боевые ордена вручили командирам взводов и многим автоматчикам.

Я от всей души поздравил своих боевых друзей, а они в свою очередь поблагодарили меня за разработку плана операции.

Данные разведки пригодились позже, во время высадки в этом районе в октябре 1944 года подразделений 63-й бригады.

В середине августа, заняв снова оборону на переднем крае полуострова Средний, 12-я бригада стала готовиться к наступлению.

Разведка велась непрерывно: уточнялись огневые точки, траншеи, минные поля противника. Но нам никак не удалось захватить «языка». Немцы вели себя очень осторожно.

Решили организовать разведку боем.

17 сентября с согласия командира бригады я собрал сто разведчиков и автоматчиков. После мощного артогня наших батарей отряд ринулся на траншеи, расположенные на Средней сопке Муста-Тунтури.

Преодолев проволочные заграждения, мы вскочили в окопы, но уже не застали там никого. Все фашисты разбежались. В этот момент в небо взметнулась осветительная ракета. Я стал осматриваться по сторонам, пытаюсь запомнить линию обороны противника. Стоявший рядом старший лейтенант И. Д. Федин вдруг заторопил меня:

— Может, дать сигнал на отход, а то...?

— Да, конечно...

Выпустив ракету, мы бросились назад, что называется в самый раз. Буквально через минуту немцы обрушили на свои траншеи шквальный огонь. По огневым вспышкам мы с Фединым брали на заметку вражеские орудия. Затем к нам подключились лейтенанты Андрей Жеваченко и Владимир Селявко. Неожиданно Федин схватил меня за руку и потащил за валун. В следующее мгновение на том месте, где мы только что стояли, оглушительно разорвалась мина.

— Уж не провидел ли ты, Иван Дмитриевич? — заинтересовался я.

— Нет, чаще по звуку угадываю, привык...

На другой день мы нанесли на схему результаты наблюдений. Оказалось, что огневые средства врага в основном сосредоточены в глубине обороны и справа на господствующей Черной горе.

Через два-три дня после налета «язык» пришел к нам сам. Это был немецкий солдат-перебежчик. Впервые фашист добровольно сдался в плен. Видимо, враг ждал наступления со дня на день.

10 октября 1944 года 12-я Краснознаменная бригада морской пехоты после мощного полуторачасового артиллерийского огня в 5.00 начала штурм хребта Муста-Тунтури. Используя господствующие высоты и понастроенные за три года укрепления, враг отчаянно сопротивлялся. Особенно большие потери мы несли у высоты 260. Справа на эту крутую скалистую сопку наступал 2-й батальон, слева 1-й батальон и отдельная рота, 3-й батальон штурмовал высоту 122, 4-й находился в резерве.

Морские пехотинцы поднимались все выше и выше. На правом фланге кто-то ловко набросил веревку на острый камень, и бойцы, подтягиваясь на руках, один за другим взобрались на скалу. (Кстати, эта веревка многие годы висела на том самом месте, пока художник В. Подковырин, писавший картину «Штурм Муста-Тунтури», не передал ее в Центральный Военно-Морской музей).

Уже у самой вершины на предпоследнем выступе бойцов 2-го батальона остановил сильный артобстрел. Тяжело ранило лейтенанта Кравцова. Рядом погибли еще два бойца. Пытаясь водрузить красный флаг, устремились к гребню горы младший лейтенант Дементьев и мичман Клепач. Но и они упали, сраженные пулями. Тогда командир взвода разведки Владимир Бродюк (по-моему, самый отважный человек в бригаде) пробрался в тыл батареи и осмот-

рел позиции. Затем он вернулся, взял несколько разведчиков и вместе с ними захватил батарею. Мне рассказывали, что этот невысокий застенчивый сержант заставил немецких артиллеристов повернуть орудия на юг и стрелять по отступающим гитлеровцам. За героизм, проявленный в борьбе с немецкими захватчиками, Владимир Владимирович Бродюк был удостоен звания Героя Советского Союза.

К 10.00 все батальоны бригады находились на южных скатах хребта Муста-Тунтури. Начали двигаться вперед.

Комбриг В. В. Рассохин взял меня, радистов, адьютанта, связного, и мы группой стали подниматься на хребет Муста-Тунтури. Выпавший за ночь снег под лучами солнца быстро таял. Подниматься было трудно и скользко; повсюду валялись неубранные трупы. Перебравшись через несколько рядов проволочного ограждения, мы очутились на самой вершине.

От радистов, обеспечивающих связь с подразделениями и штабом СОРа, мы узнали, что к 12.00 1-й и 2-й батальоны соединились с частями 63-й бригады морской пехоты, которые высадились справа на побережье губы Малая Волоковая. И только из 3-го батальона, сражавшегося на высоте 122, не было никаких сообщений.

Доложив обстановку командующему СОРом, полковник Рассохин приказал мне разыскать батальон и установить с ним связь. Василий Васильевич советовал взять связного, но я отказался. Надо было пробираться около двух километров вдоль линии фронта. Цокнула о камень одна пуля, другая. Кто-то целился в нас. Пригнувшись, мы с разведчиком Иваном Дюкиным продолжали бежать. Неожиданно я услышал длинную очередь: это мой напарник прикончил из автомата фашистского стрелка, охотившегося за нами. Остаток пути мы прошли без происшествий. Первыми, кого мы встретили на высоте 122, были батальонные радисты. Оказывается, батальон полностью овладевает высотой 122, захватил большие трофеи и склад



продовольствия. А молчали потому, что вышла из строя рация.

Через некоторое время рация была исправлена, и мы связались с командиром бригады. Рассохин приказал: «Передайте командиру батальона Артамонову: начать наступление на высоту 388 и овладеть ею. Сами оставайтесь с батальоном до выполнения задачи».

Капитан-лейтенант Я. Г. Артамонов повел своих бойцов в новое наступление и овладел высотой 388, где, судя по количеству землянок, находились основные силы противника. Но немцы успели убежать, оставив незначительное прикрытие.

...Запомнился мне случай, который произошел на дороге в Петсамо. Как-то командир роты, Герой Советского Союза В. П. Кисляков, заметил удаляющуюся в сторону Петсамо немецкую автомашину. Оседлав трофейную лошадь, Кисляков пустился в догонку. Рядом бежала его фронтовая собака. Немцы, отстреливаясь, убили пса. Пришлось прекратить погоню. Я видел, как Василий слез с коня и, склонившись над своим верным помощником, заплакал. Похоронив собаку у развилки дорог, он снова вступил в бой с фашистами.

Спустя несколько лет, я встретился с Василием Павловичем в Ленинградском Нахимовском училище, куда он привез на учебу своего сына Геннадия. В. П. Кисляков рассказал мне, что после боев за Петсамо он подал рапорт командующему флотом о переводе на центральный фронт. Герой-североморец дошел до самого Берлина.

Уничтожив отдельные разрозненные группы противника в районе высоты 388, наша бригада 12 октября двинулась на Петсамо, не встречая сопротивления.

У поворота дороги на Пароваара, колонна сделала привал. Вечерело. Я достал карту, чтобы отметить наше местонахождение. В это время начальник штаба СОРа Д. А. Туз запросил с Рыбачьего по рации обстановку и поставил

бригаде новую задачу: свернуть вправо и двинуться по горам к мысу Крестовый, который только что взяли отряды Барченко и Леонова. Находящиеся в Петсамском заливе корабли должны были перебросить бригаду в порт Линахамари для участия в боях за освобождение Печенги.

В пути к нам присоединялись фашистские солдаты с измененным вопросом: «Где тут плен?» Набралось человек 12. Пришлось выделить специальное сопровождение: переводчика лейтенанта А. С. Меляховецкого и двух автоматчиков.

На рассвете 13 октября катера доставили 3-й батальон бригады в северную часть порта Линахамари, и наши бойцы с ходу вступили в бой в районе озера Трифона.

Остальные батальоны, переброшенные в Линахамари в середине дня, двинулись на запад. На причале я встретил героя мыса Крестовый капитана И. П. Барченко-Емельянова. Вспомнили, как в ноябре 1941 года мы вместе прокладывали первый азимут к противнику на реке Западная Лица, вспомнили о пережитых трудностях. Мы были счастливы. Мы гордились нашей победой.

г. Ленинград

И. ЩЕПЕТЬЕВ,

капитан 2 ранга запаса,

бывший начальник разведки

12-й Краснознаменной Печенгской бригады морской пехоты

## ДЕСАНТЫ 63-й

Все лето и осень 1944 года 63-я бригада морской пехоты дислоцировалась на полуострове Рыбачий, или, по-иному, на 3-м боевом участке Северного оборонительного района.

Разбросанные по всему побережью батальоны вели наблюдение за морем и берегом и были готовы отразить десант противника.

Штаб бригады, артиллерийский и минометный дивизионы, школа сержантского состава, отдельные роты и взводы дислоцировались в центре полуострова и могли оказать любому батальону необходимую поддержку и живой силой, и огневыми средствами.

В бригаде проводилась плановая боевая подготовка: занятия, учения, тактические игры на картах, беседы опытных десантников.

Все моряки с большим нетерпением ожидали наступления против гитлеровских войск в Заполярье.

И вот этот час настал. 2 октября 1944 года бригада получила боевой приказ командующего Северным оборонительным районом: подготовиться к высадке десанта на вражеский берег.

Мы должны были занять рубежи и преградить отступавшим немецким частям путь на Петсамо.

Начались занятия и учения с личным составом применительно к конкретным условиям. Провели рекогносцировку берега губы Малая Волоковая, где намечалась высадка бригады.

Штаб разработал указания по боевому обеспечению, расчет на посадку и другие документы для десантных действий.

Одновременно политотдел бригады усилил политиковоспитательную работу: проводились партийные и комсомольские собрания, беседы и доклады, печатались памятки для бойцов-десантников.

Были решены вопросы материально-технического обеспечения: морякам заменяли поношенное обмундирование и обувь, выдавали полную норму боеприпасов и продовольствия.

К 8 октября вся бригада находилась в полной готовности. Мы знали, что придется действовать в условиях труднопроходимой местности на скалистых перевалах и в тундре, в темное и холодное время. Все необходимое для жизни

и боя, включая 82-мм минометы, должны были нести на себе.

8 октября пришел приказ о сосредоточении на перешейке полуостровов и в Пумманках всех частей и подразделений бригады, за исключением артиллерии, которая по-прежнему осталась на полуострове Средний и должна была участвовать в подготовке наступления.

7 октября 2-й батальон перебросили на торпедных катерах из Цып-Наволока в Пумманки. Во время этого морского перехода не обошлось без происшествия. Один из торпедных катеров, на котором находился взвод разведки, наскочил на плавучую мину и взорвался. Из взвода разведки никто не пострадал, затонуло только оружие. Но жертвы были — погибли три санитары и несколько членов команды. Всех остальных подобрали другие катера.

В ночь с 8 на 9 октября землю покрыл снег, ударил мороз. Это обстоятельство несколько затруднило переброску подразделений.

Но днем засветило редкое в эту пору солнышко, стало тепло, и к вечеру снег растаял.

В районе сосредоточения моряки получали боеприпасы и продовольствие, готовили оружие к бою, вели расчет на посадку.

В середине дня 9 октября командующий Северным флотом адмирал Головкин и член Военного совета флота Николаев вызвали к себе командира 63-й бригады полковника Крылова, его заместителя по политчасти полковника Фомина и меня. Первый вопрос задал командующий:

— Ну, командир бригады, доложите нам, готова ли бригада к высадке.

Крылов ответил уклончиво: «Бригада-то готова, товарищ командующий, да вот как море, сколько баллов ветра?»

— Баллов немного и высаживаться будете, — сказал Головкин.

В это время член Военного совета Николаев отвел меня в сторону и спросил: «Слушай, Акулич, скажи откровенно, готова бригада или нет?»

Я, не задумываясь, ответил, что к высадке мы готовы безоговорочно и, как начальник штаба, готов нести за это полную ответственность. Николаев внимательно выслушал меня, задал несколько вопросов и на прощание пожелал успехов.

К 21 часу 9 октября все подразделения 63-й бригады морской пехоты находились у причалов. К этому времени прибыли и корабли.

Точно в 21.00 началась посадка. Она проходила спокойно и организованно.

Первым направился к побережью противника отряд, в который входила рота разведки, рота автоматчиков, две стрелковые роты и причало-десантная рота СОРа. В 23 часа 30 минут отряд сошел на вражеский берег и, заняв оборону, обеспечил высадку главных сил.

Главные силы бригады закончили высадку в 0 часов 50 минут 10 октября. Последними в 1 час 10 минут покинули палубу бойцы третьего стрелкового батальона под командованием майора И. Н. Красильникова.

Враг обнаружил основные силы бригады еще на подходе. Как только катера вышли из-за мыса полуострова Средний, их осветили прожекторы. Немцы встретили десант сильным артиллерийским огнем. Близ берега некоторые десантники, не дожидаясь трапов, стали прыгать в воду. Батальоны без промедления вступали в бой и настойчиво продвигались в глубину обороны, захватывая высоты.

Особенно четко действовали при высадке третий стрелковый батальон и дивизион торпедных катеров под командованием капитана 2 ранга В. Н. Алексева.

А вот первый батальон, некоторые роты второго и четвертого батальонов, курсанты школы сержантского состава и медико-санитарная рота высадились в четырех километ-

рах западнее намеченного пункта. Это создало большие трудности в управлении боем.

Из-за отсутствия на главном направлении медико-санитарной службы многим раненым бойцам не была своевременно оказана помощь, и некоторым из них это стоило жизни.

10 октября в 5 часов, после полуторачасовой артиллерийской подготовки, 12-я бригада морской пехоты начала штурм хребта Муста-Тунтури. Немцы, засевшие в скалах и каменных траншеях, встретили наступающих сильным огнем и заставили залечь перед проволочным заграждением.

Ввиду этого по приказанию генерала Дубовцева 3-й и 4-й батальоны нашей бригады повернули к северу и нанесли удар по высоте 264,3 на Муста-Тунтури с тыла. Боясь окружения, гитлеровцы начали поспешно отходить в направлении Печенги, причем отступали они не в южном направлении, вдоль дороги, где им была приготовлена встреча, а пошли тропами, ведущими к высоте 448,8. Это в какой-то мере и спасло немцев от полного уничтожения.

На следующий день первый батальон и курсанты школы сержантского состава атаковали у высоты 448,8 отступающих гитлеровцев. Завязался упорный бой, немцы яростно рвались в направлении Печенги. Большинство немецких солдат было уничтожено, а остальным с наступлением темноты удалось прорваться и уйти на запад.

Отступая, противник оставлял снайперов и одиночных автоматчиков, которые укрывшись в камнях, вели огонь по наиболее важным целям.

Такая тактика уже не могла решительно повлиять на ход боевых действий, но приносила нам немалые потери. Пришлось принимать срочные меры по борьбе со снайперами и кочующими автоматчиками.

По дороге Титовка — Пароваара — Печенга отход фашистских войск прикрывал батальон 503-й авиаполевой

бригады. Это были отборные кадровые подразделения, которые обороняли каждый рубеж до последнего солдата, до последнего патрона и отходили только по приказу.

Утром 11 октября третий и четвертый стрелковые батальоны после нанесения удара с тыла по укреплениям на Муста-Тунтури повели бой за высоту 391,7. Гитлеровцы прилагали все усилия, чтобы удержать этот важный в тактическом отношении рубеж. Совместными усилиями подразделений 63-й и 12-й бригад сопротивление врага было сломлено, и к 14 часам батальоны, овладев высотой, вышли на дорогу Титовка—Пароваара. Основная задача была выполнена — движение по дороге на Печенгу находилось под нашим полным контролем. В этом бою бригада понесла ощутимые потери. Погиб от пули фашистского снайпера командир роты автоматчиков третьего батальона капитан Сердюков. Получил тяжелое ранение командир роты 2-го батальона капитан Жданов.

На рассвете 12 октября первый батальон, курсанты школы сержантского состава и медико-санитарная рота соединились с основными силами бригады.

Вскоре мы получили приказ: немедленно выслать подкрепление разведотряду СОРа, который действовал на мысе Крестовый, пытаясь занять батареи немцев. Хотя это и было неожиданно, но мы оперативно направили в распоряжение командира отряда капитана Барченко роту разведки и взвод автоматчиков — всего 100 человек.

Получив подкрепление, разведчики возобновили атаки и захватили зенитную батарею. Но 150-мм береговая батарея продолжала сопротивление. Капитан И. П. Барченко послал парламентариев с предложением сдаться в плен. После долгих колебаний и раздумий гитлеровцы капитулировали. Командир вывел из укрытий около 60 солдат и офицеров.

Таким образом, к исходу 13 октября фашистские батареи на мысе Крестовый были выведены из строя, что созда-

ло условия для успешной высадки десанта в Линахамари. Захватив порт, 210-мм батарею и близлежащие господствующие высоты, десантники тем самым содействовали войскам 14-й армии в освобождении Печенги.

Одновременно основные силы 63-й бригады продолжили наступление вдоль дороги на Пароваара. Завязался упорный кровопролитный бой. Гитлеровцы изо всех сил стремились удержать высоты, прикрывающие подступы к Печенге. Но ничто не могло спасти их от разгрома: ни интенсивный огонь, ни яростные контратаки.

Батальоны бригады не только мужественно и стойко защищали занятые рубежи, но и уверенно продвигались вперед.

Надо сказать, что отсутствие артиллерийской поддержки снижало темпы наступления. Хотя наша штурмовая авиация и наносила по фашистам прицельные удары, но артиллерия по отдельным точкам противника в тех условиях была более эффективным.

На высоте 299,2 1-я стрелковая рота третьего батальона контратаковала две роты гитлеровцев. Завязался бой, дошедший до рукопашной схватки. От пули врага пал командир роты старший лейтенант Пушкарев. Погибли все командиры взводов.

Оценив создавшееся положение, командир второго батальона майор Белоусов в критический момент бросил своих бойцов во фланг контратакующим немцам. Те не выдержали внезапного удара и обратились в бегство.

Упорный бой продолжался и 14 октября. 1-й батальон овладел Пароваара и продолжил наступление вдоль юго-восточного побережья Печенгского залива. В том же направлении продвигались второй и третий батальоны. Совместными усилиями они сорвали план отступления противника на Печенгу. В этот день произошел нелепый трагический случай, который омрачил наше настроение. Гитлеровцы держали оборону на высотах юго-западнее Пароваара. Взвод

разведки первого батальона занял боевые позиции в полукилометре от противника. После полудня прибыл представитель штаба СОРа капитан Василенко. «Почему взвод не продвигается вперед?» — поинтересовался он.

Командир взвода объявил, что впереди на высотах расположены немцы и взвод, организовав наблюдение, ждет подхода батальона. Василенко стал уверять, что на сопках свои. Он встал в полный рост и помахал шапкой. Гитлеровцы ответили тем же.

«Вот видите, это наши», — рассерженно сказал капитан и направился к высоте. Он не отошел и 200 метров, как его сразила автоматная очередь.

В шестидневных боях 63-я бригада морской пехоты разгромила подразделения 503-й авиаполевой бригады, нанеся врагу большой урон в живой силе и технике. Вся территория от хребта Муста-Тунтури до Печенги была очищена от фашистов.

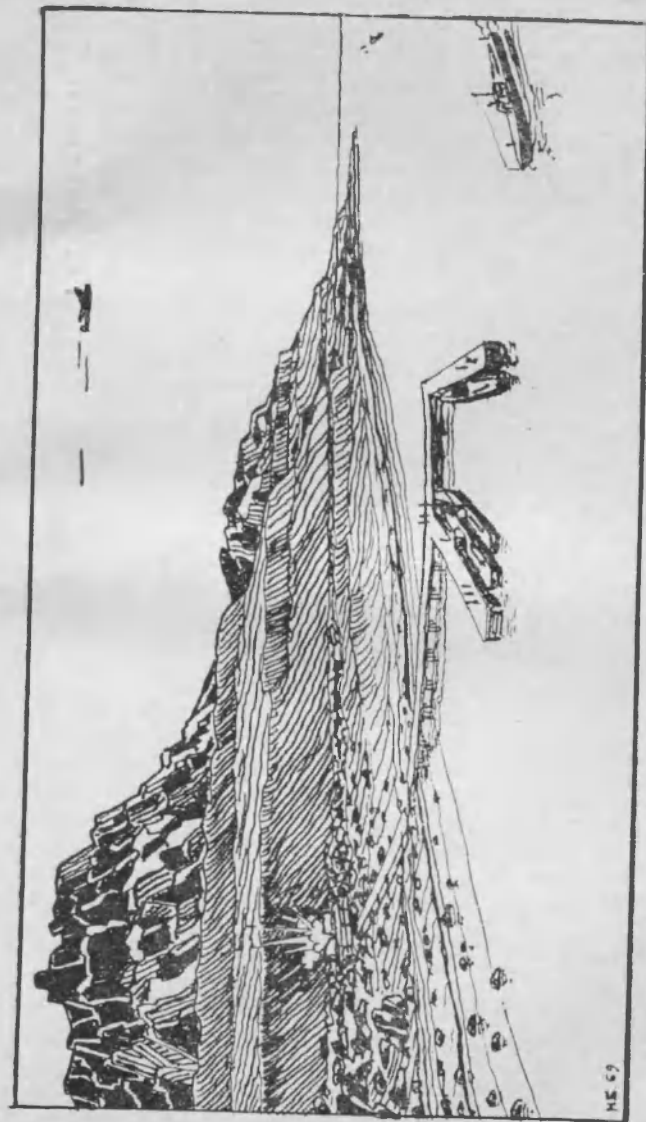
15 октября 1944 года стало днем освобождения Печенги.

А 18 октября корабли перебросили нас обратно на Средний и Рыбачий.

В ночь на 25 октября десантный отряд в составе второго и третьего батальонов морской пехоты направился в залив Хольменгро-фьорд (Норвегия). Командовать отрядом поручили мне. Мы высадились точно в указанном месте в назначенное время и стали прочесывать прибрежную полосу. Затем оба батальона двинулись вдоль восточного побережья Бек-фьорда в направлении Киркенеса.

По десанту открыла огонь артиллерия гитлеровцев с острова Хьельнес. Для подавления артиллерии противника мы вызвали нашу авиацию. Самолеты несколько раз штурмовали вражеские батареи, пока не подавили их полностью.

Мы выполнили свою задачу — сосредоточились южнее Киркенеса.



Торпедные катера в губе Большая Волоковая.  
Рис. Быстрякова.



В трудном походе,  
рис. Лебедева.

27 октября член Военного совета Северного флота вице-адмирал Николаев приказал мне отвести отряд в Банген и там ожидать дальнейших указаний.

В ночь на 3 ноября нас на автомашинах доставили в Линахамари, а оттуда морем на полуострова Средний и Рыбачий.

За боевые действия под Киркенесом Краснознаменной 63-й бригаде морской пехоты было присвоено наименование Киркенесской.

г. Рига

**А. АКУЛИЧ**,

полковник в отставке,  
бывший начальник штаба 63-й бригады  
морской пехоты Северного флота

## ОРЛЫ ПОЛЯРНЫХ СКАЛ

Осенью сорок второго года судьба военного человека привела меня на знакомый мне с детства полуостров Рыбачий. Здесь на высоких сопках в начале двадцатых годов располагалось подразделение радистов-военморов, а на берегу моря стояла гидрометеорологическая станция, где работал наблюдателем мой старший брат Михаил. Я приезжал к нему на летние каникулы и часто по его просьбе доставлял радистам сведения о погоде.

Война сделала Рыбачий неузнаваемым, стерла все былые приметы. Исчезли знакомые радиомачты, на их месте находились теперь землянки автоматчиков. Разъехались местные жители, когда-то промышлявшие здесь рыбу. Не сохранилось даже кладбище, где был похоронен мой брат. Только отвесные скалы с неисчислимым множеством чаек остались такими же шумными и неприступными.

Искусству войсковой разведки, особенно действиям в глубоких тылах противника, мы учились у командира разведывательного отряда Северного флота Николая Федоровича Фролова — бывшего председателя Мурманского

областного комитета по физической культуре и спорту. Фролов был для нас, призванных во флот мурманских спортсменов, первым военным наставником.

В отряде вместе со мной служили будущие Герои Советского Союза мончегорец Александр Никандров и сыктывкарец Макар Бабиков. С мурманской судоверфи пришли к нам спортсмены-добровольцы Флоринский, Замятин, Горнов, Люкшин, Манин и другие.

Боевая история отряда, которым после Фролова стал командовать Виктор Николаевич Леонов, богата многими примерами отваги и стойкости.

...Стояла сухая солнечная осень 1942 года. До зимы оставалось недолго, а погода на Рыбачьем еще не предвещала близкого снега. Ночи были на редкость темные, подернутые легкими полярными туманами.

Нашему отряду и двум ротам из бригады полковника Крылова дали боевое задание: перебраться через залив на занятый немцами берег, углубиться в горы, спуститься на мыс Могильный и разгромить опорный пункт, откуда противник прямой наводкой обстреливал корабли.

Под покровом ночи катера бесшумно пересекли Мотовский залив. Но лишь только мы причалили к крутому берегу, как в небе вспыхнули вражеские ракеты.

Бывают минуты, когда даже храбрые люди теряются от неожиданности. Так случилось и с нами. Вместо того, чтобы броситься на берег, весь отряд залег, прижавшись к палубе. Между тем Леонов, взобравшись с несколькими бойцами на крутой косогор, подал сигнал, что все в порядке. Немцы, пускавшие ракеты, куда-то пропали, и высадка прошла спокойно. Однако момент внезапности, на что мы рассчитывали, уже был потерян. Мы начали переход и к утру увидели вдали холмистый мыс — это был Могильный.

Перед походом я сдал свой взвод и в ожидании перевода в новую часть добился разрешения участвовать в рейде на Могильный в качестве наблюдателя. Это давало право

самому выбирать место в бою. Я примкнул к головному подразделению сержанта Василия Кашутина. Не ожидая, когда соберется вместе вся растянувшаяся колонна, Кашутин развернул своих разведчиков, и они ринулись по горному уклону на мыс.

— Хальт! — раздался из темноты окрик часового.

И в следующий момент нашу группу прижал к земле огонь немецких дотов. Надо было немедленно отходить назад за спасительный косогор, где остановились основные силы десанта. Но как?

Говорят, беззащитность в бою страшнее всего. И это жестокая правда. Стоило кому-нибудь чуть приподняться с земли, как его настигал свинец. Возле меня умер от ран Вася Кашутин. Прошел час, другой, третий. Пальба начала понемногу стихать. Ждать свою смерть лежа лицом к земле я больше не мог, и решил по-пластунски продвигаться к перевалу. Вжимаясь в холодный грунт, чтобы не приняли меня за живого, отвоевывал сантиметр за сантиметром. Наконец, переполз через гребень гряды, увидел единственного разведчика Чемоданова.

— А где люди? — изумленно спросил я. — Куда все девались?

— Наверное, отошли к месту переправы. Нас посчитали погибшими. Я уже час как выбрался из этой могилы, здесь никого не застал.

— Что делать будем?

— Подадимся на Зимнюю Мотовку. Ягод там много, питаться есть чем. И как идти, я знаю.

Зимнюю Мотовку знал и я. Путь до нее неблизкий, и опасный. Но это был, пожалуй, единственный выход...

И вдруг, на нашу радость, появились двое разведчиков. Они сообщили, что группа Леонова укрывается за валунами и не может отойти. Один из разведчиков сумел сообщить леоновцам, что надежды на подмогу нет и надо им любым способом пробиваться к побережью.

Потом мы встретили еще несколько бойцов, заблудившихся в горах. Дали совместно несколько залпов по опорному пункту, чтобы отвлечь на себя внимание немцев. Но те не спустили глаз с группы Леонова, прикованной к валунам. Положение становилось безвыходным: боезапас мы израсходовали, а в горы стягивалось все больше и больше гитлеровцев.

И тут кто-то из нас заметил подходивший к берегу морской охотник. Устремились к нему, обходя стороной вражеские землянки. Вскоре мы были на борту катера, принимавшего последнюю группу бойцов, и через час докладывали о случившемся комиссару отряда Дубровскому. Здесь же, на Рыбачьем, узнали, что наш командир Фролов тяжело ранен и направлен в госпиталь.

О неудаче десанта сообщили начальнику штаба Северного оборонительного района контр-адмиралу Тузу. Даниил Андреевич сделал все возможное, чтобы помочь леоновцам: были немедленно подняты для переброски на Могильный сто автоматчиков под командованием капитана Маркова. Но командование в Полярном, видимо, не верило в чудеса — автоматчиков вернули назад в землянки. Между тем чудо произошло. В сумерках разведчики выбрались из западни, провели на вражеском берегу тревожную ночь и весь день, а вечером случайно увидели морской охотник, шедший в Полярное. В кармане у Александра Никандрова оказалась газета. Ее зажгли. На катере заметили вспышку и повернули к берегу. Затем командир катера Борис Лях обнаружил еще две группы наших бойцов и снял их с берега.

...Я прибыл на Рыбачий принимать взвод в торжественный момент, когда командующий Северным оборонительным районом генерал-лейтенант Кабанов вручал правительственные награды бойцам и командирам, особо отличившимся при разгроме вражеского гарнизона на мысе Пикшуев. Орден Красного Знамени получил автоматчик моего взвода Петр Гребенников.

— На цель нас вывел Поярко. Вот уж кто действительно здорово ориентируется в здешних условиях, — с восторгом рассказывал мне Гребенников.

Лейтенант Поярко пришел в разведку из Мурманского тралового флота. В глубоких рейдах по тылам противника раскрылся в нем настоящий талант следопыта. За операцию на Пикшуеве Поярко также был награжден орденом Красного Знамени.

Комиссаром отдельной роты, в которую входил взвод, был мой старый друг — чемпион Мурманской области по лыжному спорту Георгий Абрамов. Другим взводом командовал тоже мой друг — мурманчанин Толя Патраков. Не один месяц воевал я бок о бок с отважными разведчиками и душевными людьми Петром Гребенниковым, Александром Фуфаевым, Константином Штыревым, Николаем Подкладой. Можно понять мое настроение, когда неожиданно пришел приказ направить меня и Патракова в Западное Озерко. Там мы должны были принять новые подразделения разведки Северного оборонительного района. Обстановка требовала активных действий на вражеском побережье, и с этой целью и создавался разведывательный отряд. Его первым командиром стал капитан Александр Юневич, человек изумительной храбрости, прославившийся своими рейдами в тылу врага.

...На Муста-Тунтури против нашего левого фланга у вышней роты «Яйцо» немцы воздвигли новый опорный пункт, который был мало разведан и считался почти неприступным.

Юневич получил задание проникнуть на высоту, засечь огневые точки, узнать, какие части там дислоцированы, и захватить контрольных пленных.

Темной осенней ночью, подкравшись к опорному пункту, группа капитана Юневича ринулась на штурм. Дерзкий залет ошеломил немцев. Расчищая путь гранатами, разведчики прорвались в глубь немецких позиций. Сам Юневич в рукопашной схватке ударами приклада сразил двух



фашистов. Вместе со своим командиром отважно и ловко действовали моряки Политико, Опрышко, Распертов, Веллжанин, Парамонов и другие. Задание было выполнено блестяще.

Товарищи из политотдела говорили мне, что об этой операции упоминалось в докладе Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину.

Много рейдов по вражеским тылам и вылазок на Муста-Тунтури совершил отряд Юневича.

В один из мартовских дней 1943 года Юневич вызвал меня и Анатолия Патракова к себе в землянку:

— Ну, мурманчане, предстоит поход. Трудный, но интересный.

И, развернув топографическую карту, продолжал:

— Придется одолеть эти кручи, пройти минные поля и проникнуть вот сюда. Задача — разведать силы противника. Выступаем 29 марта.

Тщательно готовились мы к предстоящему рейду. Но за два дня до операции Юневич вновь вызвал меня:

— Придется, Назарыч, тебя огорчить. Вместо тебя в поход пойдет со своим взводом лейтенант Белозеров.

— Как? Что случилось?

— Командующий получил из Полярного указание: тебя и Георгия Абрамова немедленно направить в распоряжение штаба флота.

Я терялся в догадках. Все разъяснилось, когда прибыл сам Георгий Абрамов.

— Забирай лыжи и катим в Полярное, — объявил он, — а оттуда на Праздник Севера. Катер у причала.

Видя мою досаду, Юневич пообещал, что скоро поручит взводу другое задание. Прощаясь с Юневичем, я не думал, что вижу его в последний раз.

Да, смелый из смелых, Александр Юневич погиб. Погиб не от вражеской пули, и не от штыка. В боевой летописи флота об этом рассказано в нескольких словах:

«Отряд моряков-разведчиков под командованием капитана Юневича высадился на вражеский берег, проник в глубокий тыл врага и добыл исключительно ценные сведения. Свою задачу отряд выполнил блестяще. При отходе североморцы были окружены превосходящим по численности противником. Завязался неравный бой. Разведчики уничтожили более 200 гитлеровцев. В последний момент вызвали на себя огонь своей артиллерии».

Единственный из оставшихся в живых раненый боец Бакин переплыл через залив на бревне. В госпитале на Рыбачьем он рассказал мне, что Юневич непрерывно сообщал по радио свои координаты и настойчиво требовал:

— Огонь на нас! Прощайте, товарищи, огонь на нас!

Военный совет Северного флота 24 января 1944 г. зачислил капитана А. Я. Юневича навечно в списки 63-й бригады морской пехоты.

Преемником Александра Юневича стал капитан Барченко. Этот человек, инженер по специальности, в совершенстве знал искусство разведки, любую топографическую карту он читал так легко, словно сам составлял ее. Далекие походы на Индильзее, «Обергоф», в район Титовки, в глубь побережья до самого Печенгского залива — вот поле действий разведывательного отряда Барченко.

...23 сентября 1943 года. Синие сумерки нависли над Эйной. Даниил Андреевич Туз прибыл провожать разведчиков в новый поход. Накануне в одной из маленьких землянок он лично разрабатывал предстоящую операцию. Пожелав отряду благополучия, контр-адмирал дал катерам добро на отход.

Когда корабли причалили к вражескому берегу, было темно. Много километров прошли мы за эту ночь по болотам и тропам, устали как черти, а надо идти еще дальше. Задание было обычным — проникнуть на отдаленный опор-

ный пункт врага и взять «языков». Я возглавлял одну из групп захвата.

В предрассветной синеве мы увидели на склоне горной гряды несколько немецких солдат. Но и они заметили нас — вверх полетела ракета. И сразу же как из-под земли появилась рота фашистов. Отстреливаясь, мы отошли к Пикшуеву, где оставались основные силы отряда. Барченко принял решение атаковать противника и в ходе боя захватить пленных.

Гитлеровцы, не ожидавшие такой дерзости, опешили, и разведчики Розаев, Афанасов, Заплатин, Подклада, Гаркуша и Панкрашин сумели захватить двух «языков». Задание мы выполнили. Но было еще только раннее утро. До ночной темноты, когда только и могли прибыть катера, осталось шестнадцать часов...

Пришлось вступить в неравный поединок. Тут-то нам и пригодились разбитые траншеи, в которых когда-то обитали «пикшуевские немцы». Много атак предприняли фашисты, стремясь сбросить в залив наш десант. В этом бою отличились пулеметные расчеты Станислава Хаушкина, Василия Бузакова, матросы Иван Мелентьев (уроженец Кольи), Федор Алпатов, Анатолий Сидоров (механик Мурманского тралового флота), Петр Роговой, сержант Василий Денисов.

Мы продержались до подхода катеров.

— Захват «языков» в атаке — случай до сих пор небывалый для нашей разведки, — сказал при встрече в Эйне контр-адмирал Туз. — Молодцы!

Спустя много лет меня навестил в Рязани бывший разведчик Хаушкин. В разговоре он вспомнил интересную деталь операции.

— Когда подошли корабли, — рассказал Станислав Акимович, — меня и моего напарника Бузакова оставили на возвышении вдали от берега прикрывать отход. В темноте мы не заметили, как отчалили катера. Вот и остались

на вражеском берегу. Надо что-то предпринимать... Разыскали на берегу бревно, затем еще одно, связали их обрывками маскхалата и поплыли по заливу. Гребли прикладами. Вода как лед — ноги одеревенели, руки не слушаются... Да разве передать все, что испытали мы в ту страшную ночь...

На минуту задумавшись, Станислав Акимович продолжал:

— Не все тогда нам поверили. Считали просто невероятным наше приключение. А в действительности все было именно так.

Хаушкин живет в Куйбышеве, преподает в школе обществоведение и историю. А Василий Иванович Бузаков сейчас на пенсии, поселился в Рузаевском районе Мордовской АССР.

Вскоре после операции по захвату «языков» меня вызвали к начальнику штаба СОРа:

— Назначаем вас командиром отдельной роты разведки. Как смотрите на это?

Я поблагодарил за доверие, но выразил сомнение, сумею ли я справиться, ведь у роты богатые боевые традиции, ею командовал сам Юневич.

Даниил Андреевич приободрил меня, и я направился на передний край, где рота держала оборону. Незадолго до этого мои новые сослуживцы участвовали в вылазке и понесли большие потери. Ветераны роты воспитанники Юневича Политико, Распертов, Велигжанин, Ботин, Опрышко, Парамонов, командиры взводов Лазаревский, Шарков, Смирнов ознакомили меня с обстановкой.

...Муста-Тунтури! Казалось, сама природа создала здесь неприступную крепость. Отвесные скалы, нисходящие на трехкилометровый перешеек, враг оградил рядами колючей проволоки, знаменитыми спиральями Бруно, минными полями.

На одном из опорных пунктов в боевом охранении я встретил своего бывшего сослуживца Александра Фуфаева.

Прошлись по скалистым лабиринтам. Разговаривали шепотом: ведь немцы были всего в нескольких метрах...

Фашистов, окопавшихся в «каменных гнездах», взять нелегко, почти невозможно. Но однажды ночью при мне группа разведчиков старшего лейтенанта Ильясова, улучив момент, вытащила из такого гнезда по канату одного зазевавшегося вояку.

Стоя в боевом охранении, мы находили возможность заниматься лыжным спортом и даже проводить соревнования. Помню, в одной из гонок мне едва-едва удалось победить молодого бойца Елкина, который позже вошел в состав сборной команды флота и неоднократно участвовал во всеююзных соревнованиях.

Замечательная все-таки вещь — лыжи! Даже у самого переднего края обороны мы постоянно проводили боевую подготовку только на лыжах. Инициатором выступал сам командир бригады Крылов. Он старался всячески окрасить наш суровый быт на переднем крае, организовывал выступления художественной самодеятельности, приглашал поэтов, писателей.

Однажды в роту прибыл поэт Сергей Алымов. Мы с удовольствием слушали его стихи «О коптилочке», «О Феде с наганом». Рассказал он нам историю создания песни «По долинам и по взгорьям».

— Мало кто знает, что я автор этой песни, — говорил поэт. — Все считают ее народной, и это очень приятная оценка!..

Беседа длилась до позднего вечера. Наш гость собрался в дорогу, но разыгралась пурга и Алымову пришлось задержаться до утра.

Мы проговорили всю ночь. Я рассказал поэту о своем командире Александре Юневиче, о подвигах разведчиков, свидетелем которых мне довелось быть.

...В ночь на 9 октября 1944 года началось наступление на Муста-Тунтури.

В это время объединенный разведывательный отряд, куда я был переведен, совершил рейд на Крестовый.

Идея похода на мыс Крестовый, как стало известно из воспоминаний адмирала А. Г. Головки, принадлежала Д. А. Тузу. Возглавлял поход И. П. Барченко, его заместителями были В. Н. Леонов и я. Одновременно на меня возлагались обязанности начальника штаба отряда.

Нам предстояло высадиться на вражеский берег в районе Матти-вуоно, выйти к мысу Крестовый — и разгромить находившиеся там береговые батареи.

Отряд успешно выполнил эту сложную задачу. В коротком бою группа Леонова и подразделение артиллеристов с Рыбачьего завладели 88-мм батареей. Опорный пункт, прикрывавший подходы к батареям, тоже оказался в наших руках. А орудия главной 150-мм батареи немцы подорвали сами.

На поддержку вражеского гарнизона, прижатого к воде, из Линахамари были переброшены десанты. Мы оказались в тяжелом положении, понесли серьезные потери. В этот критический момент операции огромную помощь оказала нам штурмовая авиация и артиллеристы Космачева и Поночевского.

13 октября гарнизон Крестового полностью капитулировал, и мы с победой возвратились на Рыбачий.

г. Рязань

А. СИНЦОВ,  
подполковник запаса

## ПО ТЫЛАМ ВРАГА

Командиром отряда разведчиков Северного оборонительного района я был назначен в конце мая 1943 года.

Отряд тяжело переживал героическую гибель большой группы моряков во главе с прославленным капитаном

Юневичем. По вполне понятным причинам мне нельзя было не учитывать общей атмосферы и душевного состояния людей, которых я принял под свое командование, тем более что смерть близких друзей многих выбила из колеи.

— Не нам проливать слезы, — говорил я, стремясь поднять настроение. — Матросы за своих друзей мстят, а не плачут. А чтобы мстить, надо лучше владеть оружием, больше знать и уметь.

Чтобы отвлечь людей от разных невеселых мыслей, стали систематически проводить занятия по тактической и огневой подготовке. Кроме того, надо было как можно быстрее «обкатать» подошедшее к нам пополнение, научить новиков преодолевать подъемы и спуски, совершать броски и длительные переходы, ориентироваться на местности, особенно в темное время.

К середине августа наш отряд подготовился к выполнению отдельных разведывательных задач и терпеливо ждал приказа.

Во второй половине сентября меня вызвал командующий СОРОм генерал-майор Е. Т. Дубовцев, который только что сменил на этом посту С. И. Кабанова. Отряд получил первую боевую задачу — высадиться на занятый врагом берег, углубиться в его оборону, выяснить систему расположения гитлеровских опорных пунктов и захватить «языка». Место высадки — мыс Пикшуев. На всю операцию отводилось десять дней. От командующего я сразу же уехал в отряд, который разместился в губе Эйны, традиционном месте подготовки десантов.

Спустя несколько дней у нас побывали начальник штаба СОРа Д. А. Туз и офицеры разведотдела. Они помогли нам оперативно решить ряд вопросов по экипировке и боевому обеспечению отряда. Мы окончательно определили место высадки и договорились о способах связи с КП штаба и порядке донесений. Срок переброски отряда на мыс Пикшуев был намечен на 23 сентября.

Мне не пришлось участвовать в пикшуевской операции, проведенной осенью 1942 года, но кое-какие сведения о характере местности, на которой нам предстояло действовать, я имел.

В то же время возникали вопросы: а не восстановил ли противник разгромленные опорные пункты? Не придется ли отряду сразу вступать в бой и иметь дело с немецкими минометами? Но разведанные штаба успокоили меня и на время развеяли сомнения.

...День 23 сентября проходит в хлопотах. Получаем различного вида боевое довольствие и экипировку. Торопимся, так как к 19 часам отряд должен быть приведен в полную боевую готовность. Проводим сбор отряда. Нас вместе с приданными группами саперов, корректировщиков артиллерии, связистов и санитаров — 138 человек. У моряков приподнятое настроение.

К исходу дня заканчиваем подготовку. Напоследок уточняем задачи разведподразделений, маршруты действий, способы связи, сообщаем пароль и отзыв.

После четырехчасового отдыха отряд сосредоточивается у причала Эйны, где уже стоят катера МО. Начинается посадка и погрузка боезапаса. Последними поднимаются на борт командиры взводов Синцов, Семенов и Петров.

Эйну оставляем за полночь. Катера с приглушенными моторами за полчаса пересекают залив. Подходим к месту высадки. Быстро и расчетливо перебрасываются катерные трапы. По команде, отдаваемой вполголоса, десантники с ящиками боезапасов сбегают на берег. Катера, насторожив свои крупнокалиберные пулеметы, еще 15 минут галсируют вдоль берега на случай, если понадобится огневая поддержка. Но все благополучно. По глухому удаляющемуся урчанию моторов определяем, что морские охотники взяли курс к родному берегу.

Под покровом ночной темноты быстро удаляемся от берега. Надо, не выдав себя, до наступления светлого време-

ни закрепиться на господствующих высотах. Продвигаемся к вражескому опорному пункту, который еще прошлой осенью был разгромлен сводным отрядом 12-й бригады.

Брезжит рассвет. Хорошо видны старые дзоты, блиндажи, обвалившиеся землянки. Мы приспособливаем их под оборону и надежно маскируем. Взводы разведчиков под командованием Синцова, Семенова и Петрова уходят по заданным маршрутам. Их задача — как следует изучить местность, установить, где находятся оборонительные пункты противника, и к исходу дня прислать подробные донесения.

Радирую на КП штаба о благополучной высадке, месте нахождения и отправке разведгрупп. Кажется, все нормально, можно и позавтракать. Но не успел я прикоснуться к сухарю, как вдруг в направлении, куда ушли группы Синцова и Семенова, послышалась стрельба. А еще через пару минут донеслись разрывы гранат и взвились красные ракеты. Сомнений нет — разведчики встретились с врагом. Но что за противник и откуда он здесь взялся? Посылаю для выяснения обстановки связного Мелентьева. Проходит полчаса, а связной не возвращается. На душе неспокойно: почему начинает стихать стрельба? Уходит второй связной, Александров. Вскоре он возвращается вместе с Мелентьевым и вручает донесение лейтенанта Семенова:

«Встретился с усиленным патрульным нарядом. Окружил и веду бой на уничтожение. Захватил пленных».

Начинаю отчитывать Мелентьева за медлительность, но останавливаюсь на полуслове: гимнастерка бойца залита кровью. Оказывается, Мелентьев наткнулся на засаду. Фашисты пытались взять его живым. Началась рукопашная. Спасло то, что Мелентьев отлично владел ножом: он быстро разделался с двумя егерями, но и сам получил два ножевых ранения. Отдав должное мужеству Мелентьева, отсылаю его в санитарный пункт, развернутый на северном скате высоты...

Вскоре доставляют двух пленных, в том числе обер-ефрейтора. По изъятым у них солдатским книжкам выясняем, что на Пикшуеве стоит 2-й батальон 388-го егерского полка. Наше появление в тылу у врага уже не тайна. Гитлеровцы наверняка предпримут все, чтобы избавиться от нас. Утреннюю стычку с патрульной группой надо рассматривать как прелюдию к серьезному бою. Отдаю приказ: всем разведгруппам подготовить оборонительные рубежи и быть на чеку.

Егеря не заставили себя долго ждать. Примерно через полчаса с наблюдательного пункта доложили, что правее нас появились два немецких взвода. А вскоре я увидел в бинокль, как развернутые в цепи зеленовато-дымчатые шинели самоуверенно двинулись в нашу сторону.

Поступило донесение и от командира взвода Синцова, который сообщал о появлении целой роты противника. Обо всем этом докладываю в штаб СОРа и тут же по радиции связываюсь с батареями 104-го артполка на Рыбачьем. Меня беспокоят открытые фланги в прибрежной черте: приходится брать из резервной группы два отделения разведчиков во главе с сержантом Заплатиным и младшим сержантом Абашевым. Их задача — не дать обойти нас с берега и любой ценой предотвратить захват оставленного на берегу резервного боезапаса.

...24 сентября. 16.30. Мы ведем тяжелый бой с превосходящими силами врага. Через головы летят с Рыбачьего снаряды нашей артиллерии. Немцы вводят все новые резервы и, несмотря на большие потери, стремятся сбить нас с высот. Но у нас за спиной море и отступить некуда. Радирую командующему о ходе боя, но умалчиваю о серьезности создавшегося положения. Тяжелее всего на участке Синцова и Семенова. Их связные доносят о том, что немцы ведут непрерывные атаки. Свои действия противник подкрепляет огнем батальонных минометов. Обойти нас с берега гитлеровцам не удалось, но и у меня больше

нет резерва, остались только радисты и саперы. Перебрасываем с берега на передовые позиции боезапас, чтобы наши пулеметы не испытывали патронного «голода».

Убиты Бублик и Ахметов. Поступают раненые. Принесли Бегаева. Я смотрю на его застывшее обескровленное лицо и с болью начинаю сознавать, что этот солдат — ветеран войны, побывавший в десятках вылазок зимой 1941/42 года, — уже не встанет.

Только что доставили тяжелораненого лейтенанта Семенова. С раздробленной пяткой, опираясь на винтовку, еле добрался до санпункта Николай Подклада. Всегда шумливый, он сейчас полон гнева, нещадно ругается и неистово кричит в сторону немцев: «Мы не то еще покажем вам, сволочам!»

Получил серьезное ранение в позвоночник пулеметчик Василий Денисов, отразивший не одну атаку горных егерей.

Больше всего поразило хладнокровие и самообладание Черкасского. Не дожидаясь медиков, он вынул нож и, стиснув зубы, начал вырезать из раздробленной ноги осколки мины. Жутко было смотреть на эту операцию, но разведчик мужественно довел ее до конца.

С КП штаба поступила радиограмма: «В 20.30 ждите катера...»

К 19 часам атаки немцев стали ослабевать, а с наступлением темноты стихли совсем. Мы отходим организованно, под усиленным прикрытием. В первую очередь перенесли на берег убитых и раненых, доставили пленных. Катера прибыли с незначительным опозданием. На пирсе в губе Эйна, где нас встречал капитан 1 ранга Туз, провели перекличку и установили, что наши потери — 22 человека.

От очевидцев я узнал о подробностях гибели командира отделения Михаила Кудряшова, который дрался геройски и умер как герой. Получив смертельное ранение, Кудряшов нашел еще в себе силы, чтобы подняться во весь рост и дать несколько очередей по наступающим гитлеровцам. Затем

его пулемет, как эстафету, перехватил разведчик Гаркуша, который пресек все попытки немцев прорваться в глубь нашей обороны. К исходу боя Гаркуша получил тяжелое пулевое ранение в живот...

На огневом рубеже скончался бывший наводчик Леша Каракулов, исполнительный и уважаемый всеми человек. Парторг отряда Неструев, лично руководивший захватом пленных, был тяжело ранен и попал в госпиталь.

Как командир не могу не оценить расторопность и умелые действия старшины отряда Петра Андреевича Рогового. Он успевал всюду: отражал в боевых порядках вражеские атаки, доставлял боеприпасы, разворачивал санпункт, сделал все для эвакуации раненых и военного имущества.

27 сентября отряд посетили Туз и начальник разведотдела Романов. О нашей вылазке они говорили с похвалой, считая задание выполненным. Нам было приятно услышать, что разведотдел штаба через «языков» получил необходимые сведения. В какой-то мере наш успех омрачил случай с разведчиками Станиславом Хаушкиным и Василием Бузаковым, которые вернулись с вражеского берега только на другой день. Я еще не знал всех деталей, но сам факт, что мы оставили разведчиков на том берегу, был очень неприятен. Оказывается, Хаушкин и Бузаков, находившиеся в группе прикрытия, увлеклись боем, потеряли ориентацию и, блуждая в кромешной тьме, вышли на берег значительно левее места посадки. Попав в безвыходное положение, разведчики не пали духом, соорудили из бревен плотик и отправились на нем в рискованное плавание. За сутки с небольшим они сумели благополучно приплыть к берегу Рыбачьего, оттуда их и доставили в отряд. Мужественное поведение разведчиков вызвало у нас чувство гордости.

27 сентября мы с А. Н. Синцовым побывали в госпитале. Сердца наши наполнило горе. Вести худые: ночью скончались Гаркуша и Дуркин. Черкасскому отняли ногу.

Семенова и Неструева срочно эвакуируют на Большую землю. Остальных раненых ребят оставили пока здесь.

Вечером оформили документы для представления к правительственным наградам. Только особо отличившихся насчитали 28 человек. Трудно сказать, как прореагирует на это командование. Впрочем, награды — не главное, важно, что отряд прошел проверку в бою и показал свою воинскую зрелость. И мне, командиру, приятно, что труд, вложенный в подготовку и обучение людей, не пропал даром. Теперь я полностью уверен, что отряд способен решить любые разведывательные задачи, какими бы они ни были трудными. Это разведчики доказали в октябре 1944 года в рейде на мыс Крестовый.

Тогда перед сводным отрядом, скомплектованным из разведывательных отрядов штаба Северного флота и Северного оборонительного района, была поставлена одна из важнейших задач общевфлотской операции — высадиться на вражеский берег, пройти по глубоким тылам противника к мысу Крестовый, разгромить его гарнизон и захватить батареи. Задача усложнялась тем, что предстояло действовать на труднопроходимой местности, изобилующей глубокими ущельями, скалами и горными речками. А маршбросок необходимо было совершить при строжайшей скрытности, продвигаясь только в ночное время.

Перед самой посадкой в отряд приехал член Военного совета флота вице-адмирал Николаев. Появившись перед моряками в своей традиционной походной форме — матросском бушлате, он произнес короткую, но горячую речь.

...9 октября, 19 часов. Отряд начал посадку на катера. Рядом грузились подразделения 63-й бригады морской пехоты, которые должны высадиться левее нас и с запада нанести удар по обороне противника на хребте Муста-Тунтури.

21.30. Приняв отряд, группа торпедных катеров и «морских охотников» под командованием старшего лейтенанта

Ляха взяла курс к месту высадки. Несмотря на ослепительные лучи прожекторов и сильный артиллерийский огонь противника, катера, поставив дымовую завесу, подошли к берегу и начали высадку. Натренированность разведчиков и богатый десантный опыт помогли провести ее быстро и организованно. Стремительным броском отряд занял прибрежные высоты и вышел из зоны огня противника.

Доложив командованию о высадке и приняв походные порядки, мы двинулись к мысу Крестовый. В это время мы услышали невероятную по силе артиллерийскую канонаду: морские пехотинцы полковника Рассохина начали штурм обороны немцев на Муста-Тунтури.

Шли не останавливаясь. К середине ночи подул сильный ветер, разыгралась пурга. На рассвете полил дождь, и снег стал таять. Пришлось снять маскировочные халаты и уложить в вещевые мешки. Днем укрылись в каменных блиндажах, тщательно маскируясь от самолетов противника.

С наступлением темноты возобновили движение и к утру 12 октября вышли к перешейку мыса Крестовый. Подразделения разведчиков стремительно двинулись в глубь мыса. К четырехорудийной 88-мм зенитной батарее устремились разведчики Леонова, в район 150-мм батареи — взвод Петрова, на укрепленный пункт, прикрывавший подходы к батареям, — разведчики Синцова, Пивоварова и Кубарева.

Наше внезапное появление ошеломило врага. После короткого боя 88-мм батарея оказалась в наших руках, взяли мы и основной пункт обороны с несколькими дотами и пулеметными точками. А к 150-мм батарее пробраться не смогли: в фиорде начался прилив. Переполох на Крестовом заметили в порту Линахамари, где находилось много немецких орудий, включая пушки 210-мм калибра. На мысах Нумерониemi и Нурменсетти у немцев стояли крупнокалиберные батареи. Противник повернул стволы в нашу сторону.

Массированные огневые налеты принесли серьезные потери. Почувствовав огневую поддержку, гарнизон Крестового пришел в себя и начал контратаки. В середине дня через фиорд переправилась группа гитлеровцев. Пришлось оставить захваченную утром 88-мм батарею.

В отряде ощущался недостаток боеприпасов. Мы запросили поддержки авиации. Группа самолетов-штурмовиков ИЛ-2 под прикрытием истребителей нанесла сильный удар по противнику. Эффективные действия авиации значительно облегчили наше положение. С ликованием встретили разведчики появление самолетов, доставивших нам боеприпасы и продовольствие. Правда, не все парашюты с грузом приземлились точно, но надвигающийся «голод» в боеприпасах был предотвращен. В результате атаки мы снова овладели 88-мм батареей и заставили гитлеровцев повсеместно перейти к обороне. Это была кульминация. Почувствовав всю безвыходность своего положения, гитлеровцы стали группами и в одиночку сдаваться в плен. Однако большая часть гарнизона еще держалась.

В ночь с 12-го на 13 октября начальник штаба Северного оборонительного района Д. А. Туз передал в отряд сообщение, что намечается высадка десанта в порт Линахамари. Около трех часов ночи катера с десантниками ворвались в фиорд. Как потом мне стало известно, этими группами командовали офицеры Шабалин, Коршунович и Зюзин. Артиллерийский огонь был настолько плотным, что над фиордом бушевал настоящий фейерверк. В ответах этого зарева нам хорошо были видны действия катерников.

К утру мы установили связь с высаженным десантом — пулеметчиками майора Тимофеева и морскими пехотинцами старшего лейтенанта Петербургского. Всю ночь и последующий день десантники вели тяжелые бои за Линахамари.

13 октября после многократных атак командование гарнизона на Крестовом, убедившись в беспечности дальнейшего сопротивления, приняло наш ультиматум и все условия

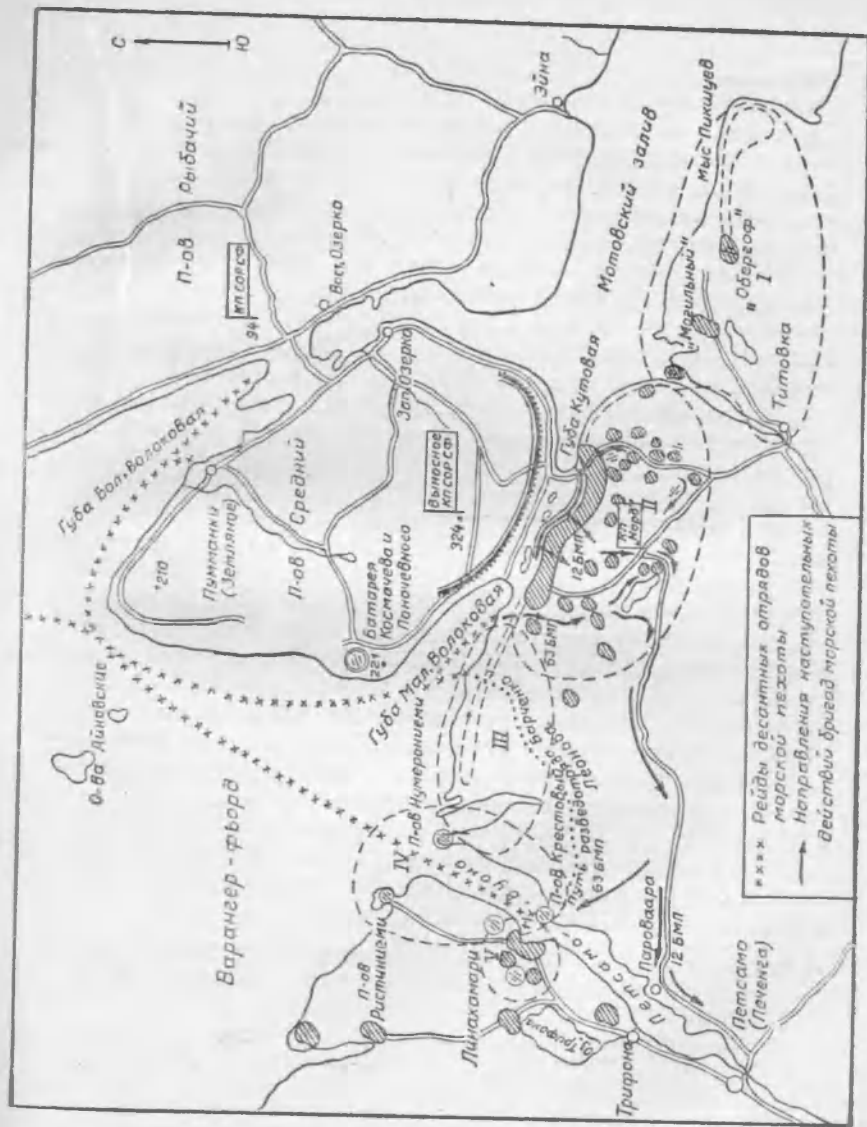


Схема района обороны немецкой группы «Норд».



сдачи. К исходу дня 78 гитлеровцев во главе с начальником гарнизона сложили оружие.

В ночь с 13-го на 14 октября отряд направили в Линахамари на подмогу десанту Тимофеева. К середине дня 14 октября стали подходить части бригады полковника Рассохина. Здесь нас встретил командующий СОРОм генерал Дубовцев, и отряду был предоставлен отдых.

Боевые действия отряда получили высокую оценку командования. Большие организаторские способности проявили офицеры Леонов, Синцов, Кубарев и Пивоваров. Находясь в боевых порядках и пренебрегая опасностью, они шли на те участки, где было тяжелее всего.

За трое суток боев на Крестовом и в порту Линахамари мы потеряли убитыми и ранеными 53 человека. Умерли от ран разведчики Орлов и Князев. Мужественно погибли матросы Ефремов и Фирсов, комсомольский работник Филиппов. Филиппов служил в политотделе Северного оборонительного района. Узнав об уходе отряда на боевое задание, он примчался к нам за несколько часов до посадки и попросил взять с собой. Я долго не давал согласия и, только получив по телефону разрешение из политотдела, зачислил Филиппова в отряд. Дрался он героически, проявив изумительную стойкость. Оказавшись в расположении 88-мм батареи немцев, Филиппов расстрелял огневой расчет противника, но в завязавшемся рукопашном бою получил ранение и скончался. Тяжело было слышать о смерти этого храброго человека, который добровольно отправился в один из последних боев в Заполярье и отдал свою жизнь во имя победы.

Моряки-разведчики с честью выполнили свой воинский долг, и сегодня мне приятно сознавать, что молодое поколение североморцев свято хранит и умножает их славу.

г. Ленинград

Герой Советского Союза И. П. БАРЧЕНКО,  
полковник запаса



**ПАХАРИ  
ЗЕМЛИ  
И МОРЯ**

## МОИ БОЕВЫЕ ТОВАРИЩИ САПЕРЫ..

К началу боевых действий на Среднем и Рыбачьем находились саперная рота 135-го стрелкового полка и 14-й саперный батальон 14-й дивизии. В первые дни войны батальон перебросили из Эйны в район Западная Лица, а рота заняла позицию на перешейке Кутовая — губа Малая Волоковая. В 23-м укрепрайоне было спешно сформировано еще одно саперное подразделение — 289-й отдельный батальон. Меня назначили командиром 3-й роты.

К 30 июня на перешейке установилась линия обороны: наше боевое охранение заняло северные склоны Муста-Тунтури, а немцы расположились на южных склонах хребта.

На переднем крае обороны начались саперно-строительные работы. Совместно с пехотинцами, пулеметчиками и артиллеристами саперы 135-го полка строили огневые точки, траншеи, блиндажи, землянки, проволочные заграждения, крытые ходы сообщения. Траншеи перекрывали тонкими плитами из глинистого сланца. Этот местный строительный материал широко применялся для покрытия боевых и жилых сооружений. Он надежно защищал от снарядов и мин, от дождя и снега.

Роты нашего нового батальона в первые месяцы войны строили землянки, причалы, склады, дороги и другие

объекты, оборудовали командные пункты для штаба гарнизона.

В нелегкой хлопотной жизни саперов были свои печальные и радостные события, которые навсегда остались в памяти каждого из нас.

### Тревога

1 июля 1941 года, закончив ремонт дороги на Кутовую, мы прибыли в Западное Озерко. Не успели прикончить чудесный обед, приготовленный нашим поваром Наумом Шмидтом, как раздались сигналы боевой тревоги. Нам объяснили, что в центре полуострова Средний приземлилась большая группа вражеских парашютистов, и комендант укрепрайона полковник Красильников приказал немедленно выслать заградительные отряды для уничтожения врага. Наша рота тоже выделила группу бойцов для отражения десанта. Меня назначили командиром. Старшина роты прислал ящики с винтовками и патронами... в заводской смазке! Два часа ушло на сборку и подготовку оружия, ведь до этого дня мы воевали лопатами и кирками, многие из нас впервые взяли в руки боевую винтовку. До места высадки парашютистов около пяти километров. Перевалив через сопку, мы вышли на голую каменистую площадку. Это и есть наш участок.

Я приказал занять выгодные позиции и... стал в тупик: что делать дальше? Когда появятся немцы? Успеем ли мы построить укрытия? Не на открытой же местности встречать врага...

Я выложил из камня показательную огневую точку с амбразурой на одного бойца. Затем мы определили место для каждой такой точки, и работа закипела. Часа через два район обороны принял вполне боевой вид. Учитывая склон, мы расположились полукругом. На душе было неспокойно: что-то нас здесь ожидает? Как поведут себя в бою мои саперы?

Полночь. С низины, откуда мы ждем врага, пополаз густой, молочный туман. На нас надвигалась белесая стена метров пять высотой.

Может быть, в этом тумане и прячутся парашютисты? Вдруг тишину нарушили резкие звуки выстрелов. Где-то ниже нас началась стрельба. Видимо, враг наткнулся на соседний отряд заграждения. Надо быть наготове.

Вскоре стрельба затихла. Но тревога не проходила.

И тут неожиданно сзади нас послышались крики: «Внимание! Свой! Отбой!» Это оказался наш сапер Шестаков. От него мы узнали, что тревога была беспричинной. Кто-то увидел рядом с пролетавшим немецким самолетом белые комья облаков и принял их за парашюты. Бойцы соседнего заградительного отряда, не выдержав напряжения, стали расстреливать... туман.

Так закончился наш первый «бой» с противником. В тот день мы не встретили ни одного живого гитлеровца, но зато саперы получили первый урок по строительству простейших огневых точек. Несмотря на тревожную бессонную ночь, возвращение в лагерь было радостным и легким.

### Строим, строим, строим...

2 июля 1941 года мы перешли на перешеек между полуостровами Средний и Рыбачий и разместились на мысе Литке. Нам приказано подготовить район обороны для стрелкового батальона.

...10 июля. На Муста-Тунтури уже третью неделю идут бои. Наши упорно держатся, но запасные позиции на перешейке необходимы, и мы стараемся изо всех сил. За десять дней рота построила 50 окопов, 10 дзотов, 800 метров ходов сообщения, 1200 метров проволочных заграждений в три кола, шесть землянок из камня и торфа. Начальник инженерной службы укрепрайона Кондаков дал хорошую оценку нашей работе.

Много разговоров о первом пленном немце. 7 июля утром солдаты 135-го полка увидели мчавшегося по дороге из Титовки мотоциклиста. У нас мотоциклов не было. Пулеметчики не раздумывая открыли огонь. Фриц никак не может понять, почему вокруг русские. Оказывается, он потерял ориентировку и проскочил мимо своих позиций...

По окончании работ на перешейке рота построила на каменистом плато Рыбачьего хранилища для продовольствия. Что представляли из себя эти главные гарнизонные склады? Бревенчатый каркас со стропилами, обтянутый парусиной и брезентом, с дощатым полом по лагам. Часть стен обшита досками. Площадь каждого — около ста квадратных метров. В складе можно было хранить одновременно до 250 тонн продуктов.

Хотя по календарю разгар лета, на северных склонах лежат плотные глыбы снега. В них старшина роты оборудовал «холодильники» для хранения рыбы и мяса. Наш старшина Мелкумов вообще оказался на редкость деловым и хозяйственным человеком.

Больше трех недель мы жили не снимая с себя верхней одежды: гимнастерок, стеганок, ватных брюк. Во фронтовых условиях это грозило эпидемией. Позарез нужна была баня. И вскоре мы ее получили... Неподдалеку от палаток старшина нашел в скале удобную нишу размером 3 на 6 метров. За один день они с командиром взвода Коптевым, бывшим инженером-сантехником, соорудили здесь очаг из камней, установили котлы для горячей и холодной воды, заготовили дощатые шайки-корытца. Затем загордели нишу брезентом, и баня была готова!

На переднем крае обороны не утихал гул орудий. Не проходило дня, чтобы над гарнизоном не появлялись «юнкерсы». Причем обстреливали они даже мелкие цели — автомашины, тракторы, повозки, верховых. В соседних частях есть убитые, раненые. Мы приняли все меры для маскировки своего лагеря и объектов, передвигались к месту

работ по отделениям и при появлении самолетов тотчас рассыпались по сторонам.

Немцы чувствовали себя вольготно в небе: на полуостровах по существу не было противозвоздушной обороны. Что могла сделать всего одна зенитная батарея, прикрывавшая дальнобойные пушки? Мы установили свой «пост ПВО» — пулемет Дегтярева, рассчитывая сбить хоть один самолет. Не думаю, что мы напугали немецких пилотов, но случилось так, что именно с этого дня они стали держаться стороной...

### Вторая жизнь «Персей»

В 1922 году по инициативе директора Плавучего морского института профессора И. И. Месяцева недостроенная зверобойная шхуна была оборудована под научно-исследовательское судно, названное «Персеем». В 1923 году оно вышло в свой первый рейс к берегам Земли Франца Иосифа.

За свою восемнадцатилетнюю жизнь «Персей» участвовал в девяноста экспедициях, прошел около 200 тысяч километров, избороздил вдоль и поперек Баренцево море. На нем работала большая плеяда советских ученых, получивших ценнейшие данные о рыбных богатствах и океанографии Баренцева моря.

«Персей» завоевал мировую славу и, наверное, дожил бы до наших дней, если бы его девяностый рейс не прервала война.

10 июля 1941 года «Персей», мобилизованный для военных перевозок, принял на борт медикаменты, продовольствие и направился на полуостров Рыбачий. В Мотовском заливе на подходе к губе Эйна «Персей» атаковала группа фашистских самолетов. На судно обрушились авиабомбы. Начался пожар. Вышла из строя машина. Трюмы стали заполняться водой. Члены экипажа кто на шлюпке, кто в плавь добрались до берега...

Но погибшее судно продолжало служить людям и морю, правда, в необычной роли.

С «Персеем» я встретился совершенно неожиданно, в Эйне, куда мы 20 июля 1941 года прибыли соорудить причал.

Эйна была центром снабжения всего гарнизона полуостровов. Сюда из Мурманска на мотоботах, катерах, баржах, буксирах доставляли пополнение, боеприпасы, вооружение, материалы. Причалов в Эйне не было, поэтому корабли становились на рейде. Далее грузы перегружали на катера, лодки, плоты и другие плавсредства, названные в шутку «Дутой флотилией», а лес и дрова просто сбрасывали за борт на воду и собирали в кошелки.

Мы застали Эйну почти пустой, притихшей. В поселке находились лишь тыловые подразделения, занятые обслуживанием прибывающих судов. Часть домов была разрушена бомбежками, а в уцелевших никто не жил: все переселились в землянки.

На западном берегу лежали огромные штабеля лесоматериалов, железа, различных бетонных конструкций. Здесь же застыл на боку деревянный корпус какого-то судна.

Рота расположилась в километре от поселка как раз против мыса Пикшуев. На противоположном берегу залива в шести километрах от нас — немцы. В ясную погоду мы наблюдали за ними в бинокль. Вероятно, и фрицы делали то же самое. В первый же вечер в отлив мы с командирами взводов Коптевым и Бахваловым тщательно осмотрели лежащее на берегу судно. Деревянный корпус из сосны и мореного дуба местами оброс мелкими раковинами. Ни мачт, ни мостика, ни рубки. Всюду следы пожара. Мы решили использовать этот корпус в качестве опоры для головной части причала. Тут же на месте набросали схему будущего причала, уточнили размеры конструкций, составили перечень необходимых материалов. Теперь благодаря нашей

находке можно будет закончить строительство на неделю раньше, чем намечалось.

На следующее утро саперы стали готовить сваи, насадки, прогоны, подносить лесоматериалы. Около 11 часов из-за облаков бесшумно вынырнули два «юнкерса» и пронеслись над нами на двухсотметровой высоте. Раздались взрывы бомб. Мы стояли как вкопанные, ожидая, что будет дальше. Через 2—3 минуты самолеты сделали новый заход, обстреливая местность из пулеметов.

К счастью, ни один осколок и ни одна пуля не коснулись нас. Правда, одного сапера пришлось извлекать из пустого фанерного ящика, где он прятался от бомб. Случай курьезный, но, оказывается, даже в таком «страусовом» положении люди легче преодолевают страх.

После первого боевого крещения все работали бодро, в приподнятом настроении. Теперь мы знали, как вести себя во время воздушной тревоги: при появлении самолетов противника не бежать, а ложиться там, где застала бомбежка.

В ночь на 25 июля всей роте пришлось основательно поработать на выгрузке дров с парохода «Ваенга». Он пришел в Эйну поздно вечером. Необходимо было до рассвета выгрузить около 500 кубометров леса, чтобы «Ваенга» затемно успела пройти опасный участок Мотовского залива. С задачей мы справились.

28 июля рота закончила строительство причала. Выглядел он неплохо, эстакада и головная площадка могли принимать автомашины с грузом до 5 тонн.

Капитан одного мотобота, осмотрев новый причал, сообщил, что мы нашли корпус знаменитого «Персея», погибшего во время налета немецких бомбардировщиков в июле 1941 года.

Обгорелый, полузатопленный «Персей» осел на обсушке, все ценное оборудование с него сняли и увезли в Мурманск.

Так вот, оказывается, какое судно выручило саперов! Нам было жаль погибшее судно, но мы гордились тем, что возродили «Персей», вернули его к жизни, пусть в другом, но тоже почетном облике. И надо сказать, что в новой роли «Персей» успешно нес свою фронтовую службу.

### У подножья Муста-Тунтури

Первую ночь на новом месте мы провели под открытым небом. Я с посыльным устроился в расщелине между скал. Спали, как и все последние дни, не раздеваясь. Сверху плащ-палатка, под головой — противогаз.

Утром с командиром 4-й отдельной пульроты Никишиным вышли на рекогносцировку. Вот он, передний край обороны! Вот она, большая вершина Муста-Тунтури, у подножья которой предстоит работать саперам нашей роты.

Муста-Тунтури — это черный, извилистый с отвесными утесами кряж. Вид довольно зловещий, особенно когда знаешь, что там, за вершинами — враг.

Никишин рассказывал о своей роте, о боях на Муста-Тунтури, а я по ходу осматривал место работы.

Нам предстояло установить по перешейку, от губы Малая Волоковая в сторону Кутовой, проволочные заграждения и подвести к перешейку траншею высотой в рост человека. Заграждения решили делать в виде рогаток, используя березы, которые росли в низине, в двух километрах отсюда. Распределили силы так: один взвод днем заготавливает жерди и делает рогатки, бойцы второго взвода ночью переносят их к месту установки, а третий взвод в темное время суток роет траншею.

Работы на перешейке шли полным ходом. Саперы рубили березовые колья толщиной 6—8 сантиметров (толще не было) и связывали из них полутораметровые рогатки, оплетая колючей проволокой. По ночам бойцы второго



День 1200-й. 10 октября 1944 г. Перед штурмом Муста-Тунтури.  
Рис. Быстрыкова.



Смолак пушек гром...  
Рис. Лебедев

взвода занимаются транспортировкой — взваливают на себя по две рогатки и несут их по бездорожью на перешеек. Особенно отличался сапер Птухин.

Этот здоровяк, каких мало, брал на спину не две, а три и даже четыре рогатки и похожий на огромного ежа проходил в темноте без остановки весь тяжелый полутораклометровый путь.

Труднейшим делом оказалось устройство траншей. Здешний грунт представляет собой смесь битой сланцевой плиты с гравием и песком. Приходилось орудовать ломami, кирками, а чаще всего руками, чтобы металлический звон не привлекал внимание немцев.

Помимо основных дел, мы учились устанавливать и маскировать мины, стрелять из винтовок, бросать гранаты, работать в противогазах. За три с лишним недели рота на переднем крае обороны установила 1422 метра проводочных заграждений в один и два ряда и построила траншею длиной 1626 метров. Командир пулеметной роты от всей души поблагодарил саперов за быструю хорошую работу.

20 сентября 1941 года мы возвратились в свой батальон, на перешеек между полуостровами, и до декабря вели на Рыбачьем строительство гарнизонного госпиталя. В относительно короткий срок мы построили на берегу бухты Озерко шесть больших полузаглубленных землянок — палат для раненых. Там же были сооружены помещения для приемного покоя, перевязочных, операционной, аптеки и других служб.

Кстати, в этом госпитале я неожиданно встретил медсестру Аню Брагину, с которой перед войной мы работали вместе в Мурманском областном дорожном отделе: я — главным инженером, она — техником-дорожником. Оказывается, в первые же дни войны Аня поступила на курсы медсестер, успешно закончила их и добровольно поехала на фронт, на Рыбачий. И здесь эта хрупкая всегда

спокойная женщина делала большое дело — спасала жизнь раненым, возвращала бойцов в строй.

В настоящее время Анна Тимофеевна Брагина — один из лучших специалистов-проектировщиков института «Мурманскгражданпроект».

В конце сентября рота понесла первую потерю — погиб сапер-взрывник Петров. Случилось это в конце ночи, когда группа взрывников убирала валуны в одном из котлованов. Как обычно, саперы установили заряд взрывчатки с бикфордовым шнуром, подожгли его и побежали в сторону. И надо же было случиться такому — каменный осколок, пролетев метров сто, настиг Петрова и пробил шапку-ушанку. Сапер умер в госпитале, не приходя в сознание. Похоронили мы его на кладбище в Восточных Озерках.

Работы нашим саперам прибавилось. Строили дорогу от перешейка к губе Эйне (на 16 километров короче существующей), береговую дорогу по Рыбачьему, вместе с саперами 135-го полка прокладывали дорогу от Озерка к переднему краю обороны.

Зимой немцам стало не по себе. Они уже не пытались сбросить с хребта наше боевое охранение, огородили себя тройными рядами проволочных заграждений и почти все ночи напролет пускали в небо осветительные ракеты.

В январе 1942 года моя рота получила задание построить в боевом охранении в средней части хребта Муста-Тунтури дерево-каменные огневые точки и надежные укрытия для личного состава.

Боевое охранение удерживало северные склоны Муста-Тунтури с 30 июня 1941 года. Первое время бойцы сами строили для себя простейшие укрытия с открытым верхом. Но в зимних условиях нужны были настоящие укрытия.

Рота расположилась в землянках в полутора километрах от боевого охранения. Одеты в маскхалаты и белые каски, саперы по ночам, взбираясь по обледенелым кручам,

подносили бревна, скобы, кувалды, ломы, спирали Бруно, винтовки и патроны, сооружали срубы и засыпали их толстым слоем земли. Издали наши дзоты походили на маленькие каменные курганы.

Часто, заслышав резкие звуки ударов, немцы начинали стрелять из пулеметов. Приходилось бросать инструменты и укрываться. Все это задерживало работу. Но что делать? Тут-то и выручила солдатская смекалка. Сержант Салобаев предложил сделать звукомаскировку, то есть заложить неподалеку заряды взрывчатки с бикфордовыми шнурами разной длины и подрывать их один за другим. Под такой «аккомпанемент» можно спокойно забивать скобы. Эффект был тройным: во-первых, не прекращалась работа, во-вторых, мы попутно заготавливали и камень, и, в-третьих, ближние взрывы вызывали у немцев переполох.

В некоторых случаях мы договаривались с соседними пулеметными взводами, те в определенное время открывали отвлекающий огонь, а саперы спокойно занимались своим делом. Рота справилась с заданием командования — в короткий срок для бойцов охранения были подготовлены отличные укрытия.

### О друзьях-товарищах...

Был в нашей роте сапер Шелепов, человек удивительной фронтовой судьбы. Он вместе с погранотрядом Каленикова участвовал в беспримерном многодневном рейде по тылам врага.

Однажды в бою Шелепов потерял в темноте своих и оказался один во вражеском тылу. Ночью по заснеженным солкам он стал пробираться на север, туда, где катера высадили отряд. Дошел до берега Мотовского залива. Но что же делать дальше? Шелепов собрал на берегу выброшенные волнами бревна и связал их ремнями. В ночной отлив столкнул свой хлипкий плот в воду и пустился в рискованное плавание, усиленно работая вместо весел



лыжами. Измученный трехдневным переходом, замерзший, голодный, он преодолел шестикилометровый залив и привартовался недалеко от Эйны.

Геройски проявил себя и другой сапер нашей роты, М. Шестаков. Он командовал той самой группой, приданной отряду Каленикова, в которую входил и Шелепов. В госпитале раненый Михаил Иванович рассказывал мне о том, что пришлось испытать ему в тылу врага.

Действовал отряд только по ночам, днем советских разведчиков настойчиво искали немецкие самолеты. Отстав случайно от своего отряда, он после долгих поисков и мытарств решил пробираться к Западной Лице. Спускаясь с одной из сопко, поломал лыжу. Пошел пешком, проваливаясь по колено в снег. Кончился неприкосновенный запас продуктов. Голодный, изнемогающий от усталости сапер медленно двигался на восток, ориентируясь по Большой Медведице. Днями он отдыхал, чтобы как-то восстановить свои силы, выкапывал из-под снега прошлогоднюю бруснику. Никого он не встретил, и его никто не заметил. Шестаков больше всего боялся попасть в плен и на всякий случай, чтобы не сдаться живым, оставил в пистолете несколько патронов. На четвертую ночь Шестаков перебрался через какую-то замерзшую речушку, поднялся на берег и от усталости задремал. Разбудил его оклик: «Руки вверх!» Открыв глаза, он увидел советских бойцов с автоматами.

— Товарищи, братья! — радостно крикнул Шестаков. — Свои... Надо же, свои!..

Но бойцы приказали встать и следовать за ними. В землянке командир подразделения, выслушав рассказ Шестакова, отдал приказание оказать Шестакову медицинскую помощь, накормить и дать возможность выспаться. Командир уже знал о действиях отряда Каленикова, который три дня тому назад пересек линию фронта. Но проверка есть проверка, и Шестакова отправили с сопровождающим сначала в штаб соединения, а отсюда в Мурманский госпиталь. Че-

рез некоторое время, подлечившись, Шестаков вернулся на Рыбачий. Совершив столь необычное путешествие, наш боевой товарищ снова был с нами.

«Маленьким капитаном» любовно называли на Рыбачьем Александра Трофимовича Лебедева. Имя этого жизнерадостного храброго человека стало известно всему гарнизону укрепрайона после октябрьских событий 1941 года.

Лично я познакомился с ним в июле 1941 года. Лебедев командовал тогда саперной ротой 135-го стрелкового полка. Затем мы встречались десятки раз, и я не переставал восхищаться его знанием дела, неуемной энергией.

В отличие от меня, сугубо штатского человека, призванного в армию в первый день войны, Лебедев был кадровым офицером и старожилом Рыбачьего.

С первого дня войны в Заполярье и до середины 1944 года Лебедев находился в центре самых напряженных военных действий, с необычайным мужеством выполняя задания. Это Лебедев и его саперы помогли пехотинцам, пулеметчикам и артиллеристам не пропустить врага на полуостров Средний. Это они буквально под носом у немцев, оседлавших Муста-Туиттури, строили огневые точки, ставили проволочные заграждения и мины.

Но самым знаменательным событием в военной биографии Лебедева было участие в восьмидневном рейде по тылам врага с отрядом пограничников.

Бойцы 100-го пограничного отряда, которых мы называли «тутошними», неоднократно ходили в тыл врага на разведку. Пограничники знали все тропинки вдоль государственной границы и отлично ориентировались на сложной гористой местности, пересеченной массой ущелий и ручьев. Им не страшны были ни вьюги, ни темные ночи.

В октябре командование поставило перед отрядом пограничников задачу: проникнуть к дороге, идущей из Петсамо к Западной Лице, и взорвать мост через реку

Титовку. Группе разведчиков предстояло пройти по тылам врага около 30 километров.

На переход ушло четверо суток. В районе моста обнаружили землянки немцев. Пограничники окружили их, а Лебедев с несколькими саперами пополз к мосту. Пристрелив часового, бойцы оставили запалы и протянули бикфордов шнур. Лебедев приказал саперам укрыться в канаве и, выждав немного, поджег оба шнура.

Встревоженные выстрелами немцы выбегали из землянок и натыкались на автоматчиков. Раздались два взрыва, взметнулось пламя, полетели бревна и доски. Моста через реку на важнейшей для немцев дороге больше не существовало. Выполнив задачу, пограничники тем же путем вернулись к своим на полуостров Средний.

Об этой дерзкой операции и мужестве саперов рассказывали во всех частях и подразделениях гарнизона. Лейтенант Лебедев за проявленную отвагу был награжден орденом Красного Знамени.

В 1956 году Лебедев демобилизовался в звании подполковника. Он награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени и шестью медалями.

Еще во время службы у Лебедева проявился талант художника. После демобилизации он вместе с мурманским скульптором Борисом Николаевичем Бродским сделал для музея Северного флота красочную диараму обороны перешейки Кутовая — Малая Волоковая. Это полотно размером 5 на 2 метра правдиво передает картину боя.

В 1967 году наш «маленький капитан» закончил Московский институт изобразительного искусства и стал профессиональным художником.

На Рыбачьем довелось мне познакомиться еще с одним интересным человеком — минером 338-го отдельного саперного батальона Гришечкиным. В обязанности этого бесстрашного солдата входило обезвреживание морских плаву-

чих мин. Во время штормов некоторые мины срывало с якорей, и они, поднимаясь на поверхность, плыли по воле волн. Северные ветры гнали их обычно к берегам Рыбачьего. При ударах о прибрежные скалы некоторые мины взрывались.

Особенно много мин море выбрасывало на берега Рыбачьего в 1943 году. Вначале их уничтожали с помощью толковых шашек, а затем по инициативе Гришечкина стали обезвреживать, то есть снимать взрыватели, ударные механизмы.

Мне часто доводилось наблюдать за опаснейшей операцией, которую выполнял Гришечкин. После удаления взрывателя он разделял металлический корпус мины с помощью зубила на два полушария. Затем вскрывал зарядный ящик и из него обычным топором вырубал куски серо-желтой взрывчатки. Металлические полушария саперы приспособляли для подогрева воды, варки гудрона или битума, а взрывчатка использовалась на строительстве сооружений.

В 1943 году Гришечкин лично обезвредил более 40 морских мин. За свою поистине героическую работу сапер был награжден орденом Красного Знамени...

### Лапландский оборонительный вал

К октябрю 1944 года — началу наступления наших войск — гитлеровцы имели в Заполярье 53 тысячи солдат и офицеров, 770 орудий и минометов, 160 самолетов и 200 кораблей. Кроме того, за три года войны они создали на мурманском направлении мощную линию укреплений, насыщенных самыми различными огневыми средствами. Свой «Лапландский оборонительный вал» длиной в 110 километров немцы считали неприступным.

Что же представлял собой участок Лапландского вала, противостоявший гарнизону Рыбачьего?

После окончания военных действий мне довелось участвовать в детальном обследовании линии немецкой обороны в Заполярье, знакомиться с подлинными схемами укреплений и другими документами.

Для перекрытия морских коммуникаций по Мотовскому заливу и защиты от наших десантных, разведывательных и диверсионных отрядов немцы создали на побережье от мыса Пикшуев до Титовки сеть опорных пунктов. Главные из них — «Могильный» и «Обергоф». Мощный опорный пункт был оборудован и на острове Титовка.

Вдоль всего переднего края между Кутовой и губой Малая Воложковая располагались 22 опорных пункта, обильно насыщенных огневыми средствами, включая артиллерийские, минометные и даже реактивные батареи.

Инженерное оборудование этого участка отличалось наибольшим количеством дерево-каменных и металло-каменных огневых точек (ДКОТ и МКОТ), а также проволочных заграждений в 3—4 ряда, высотой до 2,5 метра, со средствами сигнализации и огнеметами.

Линия боевого охранения немцев проходила по южным склонам Муста-Тунтури, а в 70—80 метрах от них, на северных склонах, шла линия боевого охранения нашего переднего края.

Заняв наиболее высокую сопку — Западная, гитлеровцы устроили здесь несколько наблюдательных пунктов, откуда контролировали весь передний край нашей обороны.

Сильно пересеченный рельеф Муста-Тунтури, скальные перепады и выступы были естественными укрытиями и давали противнику возможность в непосредственной близости от нашего боевого охранения беспрепятственно строить огневые точки, укрытия и подземные убежища.

Общая глубина немецкой обороны на нашем участке достигала 6 километров. Между опорными пунктами, а иногда внутри их, находились позиции минометных батарей и артиллерийских орудий. На центральном участке Муста-

Тунтури и в районе высоты 122 в трехстах метрах от переднего края немцы имели три батареи реактивных бомб, нацеленных в сторону бухты Кутовая. Но по каким-то причинам немцы так и не сумели использовать это грозное оружие. В 1945 году во время разминирования района военных действий эти реактивные бомбы были уничтожены нашими саперами.

Гарнизону Рыбачьего перед началом наступательных действий в октябре 1944 года противостояла группа гитлеровских войск общей численностью около 9000 человек.

В полосе «Лапландского оборонительного вала» у немцев на километр фронта приходилось: 20 огневых точек, 12 артиллерийских орудий разных калибров, 18 минометов, 29 ружейных гранатометов, 59 пулеметов, 76 автоматов, 732 винтовки, 6 огнеметов, 7 километров проволочных заграждений, 4 минных поля, 2 подземных убежища, 910 солдат и офицеров. Эти цифры красноречиво свидетельствуют о том, какую мощную оборону пришлось преодолевать при штурме Муста-Тунтури морским пехотинцам полковника Рассохина.

По рассказам пленных, гитлеровское командование было уверено, что их войска за прочной стеной из гранита и бетона находятся в полной безопасности. Однако в октябрьские дни 1944 года под ударами наших войск «Лапландский вал» рассыпался, а вместе с ним рухнули и последние надежды гитлеровцев удержаться в Заполярье.

г. Мурманск

Н. БЫСТРЯКОВ,  
инженер-полковник в отставке

### «ЛИНИЯ КАБАНОВА»

Когда я подал рапорт начальнику инженерного отдела Северного флота Ефимову, он удивился и спросил:

— Да вы знаете, какой это участок?

Да, я знал, что там передовая, знал, что Рыбачий отрезан противником.

В одну из апрельских ночей 1942 года мотобот «Ленин» с группой командиров направился в Мотовский залив. Самое опасное место — мыс Пикшуев, где стояли вражеские батареи.

И вот, когда мотобот проходил самую страшную зону, в кубрик ввалился бледный, растерявшийся старшина, командир катера.

— Братцы, мы обсохли...

Оказывается, течение прижало наш кораблик к берегу. Мы выскочили наверх и к ужасу своему увидели, что стоим на мели в нескольких кабельтовых от мыса. Немцы нас еще не обнаружили, но могли это сделать в любую секунду. Между тем начался отлив, и не было никакой надежды, что мы быстро снимемся с мели.

Решили подойти на шлюпках к берегу и по суше пробираться дальше на Рыбачий. Кто-то вспомнил, что так не раз делали наши разведчики. Правда, это были подготовленные и специально экипированные люди. Но что нам оставалось? Не погибать же под снарядами вражеской батареи!

Мы уже начали было разгрузку, когда я вспомнил вдруг, что у меня в полевой сумке есть таблица приливов. Достав ее, я стал лихорадочно подсчитывать. Значит, так, 4 апреля 1942 года утренняя малая вода будет в 3 часа 20 минут, то есть до рассвета, и если мы обсохли в 23 часа 30 минут, то примерно тот же уровень воды в прилив будет в 5 часов 42 минуты. Следовательно, можно надеяться, что к 6.30 нас снимет с мели. Гляжу на часы — 5 часов 15 минут.

Решаем ждать. С тревогой поглядываем на светлеющее небо.

Да, кажется, таблицы подвели — уже 7.30, а ботик все сидит на грунте.

Только в 9 часов, в полную воду катер тронулся и пошел помалу вперед. Мы считали, что спасло нас чудо. Когда пришли на Рыбачий, нам объяснили, что чуда здесь немного: просто немцы в эту ночь праздновали пасху и орудия Пикшуева были «выходными».

Через пару дней я получил на новом месте службы первое задание: установить на Рыбачьем батарее. Ту самую, которая позже вошла в историю, как самая крайняя правого фланговая батарея на всем фронте Отечественной войны. Командование требовало срочного завершения работ и тщательной маскировки. Мы старались как могли. Во всяком случае висевший в небе двухфюзеляжный «фокке-вульф», или, как его называли, «комендант», не мог заметить ничего подозрительного. К рассвету на позиции не оставалось ни одной живой души, а с наступлением сумерек все опять занимали свои места и работали до седьмого пота. Даже орудийная прислуга, заложив автоматы за спины, подтаскивала на бруствер камни.

Работа продвигалась быстро, и вот, наконец, позиция готова — поставленный на бруствер традиционный стакан спирта при отстреле не шелохнулся.

Позже я узнал, что именно эта батарея спасла подводную лодку Фисановича, которую преследовали пять сторожевых кораблей и два тральщика противника.

После сдачи объекта я четыре месяца учился на военно-инженерных курсах, а потом снова вернулся на Рыбачий.

Попутная машина доставила меня в расположение 254-й бригады морской пехоты. В недавнем прошлом это был знаменитый 135-й стрелковый полк. Представился начальнику штаба майору Лоханскому и попросил ознакомиться с фортификационным оборудованием переднего края. Меня направили к командиру саперной роты капитану Бацких, а к ночи в маскхалате я пробрался в батальон, занимавший оборону на переднем крае. Дальше, на склонах

сопок, клиньями врезаясь в систему вражеских позиций, находились опорные пункты боевого охранения. Комбат предложил мне побывать на «сопке Степанова». Ночь стояла лунная, и мы ползли, порой пугаясь собственной тени.

Спустились в снежный тоннель, прорытый для сообщения с постами боевого охранения, встретили по пути «ботиков», несущих раненых и термосы. При выходе из тоннеля я заметил небольшую возвышенность. Степанов рукой указывал на выступ скалы — укрытие, куда надо нам перебежать. Затем он обратил мое внимание на чернеющий обрыв — там наш миномет. А вон за тем уступом — немецкий снайпер.

— Сейчас его спугнут минометом, — шепнул Степанов, — и можно будет следовать дальше.

Ухнула мина, рывок — и мы за камнем. Еще рывок. Теперь мы в относительно безопасном месте. Залегли рядом с нашими пулеметчиками, несущими охранение. Солдаты сосредоточенно, не отрывая глаз, следят за подступающими к сопке. После четырехчасовой вахты они забираются в узкую щель на обратном скате. В этом убежище, перекрытом несколькими жердями, прижавшись друг к другу, отдыхают солдаты боевого охранения. При свете горячей оплетки телефонного кабеля, согреваясь теплом своих тел, они читают письма, затягиваются махоркой, готовят оружие. Да, «дзот» у наших ребят хлипкий.

Вывод из всего увиденного мной был один: надо укрыть людей, по-настоящему оборудовать передний край. Решил идти прямо к командующему СОРОм. Я знал, что назначенный недавно на Рыбачий генерал-лейтенант Кабанов — большой специалист инженерной обороны, и верил в его поддержку.

...На повороте дороги меня нагнала необычная повозка. Серая в яблоках лошадь стремительно несла новые сани. На облучке — лихой матрос в бушлате нараспашку и с ав-

томатом. На развалнях богатырская фигура седока в генеральской форме. Я отдал честь. Командующий — это был он — приказал остановиться и строго спросил, кто я и почему на мне черная шинель. (В то время части морской пехоты на Рыбачьем были уже переодеты в армейское обмундирование). Представившись, я тут же выпалил свои соображения о переднем крае. Командующий улыбнулся и сказал:

— О вас мне говорили. Вы назначаетесь начальником строительства главного рубежа обороны. Садитесь-ка со мной в сани...

Двое суток шла рекогносцировка. Мы с Кабановым наметили построить десятки долговременных огневых позиций с боевыми казематами и землянками для пулеметных и орудийных расчетов.

А на третий день на ладной лошадке я отправился на передний край с приказом командующего о строительстве рубежа. По этому приказу вести работы должны были подразделения морской пехоты, инженерной службы и автотранспортная рота.

В центре перешейка, у Муста-Тунтури, в заброшенной землянке санчасти разместился штаб строительства, который получил позывной «Крепость».

Разбили зону на три участка: правый, центр и левый, которые возглавили опытные саперы Парфенов, Брунько и Берденников. Я вручил им проектную документацию, сообщил координаты позиций. Связисты проложили телефонный кабель, и на этом все заглохло...

Командиры пехотных частей не выделяли ни людей, ни машины, ни лошадей. А на мои звонки отвечали коротко: — Нет. Не можем. Не дадим.

Начальник участка Виктор Николаевич Парфенов как-то иронически заключил:

— Звание наше с вами для них не авторитет. Доложил командующему.

— Подождите еще денек, а уж потом... — лукаво улыбнулся генерал.

И действительно, на следующий день к нам начали прибывать люди, машины, обозы с материалами.

Поздно ночью позвонил Кабанов:

— Ну как, не захлебнулись?

Такой поток людей и машин не мог остаться незамеченным: гитлеровцы открыли массированный огонь и прижали нас к земле.

Строить на глазах у противника долговременную оборону — задача не из самых легких, и работу нашу рассматривали как боевую операцию.

Начальник инженерной службы инженер-полковник Корвяков предложил организовать работу «поток», создав специализированные отряды по циклам: бетонная кладка, срубы землянок, матчасть и т. д. Я был другого мнения: такие отряды создадут излишнее движение по фронту и демаскируют работы. Целесообразней каждому расчету сооружать свою огневую точку. Зная, что от качества работы зависит их жизнь и безопасность, люди будут строить добротнее. Мое предложение поддержали ветераны фортификации Рыбачьего старший техник-лейтенант Быстряков и майор Комаров. Командование разрешило спор в нашу пользу.

В первую же вьюжную ночь отрыли котлованы под огневые точки и одновременно произвели взрывы на ложных позициях. К рассвету настоящие котлованы тщательно замаскировали, а у ложных оставили часть земли.

Одновременно на обратных скатах мы накапливали стройматериалы, готовили сборные элементы из железобетона.

Ждали пургу, чтобы доставить все это на стройку, к котлованам. Но как назло установились ясные лунные ночи. Время проходило впустую. И тогда мы осуществили довольно дерзкий план.

...В морозный декабрьский вечер на твердый снежный наст выкатила колонна из 20 автомашин. Первую добровольно вызвался вести шофер Клишкин. На всех машинах включили фары, тут же дали залп из всех орудий Рыбачьего. Не понимая, что происходит, противник открыл беспорядочный огонь. Операция удалась, по насту машины быстро добирались к месту выгрузки и тушили фары. В кузов стремглав прыгали саперы, и через несколько минут порожние «газики» благополучно возвращались назад.

Проходили дни и ночи, приходили новые заботы и волнения. Наш маневр с доставкой материалов немцы разгадали очень скоро, и самым надежным нашим союзником по-прежнему оставалась пурга.

Больше всего неприятностей доставляла демаскировка. На рассвете гитлеровцы часто обнаруживали следы ночных работ. И надо сказать, противник постепенно приучил строителей работать без малейших оплошностей.

В декабре, когда было закончено оборудование левого фланга, в нашей «крепости» неожиданно появились генерал-лейтенант С. И. Кабанов и командующий Северным флотом А. Г. Головкин. Мы прошли в один из дотов, откуда открывался обзор на весь левый фланг.

Вдруг около соседнего дота раздался взрыв, и на снегу появилась черная воронка. Следующий снаряд пришелся прямо в лобовую стенку выше амбразуры. Взрыв разворотил камни, но железобетонная броня выдержала. Немцы устроили этот экзамен как нельзя кстати. Командующие остались довольны качеством сооружений. Они поставили задачу дополнить оборону левого фланга несколькими артиллерийскими дотами и развернуть строительство центрального участка.

В конце февраля 1943 года, после завершения этих работ, мы перебросили силы на правый фланг, где морской обрыв создавал естественное препятствие на пути врага.

Теперь возникла необходимость укрепить этот участок дотами. На все это командующий СОРа отвел нам месяц.

С каждым днем ночи становились короче и светлее. К тому же позиции правого фланга находились неподалеку от батареи Космачева, которая пользовалась особым «вниманием» немецких летчиков и артиллеристов. На пургу рассчитывать не приходилось. Тогда для доставки материалов мы попробовали использовать... солнце. В определенные часы, когда ослепительные лучи били в глаза противнику, машины, предводительствуемые бесстрашным Климкиным, выходили из-за склона высоты и выбрасывали свой груз прямо на виду у немцев. Те открывали стрельбу, но огонь был неприцельным.

Наступил момент, когда на главном рубеже обороны осталось соорудить последнюю позицию 018. Она возвышалась над самым обрывом и должна была замкнуть весь узел.

Ах, эта проклятая 018! На ней погиб сапер Виноградов и многие другие бойцы. Я попросил командующего вообще исключить из плана эту точку и услышал в ответ:

— Не военный вы человек, Бериштейн. Не понимаете бухгалтерию войны. Ведь позже 018 спасет целый батальон! Точка должна быть построена. Идите туда и не выходите, пока не закончите.

Стояли последние дни марта. Сумерки длились несколько часов, и на точку 018 люди шли, надевая как перед смертью чистое белье. На каждый удар кирки в котловане немцы посылали мину. А взрывать грунт нельзя: мы боялись повредить готовый боевой каземат. И все же пришлось рискнуть. Утром, при ярком солнце, произвели один направленный, а рядом два ложных взрыва. Получилось удачно. Теперь дело было за подвозкой материалов. Именно в это время на вражеский берег Матти-вуоно высадились наш десант — 100 разведчиков во главе с капитаном Юневичем.

Вечером наши орудия, прикрывая десант, обрушили шквальный огонь на позиции. Завязалась артиллерийская дуэль. Мы воспользовались тем, что немцам сейчас не до нас, и развернули работу. Живой конвейер из сотни бойцов осторожно, как взрывчатку, передавал камни наверх по склону, к точке 018. Другие тащили на веревках бревна, блоки. Через несколько часов, выполнив приказ, строители благополучно отошли на противоположный скат сопки.

2 мая у командующего был торжественный ужин. Комсостав отмечал праздник весны. Генерал-лейтенант Кабанов поднял тост за наших солдат и саперов — строителей главного рубежа обороны.

Через некоторое время я увидел, что к командующему подошел начальник штаба Д. А. Туз и что-то сказал. Лицо генерала стало суровым. Он встал из-за стола, подозвал меня и сказал, что, по докладу полковника Крылова, немецкая артиллерия и авиация снесли наш рубеж на переднем крае.

Да-а, вот тебе и праздничный тост. Я тотчас помчался на «козле» на левый фланг обороны. Картина, действительно, была тяжелой: почти вся местность сплошь изрыта воронками от снарядов, ближайший пулеметный дот рассечен наполовину, у другого полуобнажена железобетонная конструкция, но пулеметчики дота живы. Им повезло. А вот соседи погибли — снаряд угодил в амбразуру.

Мы стали обследовать весь узел и наткнулись на неразорвавшийся снаряд. Ба! Совсем неожиданный «гостинец» — калибр 210. Пока мы рассуждали о находке, на той стороне ухнул артиллерийский выстрел, за ним другой, третий. Мы кубарем скатились в ущелье горной реки. Переждав минут десять, когда все затихло, вылезли и побежали к ближайшему доту. До него метров тридцать. Мой спутник был резвее и уже вбежал в укрытие. Мне оставалось еще метров 15. Вдруг выстрел. Я падаю и слышу «ух».

Прижался к чуть заметному уступу скалы. Посмотрел на часы: 13.50. Через мгновение — шелестящий звук снаряда и удар. Ощутил толчок в плечо, и тут же надо мной пролетел град камней и земли.

Вскочил и вмиг оказался в доте. Жив! На меня смотрели, как на выходца с того света.

— Мы видели, товарищ капитан, прямое попадание, а снаряд перед вами срикошетил. Видать, счастливый вы...

У меня на шинели кровь, в плече неимоверная боль. Когда обследовали рану, оказалось, что порвана мышечная сумка и вывихнут плечевой сустав. Это ерунда. Плечо вправили, руку забинтовали, и вот уже я докладываю командующему: «Рубеж цел, взорван один пулеметный дот, прямое попадание снаряда в амбразуру. Огонь вели орудия 210-мм калибра».

С. И. Кабанов приказал немедленно отремонтировать поврежденные доты. Мы решили скрытно сосредоточить материалы и, выбрав туманный день, восстановить все разрушенное. Но как доставить на передовую лесоматериалы? Ведь все дороги просматриваются и простреливаются. Появилась идея взять из бухты Озерко плот и в часы, когда солнце спит немцев, подать его буксиром в Кутовую, на осыхающий участок берега. Потом в сумерках постепенно перетащить лес.

...В майскую ночь уцелевший морской буксир принимает трос от большого плота. На берегу Кутовой в укрытиях сидят с рефлекторами мои товарищи, они должны подать сигнал. Буксир полным ходом идет к вражескому берегу. Капитан молча сжимает штурвал. Противник нас пока не видит. Подходим к мысу, от которого тянется наш передний край. Стою рядом с капитаном, жду сигнала. И вот, наконец, блеснул рефлектор, один, второй, третий. Теперь дорога каждая секунда. Машине — стоп. Буксирный трос подают на шлюпку. Шесть человек, не переводя дыхания, гробут изо всех сил к берегу, заводят конец. Все. Мы

на берегу, а плот — на осыхающем участке. И только сейчас мы видим всплески снарядов, падающих вслед уходящему буксиру...

22 дня мы ждали тумана и дождались. Шесть часов шла напряженная работа. Рассчитано заранее каждое движение, каждая деталь. Когда почти все было восстановлено, у шофера Барского не выдержали нервы и он машинально дал сигнал. Немцы открыли беспорядочный огонь. Осколком разбило машину Климкина, а он сам получил легкое ранение.

В июне 1943 года сооружение главного рубежа обороны (журналисты называли его «линией Кабанова»), включавшего 52 дота, было закончено.

Через несколько дней меня вызвал командующий и после беседы спросил:

— Бернштейн, а какое у вас сейчас самое заветное желание?

Какое могло быть еще желание у бойцов Рыбачьего — конечно же хоть денек побывать на Большой земле. Мне очень хотелось повидать мать и попробовать спасти, если еще не поздно, проект Лумбовской приливной электростанции, который я закончил в первые дни войны и оставил в Ленинграде. Оба мои желания исполнились.

23 июля самолет, в котором я летел, приземлился на командантском аэродроме в Ленинграде. Город уже начал оправляться от кошмара блокады.

Основное здание гидроэлектрической лаборатории моего института разобрали на дрова. Никого из сотрудников нет, а все материалы погибли. Но проект станции я оставлял своему товарищу Аркадию Виноградову. Пошел разыскивать его. Оказывается, Аркадий работал корреспондентом фронтовой газеты и, на мое счастье, находился в это время в Ленинграде. Мы пришли на квартиру, куда он не навещивался целый год, и разыскали мой проект, который уже приготовили... на растопку печи.



По возвращении на Рыбачий я узнал, что немцы окончательно отказались от захвата полуостровов. Солдаты переднего края сидели в крепких дотах. Вся оборона была насыщена мощными огневыми средствами. Мне как начальнику строительства главного рубежа оставалось лишь изредка ремонтировать оборонительные сооружения.

В гарнизоне шла размеренная жизнь. Как это часто бывает после разрядки напряжения, вдруг снова разболелось мое плечо, то и дело происходили вывихи. После очередного вправления врач полевого госпиталя сказал:

— Хватит вам мучить себя и нас. Надо ехать к профессору Богоразу. Он вернет руке полную работоспособность.

Операция, действительно, прошла блестяще. Выписавшись из госпиталя в конце 1944 года, я получил назначение в инженерное управление Военно-Морского флота. Здесь наряду с выполнением служебных обязанностей я мог по-прежнему заниматься давно увлекавшей меня проблемой использования приливной энергии.

...В сентябре 1968 года, когда наплавное здание опытной Кислогубской ПЭС было отбуксировано из Мурманска в Кислую и погружено на подводное основание, я прочитал в Мурманской областной комсомольской газете очерк своего соратника по Рыбачью инженер-полковника Николая Петровича Быстрякова. Мы встретились и решили непременно съездить на Рыбачий.

На «газике» поехали старой дорогой на Муста-Тунтури, где в войну находились немецкие позиции.

Обрывы скал, ржавые проволочные заграждения, гнезда огневых позиций, до боли знакомые очертания полуостровов. Поднялись на хребет. Вот ходы сообщения и НП врага, откуда он смотрел на нас. Боже, как все видно! Весь наш передний край как на ладони. В бинокль я вижу белые

пятна дотов на главном рубеже обороны СОРа. Вот и губа Кутовая, по которой мы гнали плот.

Спустились в долину перешейка. Пулеметные ленты, горки патронов, простреленные каски. А вот и наш передний край. Сырость и время не разрушили доты. Лишь у входов кое-где обвалились траншеи. Пасти амбразур демаскированы. Истлели сети, сошла краска на железобетонных блоках. Но в каземате на стенах сохранились надписи: «Смерть немецким оккупантам!», «Ни шагу назад!».

...Нежно плещутся волны прилива. Тишина, мир, спокойствие!

Мы молча стоим у амбразуры дота и думаем о своих боевых товарищах, о тех, кто, защищая Родину, отдал на этой каменистой земле свою жизнь.

г. Мурманск

А. Б. БЕРНШТЕЙН,  
инженер-майор запаса,  
кандидат технических наук

## ЗАПИСКИ КОМАНДИРА КАТЕРА

Великая Отечественная война застала меня в военноморском училище им. М. В. Фрунзе, где мы, курсанты, готовились к государственным экзаменам и получению первого офицерского звания.

Чем дальше отступали на фронте наши войска, тем настойчивее курсанты рвались на фронт. Когда за месяц до выпуска потребовалось пять выпускников на должности командиров торпедных катеров для действий в районе Ханко, недостатка в желающих не было. В пятерке счастливых оказался и я. Нам досрочно присвоили звания младших лейтенантов, переодели в офицерскую форму и приказали ждать дальнейших распоряжений. Однако назначения на Ханко мы так и не дождались, а вместо этого

были направлены на Северный флот помощниками командиров катеров типа «морской охотник» (МО-IV).

Шел август 1941 года. Дивизион наш дислоцировался в Кувшинской салме. Экипажи жили на катерах. Командование и штаб размещались на плавбазе «Маяк», старом малотоннажном судне.

Однажды, возвращаясь с моря, мы увидели, что на месте, где стоял «Маяк», из воды выглядывает только кусок борта. Вокруг плавали обломки, предметы с затонувшего судна и оглушенная рыба. Оказывается, в наше отсутствие фашистская авиация потопила «Маяк». Все были огорчены и озлоблены потерей. Тем не менее наш боцман попросил разрешения спустить тузик и набрать рыбы. И через час за ужином молча и угрюмо ели свежую уху...

Наш дивизион был очень дружным и спаянным. Все командиры катеров — молодые офицеры, сравнительно недавно закончившие училища, но уже выработавшие командирские навыки. Энергии и задора хватало и на то, чтобы после возвращения из напряженных походов открывать великую морскую травлю с подначкой и розыгрышами, и на то, чтобы участвовать в художественной самодеятельности.

С помощью своих непосредственных начальников мы постепенно становились настоящими катерниками.

Что же представлял собой катер МО-IV, много и хорошо потрудившийся в войну на всех флотах? Это был деревянный катер водоизмещением порядка 50 тонн, вооруженный глубинными бомбами, малокалиберной артиллерией и крупнокалиберными пулеметами. Он имел три бензиновых мотора по 800 л. с., развивающих скорость более 20 узлов. Были у нас два магнитных компаса, радиостанция и гидролокатор. Первоначально предполагалось, что эти катера будут действовать на небольшом удалении от базы, максимум при 5-балльном ветре. Но война внесла существенные коррективы. Катерам пришлось плавать на боль-

шом удалении от баз, водить конвой в Белое, а иногда и в Карское моря, ставить мины под Варде и Вадсе. Часто в многосуточных походах суденышки попадали в жестокие штормы. Все это закаляло экипажи, люди становились мастерами военного дела, настоящими моряками.

Я уже упоминал о том, что на катерах стояли обычные магнитные компасы. В непогоду пользоваться ими было сложно, а при очень сильном волнении они показывали, как говорил академик А. Н. Крылов, «цену дров». Поскольку лага не было, скорость и пройденное расстояние мы определяли по оборотам двигателей. Это уменьшало точность счисления и создавало некоторые трудности.

Помимо своих основных задач катера выполняли многочисленные, разнообразные поручения и не свойственные им задачи. Часто катерам приходилось высаживать разведгруппы на побережье, занятое противником, и проводить конвой. С этими работами пришлось столкнуться и мне.

Занятое противником побережье простиралось вдоль Мотовского залива от устья реки Западная Лица до губы Кутовая и на запад от губы Малая Волоковая. В различные пункты этого побережья высаживались наши разведчики. Десанты бывали и простыми, и невероятно сложными. Как правило, доставлять разведчиков к чужому берегу было гораздо проще, чем принимать их обратно: моряки высаживались всегда скрытно в неожиданном для противника месте, а возвращались, чаще всего, под обстрелом противника.

Как-то зимой 1941 года нам приказали снять разведгруппу в губе Западная Лица. На рассвете разведчики с боем отошли в устье, к острову Кувшин, преследуемые довольно интенсивным минометным огнем. Мы заметили, что один участок берега не простреливается немецкими снарядами. Туда-то, не мешкая, и направил судно командир старший лейтенант Александр Петрович Байгулов.

Но не успели мы принять разведчиков, как из-за сопок на катер навалились два МЕ-109. Самолеты вышли на нас точно. Атака произошла в момент, когда катер не мог маневрировать. В течение каких-нибудь 30 секунд около четверти команды было ранено, два мотора повреждены, в машине вспыхнул пожар. Видя, что самолеты идут на повторную атаку, командир отвел катер от берега, и на чистой воде мы сумели вцепить очередь в фашистский стервятник. Самолеты отвернули в сторону и вышли из зоны нашего огня. Через несколько минут на помощь нам подошли два катера. Тушить пожар на деревянном катере с бензиновыми двигателями всегда очень сложно, а у нас на борту было к тому же много раненых.

Благодаря четким и самоотверженным действиям всей команды, удалось сбить пламя. Вскоре заурчал один из поврежденных моторов. Раненый старшина 1 статьи Белов быстро исправил радию и, поставив запасную антенну, вышел на связь с командованием.

По расписанию первым санитаром значился сигнальщик Собчук, спокойный могучий украинец. Тяжелораненого А. П. Байгулова отнесли на корму, и я приказал Собчуку оказать командиру первую помощь. Вернувшись назад, он стал делать перевязку. И тут все мы увидели, что сам Собчук вот-вот потеряет сознание: из его левого бока текла кровь.

Когда мы отошли от берега, боцман Петров, недоуменно чертыхаясь, попросил меня взвести пулемет: «Что-то заело». Я несколько удивился, но подбежал и помог ему. Оказывается, нашего боцмана ранило в правую руку, но он продолжал стрелять и отошел от пулемета только на пути в базу.

Поразило всех нас и поведение матроса Алыбина. Он недавно пришел из учебного отряда и очень старательно относился ко всем поручениям. Во время бомбежки отлетевшая от мотора деталь разорвала ему живот. Находясь

уже в полузабытьи, в едком дыму, Алыбин закрывал левой рукой рану, а правой все еще пытался передвинуть рычаг мотора...

Совсем иначе складывалась высадка на мыс Пикшуев. Темной ночью несколько катеров почти бесшумно подошли к назначенному пункту. Быстро высадили десантников на берег, так же тихо отошли на середину Мотовского залива и легли в дрейф. Следует заметить, что катерники всегда старались высаживать десантников в полной боевой готовности. Если место подхода было неудобным, матросы катера прыгали в воду и удерживали на своих плечах десантный трап. Они помогали выносить тяжелое вооружение, боеприпасы, а иногда переносили на себе и людей...

Прошло время, и на берегу зажглись условные сигналы. Это возвращалась после выполнения задания десантная группа. Все десантники были уже на катере, а наш боцман, обеспечивавший посадку, стоя на берегу, жестами показывал на какой-то темный предмет. Я подошел к борту и увидел, что он пытается поднять большой мешок. До меня долетело слово «кофе». Решив помочь боцману поднять трофей, я сбежал вниз по трапу. Совместными усилиями подняли мешок. Ввалив его на плечи, я бодро зашагал обратно. В этот момент катер качнуло волной, боцман не удержал конец трапа на скользком камне, и я оказался в воде. Одет я был очень тепло — в канадку и реглан, но холодная вода обожгла тело. Перехватило дыхание. Плавать, к счастью, пришлось недолго. Меня подтянули к борту отпорным крюком и быстро вытащили на палубу.

После этого случая, когда приходилось поднимать моряков потопленных кораблей без единой царапины на теле, но и без признаков жизни, я не удивлялся, знал по собственному опыту, что человек не может долго пробыть в этой студеной морской воде.

После налета в Западной Лице катеру пришлось встать на ремонт. Александра Петровича Байгулова отправили

в один из тыловых госпиталей, на катер пришел новый командир старший лейтенант Василий Иванович Бодров, энергичный и требовательный человек. Под его командованием катер участвовал в апрельско-майской десантной операции 1942 года в Мотовском заливе.

По окончании операции нас направили в дозор в устье Западной Лицы. Обстановка была спокойной, и многие моряки расположились на отдых. В единственно теплом месте — у моторов — грелись командир катера и командир отряда капитан-лейтенант Василий Васильевич Груздев. В это время противник начал обстреливать плес из крупнокалиберных минометов. Всплески ложились довольно далеко от катера, но неожиданно одна из мин взорвалась у самого борта. Осколками ранило несколько человек, а крупный осколок мины, пробив корпус судна, глубоко вонзился в голову В. В. Груздева. Мы старались облегчить как-то мучения Василия Васильевича, чем-нибудь помочь ему. Некоторые пробовали извлечь осколок, но он засел очень прочно, и при каждой такой попытке Груздев терял сознание. Пришлось вызвать на смену другой катер и везти раненых в Полярное.

Меня судьба помиловала еще раз — отделался лишь легким ранением руки.

В 1942 году в моей жизни произошли два больших события. Я стал членом партии и командиром катера МО-122 (позже переименованного в МО-423). Приняв катер, я прежде всего познакомился с членами экипажа. Остался ими доволен: все — опытные моряки и специалисты своего дела.

Старшина группы рулевых Константинов на «гражданке» был штурманом, хорошо знал английский язык и пользовался авторитетом во всем дивизионе.

Старшина сигнальщиков Макаров — художник по профессии — был отличным наблюдателем и в короткий срок досконально изучил силуэты самолетов, действовавших

на Севере. За время нашей совместной службы он помог избежать многих неприятностей.

Был такой случай. Шли мы в охранении конвоя слева от концевой транспорта, а командир конвоя впереди на тральщике. Летний день, видимость отменная. И вдруг от Макарова поступило донесение: со стороны берега приближается группа самолетов. Машины летели далеко от нас, и я, естественно, спросил:

— Чьи самолеты?

Макаров с полминуты смотрел в бинокль, а потом твердо доложил:

— Немцы, товарищ командир.

На катере сыграли боевую тревогу, подняли сигнал «Т» (самолеты противника в воздухе) и продублировали его прожектором на флагманский корабль. Когда самолеты приблизились на дальность огня наших пушек, мы начали стрельбу. Пилоты отвернули и стали обгонять конвой мористее. В это время с флагманского корабля передали: «Стреляете по своим!»

Не прошло и трех минут, как самолеты начали пикировать на головные транспорты и корабли охранения. Рассеялись все сомнения. Плотный зенитный огонь отогнал немцев.

А ведь все могло кончиться печально, если бы не наш Макаров!

Проводка конвоев была одной из важнейших задач катерников. Морем транспорты перевозили большое количество грузов, направлявшихся затем в глубь страны. Морским путем шло снаряжение для частей и соединений флота. Один из постоянных пунктов назначения грузов — полуострова Рыбачий и Средний. Небольшие транспорты, баржи, дрейтеры в охранении катеров доставляли их в бухту Озерко, расположенную в глубине Мотовского залива. Маршрут проходил вдоль берегов, занятых противником, в зоне досягаемости его береговой артиллерии.

В летнее время практически невозможно было пройти незамеченным мимо немецких постов. Чаще всего самолеты-разведчики обнаруживали конвой еще в начале Мотовского залива. Следовали бомбовые удары с воздуха, затем по транспортам вела огонь артиллерия. Тут же начиналась контрбатареинная стрельба, прилетали наши истребители. Так примерно выглядела «типовая» проводка...

К 1942 году наши катера, несущие конвойную службу, уже имели достаточный опыт: эффективно вели зенитный огонь, расчетливо ставили дымовые завесы для прикрытия судов, безошибочно уклонялись от авиабомб, умело меняли курс и потери несли, как правило, незначительные.

Возникали, правда, и непредвиденные случаи. Однажды летом 1943 года, когда конвой прошел больше половины самого опасного отрезка пути, залетевший на наш катер осколок распорол большую дымовую шашку ДШ-100. Эти шашки мы брали про запас, дополнительно к «штатным», так как конвой обычно долго находился под обстрелом. Шашка была принайтовлена к леерным стойкам и стеллажам глубинных бомб. Мгновенно вспыхнула дымовая смесь, и катер окутало облако тумана. От большой температуры загорелась поверхность палубы, затем краска на глубинных бомбах. Расчеты кормовых пушек, минер и подносчики патронов тотчас стали тушить пожар, угрожавший взрывом глубинных бомб. В это время носовая пушка и пулеметы продолжали вести огонь по самолетам. Чтобы несколько сбить дым и пламя, я развернул катер против ветра. Однако ни огнетушители, ни мокрый брезент не справлялись с огнем — шашка прочно сидела между стеллажами глубинных бомб и леерными стойками правого борта.

Создалась неприятная ситуация. Время шло, нарастала опасность. Чтобы избежать взрыва, надо было обязательно сбросить шашку за борт. Но как извлечь ее наружу? Когда ветер на мгновение сорвал дым, мы увидели на шаш-

ке рядом с разорванными краями отверстие. Сбивая струей воды дым и пламя, старшина комендоров Олейник, минеры Широкобородов и Горбатов отпорным крюком подцепили шашку и подняли на палубу. Теперь потушить огонь и охладить бомбы было минутным делом. Катер занял свое место в строю...

Движение в конвое в хорошую погоду со стороны кажется приятным путешествием. Но это далеко не так. Даже самая мирная ситуация требовала от вахтенных предельной собранности, полного напряжения сил. Но человек и на войне остается человеком. Иногда отвлекали внимание, «размагничивали» душу красоты природы: зимой фантастическая игра сполохов, неповторимые краски северного неба, летом — долетавшие с берега запахи цветущей тундры, птичьи базары и волшебные штили при полуночном солнце. В такие минуты появлялось настроение, далекое от войны и всех походных забот.

В хорошую погоду во время многодневных походов на катерах готовили горячую пищу. У нас обязанности шеф-повара выполнял добровольно минер Широкобородов. Его постоянным помощником был второй минер Горбатов. Мы не раз имели возможность оценить кулинарное искусство своего шеф-повара. Он готовил вкусные блюда как из складских, так и из «подножных» продуктов: после взрывов глубинных бомб моряки доставали из воды оглушенную рыбу, а на прибрежных скалах набирали полные сумки грибов и ягод...

Приходилось выполнять нам и различного рода спецзадания. Хочется вспомнить об одном из них. Летним днем 1943 года наш катер стоял в Кувшинской салме. Моряки только что пообедали и блаженствовали, греясь на солнышке. В это время на мостике плавбазы появился дежурный по дивизиону с мегафоном в руке: «122-му на выход. В Мотовском заливе плавает сбитый немецкий летчик. Поднять и живого доставить в Полярное. Быстро».

Через несколько минут катер уже полным ходом шел мимо о. Торос. За Сеть-Наволоком мы увидели любопытную картину: в воздухе кружилось много наших и немецких самолетов. Со всех сторон доносился треск стрельбы. Хотя мы были только сторонними наблюдателями, я приказал всем надеть каски. Примерно через полчаса сигнальщик Макаров доложил:

— Справа двадцать, дистанция 25 кабельтовых, на воде шевелится предмет.

Приблизившись, мы узнали в «предмете» плавающего летчика. Не сбавляя скорости, подошли к нему. Матросы с отпорными крюками столпились у правого борта. Когда нас разделяло уже каких-то полсотни метров, летчик вдруг выхватил пистолет и приложил его к виску. Послышался слабый шелчок, и голова немца упала на воду. Немедленно подняли летчика на катер. За спиной у него болталась планшетка с картой и документами, а на мизинце висел пистолет. Мы оставили труп на палубе и направились в базу.

В районе бухты Кутовая появилось еще несколько самолетов противника. Над самой водой летел большой гидросамолет «дорнье», он ходил поперек Мотовского залива, сбрасывая то у одного, то у другого берега бомбочки с цветным дымом. Над ним барражировали две группы истребителей. Гидросамолет явно искал сбитого летчика. К счастью, немцы были так заняты розыском, что не обращали внимания на катер. В Полярном документы летчика мы переправили в штаб флота.

По случаю награждения и других торжеств в каюткомпании нашей новой базы «Ветер» устраивались банкеты. Здесь же мы часто встречались с приезжими артистами и писателями. Одно время в дивизионе жил и работал известный советский писатель Борис Лавренев. Однажды моя непредусмотрительность чуть не испортила ему всю поездку. Мне приказали доставить Б. А. Лавренева, ка-

жется, в Ваенгу, где его ждала машина. Погода стояла прекрасная, шли мы «с ветерком». Во время швартовки в бухте был отлив и переброшенный на пирс трап с малыми ступеньками стоял почти отвесно. Мне как-то не пришло на ум, что этот трап, к которому все давно привыкли, трудно одолеть пожилому человеку. Простившись с нами, Б. А. Лавренев стал взбираться на пирс. Дошел до верхней трети трапа и... сорвался. Благо, что матросы оказались расторопней своего командира, кто-то поймал Б. Лавренева на руки и мягко поставил на палубу.

...В 1944 году главным делом для нас стало участие в операциях по освобождению Заполярья.

Катера нашего дивизиона высаживали десанты в губу Малая Волоковая (9.X.), гавань Линахамари (12.X.), Кобхольм-фьорд (23.X.) и Хольменгро-фьорд (25.X.), перевозили войска в различные пункты на побережье Норвегии.

Доставку десанта в Линахамари обеспечивали две группы торпедных катеров (по 4 катера в каждой) и 6 «морских охотников». Наш МО-423 шел головным в третьей группе кораблей, которая после высадки должна была остаться в гавани и отсюда поддерживать действия морской пехоты. Рядом со мной на мостике находился штурман дивизиона гвардии старший лейтенант Г. Федченко, большой специалист и прекрасный товарищ.

Когда наша группа подошла к Петсамо-вуоно, там уже кипел бой. С восточного и западного берегов фьорда немцы вели по катерам интенсивный огонь. Снаряды поднимали то впереди, то позади катеров фонтаны воды. Мы тоже стреляли из пушек и пулеметов по ближайшим вспышкам на берегу. Катера первой группы прорыва поставили такие плотные дымовые завесы, что мы с Федченко опасались, как бы не выскочить на сушу. Чтобы лучше ориентироваться в этой сложной обстановке, мы с Георгием Тимофеевичем встали на скамейку, а командир отряда пошел

взглянуть на карту в рубке. Уже в самой гавани обнаружили по ходу катера буй и сеть. Что делать: форсировать сеть или искать другой проход? Решив посоветоваться с командиром отряда, я наклонился к переговорной трубе. В тот же момент раздался сильный взрыв. Правая рука Федченко скользнула по моему плечу, и он упал рядом с главным компасом...

Раструбом трубы мне раскололо нижнюю часть лица. Пробив рубку, осколки заделали и командира отряда. Раненых унесли в каюту. Я вызвал на руль боцмана Константина Дмитриевича Семенова, бывшего члена экипажа легендарного корабля «Туман».

Пока все это происходило, катер дрейфовал. Дали ход, и тут снова встал вопрос: куда идти? Прошли метров сто и опять наткнулись на злополучную сеть. В поисках выхода мы обогнули всю гавань, пока не высадили, наконец, десант в первом попавшемся месте...

Вскоре меня назначили командиром отдельного отряда катеров, базировавшегося в Линахамари. Хотя дел стало больше, чем раньше, но работалось куда спокойнее, теперь нас почти не тревожила фашистская авиация.

Хочется вспомнить о встрече с норвежцами, которая произошла в Яр-фьорде в конце 1944 года. Как-то, не успев сделать приборку после перевозки раненых (на кормовой части палубы остались следы крови), мы вышли на срочное задание — выяснить, нет ли немцев в Яр-фьорде. Войдя в эту узкую и очень живописную бухту, мы, как и положено, усилили наблюдение. Все моряки стояли в касках на своих боевых постах. Еще издали мы увидели на берегу людей в гражданской одежде, которые с любопытством наблюдали за катером. В напряженном ожидании приблизились мы к пирсу, где стояли норвежцы. Был прилив, и палуба катера находилась почти на одном уровне с причалом. Мы стали спрашивать жителей поселка: «Где немцы?». К нашему удивлению, норвежцы поняли вопрос

и тут же замахали руками, показывая на запад. Тем временем на палубу решительно прыгнула светловолосая девушка с большой санитарной сумкой. Оказывается, заметив на катере следы крови, она решила оказать медицинскую помощь. Мы с большим трудом, жестами, объяснили ей, что среди нас нет раненых...

Большая часть моей службы прошла на Севере, на катере МО-423. За годы войны несколько раз менялся его личный состав, но я до сих пор с глубоким уважением вспоминаю дорогих сослуживцев: помощника Николая Александровича Спиридонова, боцманов — Семенова и Терентьева, рулевых Константинова и Шабалихина, артиллеристов Олейника, Меркулова, Ломакина, минеров Широкобородова и Горбатова, радистов Мошина и Катунцева, сигнальщиков Макарова и Егорова, мотористов Николая Кривенко, Елисеева, Борисова, Аншукова.

Недавно я побывал в гостях у катерников и остро ощутил бег времени. Увидел, как далеко шагнула техника, насколько возросли требования к специальной подготовке личного состава. Уезжая, я желал молодым катерникам успехов в боевой подготовке, а про себя подумал: пусть все эти новые корабли состарятся только в учениях, чтобы не пришлось нынешнему поколению моряков видеть огонь и смерть. Но ведь для того наши грозные корабли и существуют, чтобы никогда не было войны.

г. Москва

Л. НОВОСПАССКИЙ

Герой Советского Союза,  
бывший командир катера МО-423

## «ДОРОГА ЖИЗНИ»

Орудийный гул висит над Мотовским заливом. Переливаясь с боку на бок, мотобот «Зенит» лавирует между водяными столбами. Осколки пробили корпус и рубку.

«Зенит» — головное судно конвоя, который мне поручено привести в Озерко. Все суда, искусно маневрируя, уклоняются от огня вражеских батарей.

К Рыбачьему пройти не так просто, приходится держать на «прицеле» все: и море, и воздух, и берег. Малейшая оплошность — и попадешь к Нептуну вместе с грузом боеприпасов.

Но вот фашисты начинают бить точнее.

— Поставить дымзавесу! — отдана команда кораблям охранения.

«Морские охотники» выходят на нужный курс, и густой сизоватый дым прикрывает суда. Легкий ветерок уносит завесу к батареям противника. Немцы теряют караван из виду. Но борта «Зенита» осели в воду, и судно постепенно теряет запас плавучести.

Держим курс в бухту Озерко.

А внизу моряки отчаянно борются за живучесть «моторки»: забивают в пробойны пробки и паклю, откачивают воду. Насос молотит вовсю. Моряки стоят по пояс в холодной воде.

— Не дрейфь, хлопцы! — кричит механик. — Еще минут полста — и прошмыгнем.

Не успел механик и рта закрыть, как в борт ударили сразу два осколка. Одну из досок обшивки перерубило, как топором. Хлынула вода. Механик подбежал к пробойне, спиной навалился на дыру, упираясь ногами в фундамент насоса:

— Федька! Живо деревянный пластырь, распорку, кувалду!

В воздухе зарокотали моторы фашистских «фокке-вульфов». Один за другим пикируют они на караван. Разрывы бомб лихорадочно трясут корпус «Зенита». Добавляются новые пробойны. Насос уже не успевает откачивать, в ход пущены ручные помпы и ведра. Вот-вот задохнется двигатель...

Рев самолетов, свист бомб, пулеметная дробь с кораблей. «Зенит» мечется из стороны в сторону. Каждый поворот судна продиктован необходимостью уйти от прицела бомбы.

На этот раз наш конвой удачно проскочил сектор арт-обстрела и вскоре ошвартовался к причалу Озерко.

Еще не успели закрепить концы, а бойцы Рыбачьего уже открыли трюм и снаряды по живому конвейеру пошли на берег. Вся команда «Зенита» тем временем заделывает пробойны и откачивает воду.

Над бухтой чистое небо. Легкий бриз рябит поверхность воды. Тихо вокруг, как будто и нет войны. Только солдатские спины в просоленных гимнастерках и ящики со снарядами маячат перед глазами, напоминая о войне.

Сошел на берег. Закурил. Вспомнилась мать, оставшаяся в горящем Мурманске, выпускной вечер. Да, война все перекроила...

Внимание привлекли быстрые шаги. По размашистой походке я узнал начальника боепитания. Защитная стеганка плотно облегает его могучую фигуру, на выбритом лице — улыбка. Еще издали майор крикнул: «Приветствую и поздравляю с благополучным приходом!»

А потом подошел и начал трясти мою руку:

— Спасибо, дорогой старлейт! И корабли вовремя привел, и шел лихо. Знаешь, пост СНИС засек, что по вашим судам немцы больше 400 раз «салютовали». Посчитай-ка, сколько снарядов. Ага, тыщу двести с гаком! Да еще самолеты. А вы — молодцы, классически им нос утерли.

Конечно, майор был рад, но эти похвалы... Что произошло? Да ничего — обыкновенный рейс. Ну, разве только повезло малость...

В машине заканчивали откачку. Моряки по одному поднимались по трапу, усталые, мокрые, в масле и грязи. Механик вылез последним. Подошел к трюму, взглянул сверху, как идет выгрузка. Уже половина боеприпасов на



берегу. Морская пехота работала без остановки: одна партия отдыхает, вторая работает.

И вот последний ящик. Пора в обратный путь. Приняли несколько десятков раненых и отвалили от причала.

Только вошли в сектор обстрела, как снова затрясли немецкие орудия. Опять «Право на борт!», «Лево на борт!» Опять все сначала. Рулевой — молодчага, в Озерко категорически отказался идти в госпиталь и теперь орудует одной рукой, вторая — на повязке.

Снова пробойны, снова вода. Потеряли скорость. Едва-едва дотянули до Порт-Владимира. Здесь заткнули на скорую руку дырки и скорее в Мурманск. Расстояние небольшое, но только вышли из Порт-Владимира, начало покачивать. Заглушки и заделки расшатались и дали течь. В машине целый водяной фейерверк. Пришлось прикрыть двигатель брезентом и включить помпы.

Повернули в Кольский залив. А вода в машине не убывает, застыла на одном уровне. Но это уже победа — мы дотянули до Мурманска. Команда «Зенита» выполнила свой долг, доставила боезапас и спасла судно. За эту операцию шесть человек были награждены орденами и медалями.

Отрезанные от суши полуострова Средний и Рыбачий североморцы называли Малой землей. Единственный путь, связывавший их с Большой землей, пролегал через Мотовский залив.

Рыболовные суда военно-транспортного дивизиона Мурманского тралового флота бесстрашно шли на Малую землю, доставляя все необходимое и увозя оттуда раненых бойцов. Каждый защитник Рыбачьего с особой теплотой и уважением отзывался о мотоботах-снабженцах. Небольшие тихоходные деревянные суденышки, подобные «Зениту», по существу кормили рыбачинцев.

За войну по трассе, ведущей к Рыбачьему, мне пришлось проводить конвой не меньше сотни раз.

В начале октября 1944 года я вел МБ-1 с двумя баржами в губу Большая Волоковая. Охранение — четыре «больших охотника» и два сторожевых катера. В кильватере шел МСО-3 (бывший зверобойный бот типа «Ленсовет»). Между мысами Сеть-Наволок и Цып-Наволок нас атаковала немецкая авиация. Бомбежку вели опытные летчики. Самолеты выскакивали из-за облаков на небольшой высоте и бросали бомбы, что называется, в упор.

На МСО-3 вышла из строя главная машина. Я передал на сторожевой катер № 211 приказ. СК-211 срочно взял на буксир МСО-3. С наступлением темноты, оставив сопровождавшие нас корабли, я повел баржи дальше без охранения.

В Большой Волоковой нас ждали с нетерпением: срочно нужно было горючее для торпедных катеров и «морских охотников», которые в этот момент готовились к ответственной операции — высадке десанта в Линахамари. Разработкой плана операции руководил лично адмирал А. Г. Головкин. Меня назначили лоцманом в группу торпедных катеров первого броска, которой командовал капитан 3-го ранга Коршунович.

12 октября 1944 года в 21.00 десант начал движение. Поставленная задача — овладеть портом Линахамари — оказалась исключительно сложной. Подходы к порту простирались артиллерией противника. Немецкая батарея на мысе Крестовом стояла всего в трехстах метрах от того места, где корабли должны поворачивать на 90 градусов. Береговая линия бухты была укреплена дотами и дзотами.

Торпедные катера шли к Линахамари, «насторожив» пулеметы. Десятки глаз впилась в темноту. Вот уже и вход в Печенгский залив. До батареи на Крестовом — считанные кабельтовы. Все ждут удара, но пушки молчат. Это еще больше взвинчивает нервы. Расстояние уменьшилось, уже хорошо просматривается весь мыс, а огня все нет... Мо-

жет, немцы хотят подпустить нас поближе? Люди вздрагивают даже от нечаянного соприкосновения друг с другом.

Где-то справа замелькали вспышки — это открыли огонь другие батареи, а Крестовый по-прежнему безмолвствует. Да, видимо, фашистские орудия выведены из строя. Это предположение прибавило сил и уверенности.

На полном ходу катера ворвались в Линахамари и почти без потерь высадили десант. Внезапность и быстрота ошеломили фашистов. Командир базы Линахамари открытым текстом передавал коменданту в Киркенес: «Большевикские катера прорвались на базу. Срочно эвакуируйтесь!»

Дерзкая по замыслу и исполнению операция увенчалась полным успехом. За участие в ней я был награжден орденом Отечественной войны первой степени.

Всю войну я благополучно проводил суда. И вдруг произошел нелепый случай... В канун нового, 1945 года в Мурманском порту я принял под лоцманскую проводку пароход «Тбилиси» типа «Либерти», который направлялся в Печенгу. В Североморске к «Тбилиси» присоединились корабли охранения. Ночью на выходе из Кольского залива суда встретил норд-вестовый ветер и большая волна.

На «Тбилиси» все шло нормально: лаг отсчитывал мили, вахтенный штурман тщательно вел счисление пути, строго придерживаясь рекомендованного курса. Наблюдатели внимательно смотрели по секторам. Судно уже подходило к траверзу губы Скорбеевской, до Линахамари — рукой подать, но тут неожиданно раздался взрыв. На палубе «Тбилиси» у мостика возник пожар. Пришлось застопорить машину, объявить тревогу...

— Лоцман, что будем делать? Может, к берегу? — спросил капитан.

— Нет, к Рыбачьему нельзя, там минные поля...

Какое-то время судно двигалось по инерции. Потом послышался треск, скрежет. На палубе, в районе третьего трюма, разверзлась пропасть, и «Тбилиси» разломился на

две половины. Оказывается, нас торпедировала немецкая подлодка.

Положение трагическое. Носовая часть судна стала быстро погружаться. Вот-вот последует за ней и оставшаяся на плаву половина.

Надо спускать шлюпки, спасти людей, но команда тушит пожар.

В этот момент вахтенный штурман доложил, что крен приостановился. И хотя вода почти касалась главной палубы, судно держалось на плаву. На борту не было никакой паники — люди привыкли за войну ко всему. Наконец, из брандспойта сбили последние языки пламени. Но к шлюпке не подойти — все обледенело. Нужна была сверхчеловеческая ловкость, чтобы работать на наклонной, качающейся и обледенелой палубе. С большим риском спустили одну шлюпку, посадили людей. Но волна подкинула ее и вдребезги разбила о борт «Тбилиси». Все находившиеся в шлюпке моряки погибли.

Корабли охранения несколько раз пытались подойти к борту. И каждый раз волны отбрасывали их прочь от тонущего судна.

Наша «половинка» кренилась и качалась.

Во избежание пожара помещения заполнили углекислым газом. Люди, оставшиеся на борту, вцепились друг в друга, чтобы не свалиться в воду.

Прошло 5 часов, наступил 1945 год. Но никаких надежд на спасение он не принес.

Наконец, уже за полночь, волнение на море чуть стихло, и один из кораблей охранения пошел на сближение. На его палубе стояли матросы, вооруженные кругами, кранцами, бросательными кольцами. Началась пересадка людей — мучительная и опасная...

Половинка «Тбилиси» оказалась настолько прочной, что выдержала шторм до конца. Течением и ветром ее отнесло к острову Кильдин, и там она села на мель. Когда

наладилась погода, «Тбилиси» отбуксировали в порт для разгрузки трюмов. Уже после войны где-то нашли носовую половину такого же «Либерти», и мастера судоремонтного завода «Красная кузница» срастили две чужеродных половинки. Вышел отличный пароход. Мне, лоцману, не раз приходилось провожать новый «Тбилиси» в море и швартовать у причалов торгового порта.

г. Мурманск

М. СУЧКОВ,  
лоцман, капитан 3 ранга в отставке



**БОЕВЫХ  
ТОВАРИЩЕЙ  
НЕ  
ЗАБЫТЬ**

## БОЕВЫХ ТОВАРИЩЕЙ НЕ ЗАБЫТЬ...

Я участник Отечественной войны в Заполярье. В 1941 году воевал в первом отряде морской пехоты, под командованием Старовойтова, а затем в 12-й Краснознаменной бригаде. Мне приходилось не раз участвовать в разведывательных операциях в тылу противника.

В октябре 1942 года нашей роте разведки поставили задачу — пробраться в расположение противника между опорными пунктами № 6 и № 7, уничтожить огневые точки и захватить «языка».

Это было нелегкое дело: местность, по которой мы должны были пройти, вся простреливалась пулеметным и минометным огнем. Кроме того, фашисты непрерывно пускали осветительные ракеты.

Нам не удалось с первой попытки проникнуть в расположение вражеской обороны. Немцы открыли сильный пулеметный и минометный огонь, и дальнейшее продвижение привело бы только к бессмысленным потерям. Трудно было понять, почему фашисты подняли такую бешеную пальбу: действительно ли заметили нас или это просто обычная «профилактика». Решили на следующую ночь повторить операцию. Коль враг нас заметил, то наверняка посчитал, что после такого огня мы больше не рискнем на вылазку. Расчет оправдался. Группа разведчиков благопо-

лучно пробралась через минные поля к вражескому боевому охранению, забросала противотанковыми гранатами землянки, взорвала огневые пулеметные точки, захватила пленного и стала отходить.

Только теперь фашисты поняли, что перед ними русские разведчики. Стараясь отрезать отход и уничтожить нас в нейтральной зоне, они повели обстрел из всех видов оружия. Но было поздно. Мы возвратились на свои позиции, потеряв несколько человек убитыми и ранеными.

Руководил нашими действиями старший лейтенант Маткин. Из разведчиков помню Алымова, Кашутина, Упорова, Шайдулу, Меньшикова, Борисова, Лужина, Копанева и многих других.

Я в этой операции обеспечивал радиосвязь группы с командованием бригады.

М. СОКОЛОВ

г. Мурманск

\* \* \*

Это письмо пишет бывший фронтовик, участник обороны Рыбачьего старший сержант 12-й бригады морской пехоты Озеров Иван Иванович. Я прочитал в газете «Красная звезда», что будет выпущена книга об обороне Рыбачьего и Среднего. К сожалению, у меня нет никаких записей или фотоснимков, но мне хочется вспомнить об одной нашей вылазке в разведку и о своих погибших друзьях — лейтенанте Загородном, разведчиках Щитнове, Суслове, Кузнецове, Шабалине и Шитикове. Мы приняли тогда неравный бой на высоте «Безымянной» и дрались до последнего патрона.

Сержант Щитнов подорвал себя гранатой, чтобы не сдаваться в плен. Многие были убиты, и немцы издевались над нашими бойцами, выкалывали глаза, выворачивали руки, а лейтенанта Загородного без сознания, раненого забрали в плен. Мне не приходилось больше встречаться с ним, и не знаю, жив ли он сейчас.

Еще в войну Политуправление Северного флота выпустило брошюру под названием «Слава бесстрашным». Под заголовком «Семеро» в ней рассказывалось про ту нашу последнюю вылазку...

Карельская АССР,  
Питкярантский р-н, п/о Харлу

И. ОЗЕРОВ

\* \* \*

Дорогие товарищи!

В газете «Красная звезда» я прочитал сообщение о том, что военно-научное общество при Мурманском доме офицеров собирает материалы о героической обороне полуостровов Рыбачий и Средний в годы Отечественной войны.

Мне тоже пришлось воевать на Севере. Я был призван в августе 1941 года Кольским райвоенкоматом.

В Мурманске нашу вновь сформированную часть погрузили на мотоботы и отправили на пополнение гарнизона полуостровов Рыбачий и Средний.

Когда подходили к причалу губы Эйна, нас начала обстреливать немецкая батарея. А тут, как на грех, мотобот сел на мель. Команда стала быстро переправлять нас на шлюпках. На берег выгрузились все. В Эйке отдохнули в землянках, а потом километров пятнадцать шли в Восточное Озерко, где предстояло обучаться военному делу.

Через две недели нас направили на пополнение в 135-й стрелковый полк. Я, рядовой краснофлотец, попал в минометный батальон капитана Миронченко. Здесь и началась моя фронтовая жизнь.

Кадровые командиры на ходу учили нас обращению с минометом, владению винтовкой и гранатой. Тут же, в процессе обучения, мы стреляли по огненным точкам противника.

Наши позиции находились вблизи губы Кутовая. Первое время я был снарядным, потом заряжающим, таскал

на плечах плиту-лафет, потом назначили меня наводчиком, и я стал носить груз полегче — ствол и прицел.

Взвод у нас был сплоченный, все помогали друг другу. И я некоторых новичков учил минометному делу.

Пришла суровая зима 1941 года. Теплого обмундирования не было, а морозы и метели такие злые, хоть плачь...

Стоишь часовым, замерзнешь до костей и ждешь, когда сменит тебя товарищ, чтобы поскорее залезть в землянку. А в землянке ждешь, когда ботинки оттают, чтобы можно было лечь на нары между солдатами. Не успеешь толком отогреться, как вдруг поднимают взвод по тревоге. Ничего не попишешь, надо бежать на огневую позицию и занимать свое место...

Поначалу немецкие орудия подавляли нас — ощущалась нехватка мин. Бывало, звонят по телефону из боевого охранения стрелки или саперы: «Ребята, помогите, обстреляйте немецкий миномет или пулемет». Мы бы и рады помочь, да нечем, запас мин предназначался только для отражения атак. Немцы несколько раз пытались прорвать оборону и скинуть нас в Баренцево море, но ничего у них из этого не вышло.

Когда в 1942 году на Рыбачий прибыли 12-я и 63-я морские бригады, нас отвели на отдых. Затем нас, теперь уже не 135-й полк, а 254-ю бригаду морской пехоты, снова бросили на передовую. К этому времени дела наши значительно поправились. Командование флота полностью обеспечило продовольствием, обмундированием и боеприпасами. Мин стали доставлять в таком количестве, что сначала и глазам не верили...

В 1943 году наши минометные огневые позиции располагались у подножия высоты 122, рядом с позициями пулеметчиков. Как только начинался бой, мы уж не скупились на снаряды, как раньше, молотили немчуру, только мины в ствол успевали закладывать. Иногда до того достреляемся, что за ствол руками невозможно взяться — обжигает.

Помню своих минометчиков Водовозова, старшего сержанта Пчелкина, сержантов Сысоева, Пешкова, Палачева, Шарыпова, Шинкевича, Загустина, Миронюка, Мальшева, Батракова, Ладыгина, Курашева, Табукашвили, Али-Мухамеда. Может, кто из них остался жив, почитает мое письмо и вспомнит о наших смертельных боях...

Мы находились в Заполярье в составе 189-го зенитного артполка, когда узнали, что фашистская Германия капитулировала и есть указ 9 мая отпраздновать как День Победы. Радости не было предела. Вокруг слышались ликующие возгласы: «Ура!», «Наша взяла!», «Победа!».

Поднялась стрельба, в небе зашумел праздничный салют...

В ноябре 1945 года перед демобилизацией командование вручило нам медали «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией 1941—1945 гг.».

Если мое письмо поместят в книгу, его, наверное, прочтут многие бывшие защитники Рыбачьего. Я передаю сердечный краснофлотский привет всем товарищам по оружию, дорогим однополчанам-рыбачинцам.

Михаил ЗЕМЛЯКОВ,  
матрос запаса

Краснодарский край, Лабинский р-н,  
с. Соленое.

\* \* \*

Мне, рыбаку Мурманского тралового флота, выпало на долю участвовать в обороне полуостровов Средний и Рыбачий в составе 12-й отдельной бригады морской пехоты Северного флота.

После наступательной операции на Мурманском направлении в 1942 году нашу бригаду перебросили на другой участок. Утром 11 июня 1942 года все подразделения были подняты по тревоге, посажены на транспортные суда

и в сопровождении боевых кораблей переброшены на Рыбачий, как мы говорили, «на свежий воздух».

Прибыли на Рыбачий. Кругом лишь вода да камни. Надо искать строительные материалы, инструменты и обжигаться в голых сопках. Дело это для военных людей привычное. Уже на пятый день после прибытия в лощинах курились трубы землянок...

12 августа я принял первую стрелковую роту, которая до сих пор еще размещалась в палатках и вообще считалась худшей в 3-м батальоне. Сразу навалилась груда больших и малых забот: надо было укрепить опорный пункт, организовать учебу личного состава и т. д.

Коммунисты и комсомольцы помогали мне навести должный порядок, и, спустя два месяца, во время инспекторской проверки наша рота вышла в число передовых.

В зиму с 1942 на 1943 год рыбачинцам приходилось очень трудно: в воздухе господствовала авиация противника. Фашистские летчики топили в Мотовском заливе наши суда с грузами, не хватало боеприпасов и продовольствия. Особенно тяжело было без курева.

Из-за недостатка витаминов в питании у нас появились случаи заболевания цынгой и «куриной слепотой». Несмотря на все эти невзгоды, мы твердо знали свою задачу и прочно удерживали рубежи обороны.

Многие мои боевые товарищи не дождались Дня Победы, отдали свои жизни за нашу любимую Родину. Среди них пулеметчик Лумше, снайпер Артеев, лейтенант Бушуев, старший лейтенант Чернов.

Вот уже который год, как я снялся с воинского учета и выбыл из строя. Но если в грозный час Родина снова позовет нас на помощь, мы вместе с нашими сыновьями сумеем защитить землю, на которой родились и выросли.

г. Мурманск

В. ЗАДУНАЕВ,  
старший лейтенант в отставке

\* \* \*

В годы Великой Отечественной войны я была снайпером отдельной бригады морской пехоты.

Помню черные скалы Муста-Тунтури, на которых не растет ни кустика, нашу уютную земляночную жизнь, помню товарищей по фронтовой службе.

Настоящими героями были все, кто стоял в боевом охранении на Муста-Тунтури, кто доставлял туда пищу и боеприпасы. Чтобы принести воды и размочить концентрат, надо было рисковать жизнью — ведь враг простреливал каждый метр лощины.

А как работали наши медики! В сложенной из камня землянке, где вместо дверей висела плащ-палатка, находились и перевязочная, и операционная, и койки для больных. Однажды в такую землянку при мне доставили бойца, который лежал в боевом охранении раненым двое суток. Санитары, пытавшиеся вынести его из огня, погибли. Лишь на третьей сутки, когда пошел дождь и землю окутал туман, истекавшего кровью бойца привезли в санчасть. Нашелся добровольный донор, у которого оказалась нужная группа крови. Началась операция. И вдруг — взрыв, рядом с землянкой упал вражеский снаряд. Погасла лампа, сверху посыпались мелкие камни. К счастью, солдат был накрыт простыней, и пыль не попала на рану. Он плакал, благодарил донора и врача, спасших ему жизнь...

Вспоминаю необычный случай, который однажды произошел на Рыбачьем. Наш солдат метким выстрелом из винтовки убил немецкого пилота, и самолет рухнул в сугроб. Мы побежали к месту его падения. И пока приехал командующий генерал Кабанов, бойцы успели растащить по частям чуть ли не всю машину. Из дюралюминиевых листов получались хорошие расчески и ложки. Часть парашюта отдали мне. Солдат, подстреливший самолет, как я слышала, получил правительственную награду, а нам

командующий дал нагоняй за то, что без разрешения распорядились «имуществом» сбитого фашиста.

Многим обязана я своему учителю снайперу Слюсарю, с которым нередко ходила на «охоту» за фашистами. Этот опытный воин участвовал в финской кампании, был награжден орденами и медалями. Слюсарь часто выручал в трудную минуту своих товарищей. Рискуя жизнью, он отвлекал на себя внимание вражеских снайперов и давал возможность обнаруженному напарнику, что называется, уползти от смерти.

Мы, снайперы-охотники, поджидая «добычу», подползали к вражеским позициям порой на 50—100 метров и сутками лежали без движения, стараясь не выдать себя. Но бывало, что немецкие снайперы обнаруживали нас, и тогда начиналась смертельная дуэль. Если рядом находился Слюсарь, мы были спокойны и уверены в себе.

Он всегда хранил на «черный день» несколько сухарей и непременно пару сухих портянок для окоченевшего от холода напарника. У Слюсаря был свой маршрут-лабиринт, по которому мы незаметно подбирались под самый нос фашистов и, выполнив задание, уползали назад.

Замечательный снайпер погиб при штурме Муста-Тунтури в октябре 1944 года от осколка вражеского снаряда.

Командиром отделения был у нас смелый и веселый сержант Саша Болотов. В октябре 1944 года, когда наша бригада пошла на штурм Муста-Тунтури, в первый же час боя немцы ранили командира роты капитана Максимова, командира взвода, убили старшину. И тогда Болотов взял на себя командование подразделением, попавшим в трудное положение. У проволочного заграждения один за другим гибли наши саперы. Фашистский пулемет приостанавливал продвижение моряков. Болотов с небольшой группой подобрался к дзоту и бросил в дымовую трубу гранату. Пулемет замолк. Некоторые фашисты попытались спастись бегством, но мы били в упор, без промаха.

Женщин на Рыбачьем было немного. В основном они находились в санротах, госпиталях, прачечных, но наравне с мужчинами переносили тяготы войны.

Мурманчанка Толя Крошилова, ныне Евстолия Павловна Дорофеева, в первые дни войны добровольно ушла на фронт. Осенью 1942 года попала на полуостров Рыбачий, была старшей медсестрой. Позднее перешла в разведку, воевала в роте командира Грачева, вместе с моряками ходила во вражеский тыл, перевязывала раненых, оказывала им первую медицинскую помощь. Разведчики уважали Крошилову за храбрость и выносливость, охотно брали на боевые задания. Сейчас Евстолия Павловна работает техником-поверителем Гидрометслужбы (в Мурманске).

Нина Буракова, ныне Нина Степановна Гусарова, маленькая хрупкая санитарка вынесла с поля боя и оказала первую медицинскую помощь 150 раненым. Только в апреле-мае 1942 года она спасла более 60 раненых. Нина Степановна — член партии с военных лет. Сейчас она работает сестрой-хозяйкой в одном из детских комбинатов Выборгского района Ленинграда.

Зина Николаенко — санинструктор 12-й Краснознаменной бригады морской пехоты — участница многих боевых операций на полуострове Рыбачий. Смелая, храбрая, решительная, она всегда была готова прийти на помощь раненым бойцам. За участие в освобождении Заполярья Николаенко награждена медалью «За отвагу».

Мне приходилось бывать в гостях у медсестер и санитарок вдали от передовой, они купали меня в коробке из-под снарядов, кормили гороховым супом из концентрата, укладывали в чистую постель и, провожая в обратный путь на Муста-Тунтури, желали не быть убитой. Их любовь и сердечность берегли меня в трудных боях на Рыбачьем.

В. КОРОТИНА-ГИПП

г. Заполярный  
Мурманской обл.



На Северный флот я попал 18-летним юношей в конце сентября 1942 года. Направили служить в саперную часть.

В 1944 году нашему 576-му отдельному инженерному взводу командование флота поручило специальное боевое задание, о цели которого мы могли лишь догадываться. Начались особые тренировочные учения по высадке десанта, обеспечению переправы, обнаружению мин и их обезвреживанию.

Командовал нашим взводом старший лейтенант Борис Сысоев. До войны он был студентом инженерно-строительного института. Под его руководством мы многому научились, в частности, — в считанные минуты наводить понтонные мосты при любой погоде.

В первых числах октября ночью наш взвод был поднят по тревоге. В Кислой губе мы быстро погрузились на мотобот и взяли курс в район мыса Крестовый. Взвод получил задачу помочь наступающим войскам Карельского фронта и десантникам-североморцам соорудить временный понтонный мост и восстановить разрушенный фашистами причал. Это было необходимо для бесперебойной транспортировки вооружения и эвакуации раненых.

С этой задачей мы успешно справились. Санитарные машины армейских полевых госпиталей по настилу понтонного моста вплотную подходили к пароходу «Сосновец», и экипаж принимал на борт раненых бойцов и командиров.

Круглые сутки, без сна и отдыха, работали наши саперы, восстанавливая причал, от которого осталось только несколько обугленных свай. Ни пиломатериалов, ни настила, ни болтов и штырей у нас не было. Помогли опыт и солдатская смекалка. Сержант Алексей Леонов в одной из палаток оборудовал примитивную кузницу, используя вместо мехов надувные приспособления к резиновым лод-

кам. Я был у него в подручных. Из найденных металлических прутьев мы ковали полуметровые штыри и скобы для скрепления пирса. Несмотря на все трудности причал мы построили точно в назначенный срок.

А сколько наши саперы обезвредили минных полей в поселке Титовка и его окрестностях! В этом опасном деле отличными специалистами зарекомендовали себя сержанты А. Леонов и А. Барсуков, рядовые А. Росляков, В. Смирнов, А. Медведев и другие.

Много лет минуло с той поры. Но не изгладилось в памяти все виденное и пережитое, не забылись боевые товарищи.

В подмосковном городе живет Борис Сысоев. Он имеет ученую степень, работает в одном из научно-исследовательских институтов.

Сам я, без отрыва от производства, окончил педагогический институт. Вот уже больше 20 лет участвую в работе ДОСААФ, возглавляю оборонно-массовую работу в школе № 11 г. Воскресенска. Красные следопыты нашей школы ведут большую работу. У здания школы сооружен обелиск в память погибшим воинам-воскресенцам. Первым в списке погибших числится Герой Советского Союза Павел Васильевич Стрельцов, предательски убитый из-за угла в Киркенесе 26 октября 1944 года. Наши питомцы шефствуют над 88-летней матерью героя Прасковьей Ефимовной Стрельцовой. Эта мужественная русская женщина потеряла на войне шесть сыновей...

Как бесценные реликвии храню я две именные благодарности Верховного Главнокомандующего за участие в освобождении Печенгской земли и медаль «За оборону Советского Заполярья».

В. ВИНОГРАДОВ

г. Воскресенск  
Московской обл.

Так уж устроен человек — что-то в его памяти стирается, а что-то остается на всю жизнь.

Невозможно забыть имена друзей-однополчан, с которыми делили суровые тяготы войны.

В 12-й Краснознаменной бригаде морской пехоты плечом к плечу с нами шли в бой мужественные девушки. Были среди них отважные разведчицы, такие, как наша любимица Евстолия Дорофеева, и меткие снайперы, как Вера Коротина, уничтожившая 60 фашистов. Мы с благодарностью вспоминаем наших спасительниц, медицинских сестер Тамару Расторопову, Полину Перевязкину, Зину Галкину.

Об одной из них, Нине Бураковой, на фронте ходили легенды. Это была первая на флоте женщина, получившая орден Боевого Красного Знамени.

...Нина Буракова вынесла с поля боя уже десятого бойца, когда по цепи прошла весть: «Командира ранило». Девушка бросилась на помощь. Рана оказалась тяжелой, командир стонал и бредил. Пришлось Нине сначала на оленях, потом на машине доставлять раненого в госпиталь. Тут выяснилось, что спасти командира может только срочное переливание крови, но в госпитале не оказалось крови нужной группы. Узнав об этом, Буракова поспешила к врачам:

— У меня кровь первой группы. Берите поскорее!

После переливания врач приказал уложить Нину в постель.

— Мне надо идти, меня ждут на передовой, — просила девушка. Но врач был неумолим. Тогда она стала уговаривать санитарку:

— Нянечка, отдайте мои вещи, я уйду незаметно...

— Что ты, девонька, мыслимое ли дело? Мне же за это попадет...

Но, увидев на лице девушки отчаяние, санитарка жалась:

— Кладовку сама найдешь, а я, стало быть, ничего не знаю.

Вскоре Нина уже следовала в расположение бригады, а ночью она вынесла с поля боя еще сорок раненых.

«Сам погибай, а товарища выручай» — это правило стало негласным законом в бригаде.

Я часто вспоминаю своего друга Валентина Иванова, который, рискуя жизнью, спас меня. Произошло это во время штурма Муста-Тунтури. Мы с Валентином работали посменно на одной ультракоротковолновой радиостанции. Чтобы легче было подниматься на обледеневшие скалы с увесистой аппаратурой, мы с Валентином обвязывались веревкой. Он шел впереди, а я с ящиком за плечами — сзади. Когда я не в силах был подняться, Валентин подтягивал меня. Но однажды, несмотря на все предосторожности, нога предательски соскользнула со скалы и я повис на веревке. Посмотрел вниз — высота метров тридцать. Ну, думаю, если не удержит Валька, то сорвусь, и крышка! И вдруг с ужасом чувствую, что начинаю медленно опускаться вниз.

— Значит, Валентин не успел закрепиться, и я своей тяжестью тащу его за собой в пропасть, — мелькнула тревожная мысль. Ее сменила другая:

— Зачем же погибать двоим?

— Руби веревку! — крикнул я.

После долгой паузы я услышал в ответ крепкие слова в свой адрес. А через несколько секунд движение приостановилось... Оказывается, проходившие мимо бойцы бросились на помощь и предотвратили беду.

Разве можно забыть таких товарищей?

Н. ШИНКАРЕВ,  
главный старшина запаса

г. Североморск

\* \* \*

В юности я мечтал быть художником, но жизнь распорядилась по-иному. Война застала меня сразу в двух должностях: командира саперной роты и начальника инженерной службы 135-го стрелкового полка 14-й дивизии.

В конце июня наш полк принял первый бой с немецкими войсками, наступавшими на полуострова Средний и Рыбачий.

Июль-август 1941 года были месяцами ожесточенных боев на высотах 40,1 и 122 и на хребте Муста-Тунтури. Перед 135-м полком и другими частями стояла задача — не допустить немцев на полуостров Средний, создать прочную оборону, организовать сильную огневую систему, создать систему заграждений.

Личный состав нашей саперной роты в условиях горной и болотистой местности должен был в короткий срок возвести оборонительные сооружения. Днем и ночью саперы вели работы на переднем крае, где шли ожесточенные бои.

Дорог в этом районе не было, все приходилось делать на виду у немцев. Весь наш транспорт насчитывал несколько лошадей. Поэтому материалы и боеприпасы чаще всего несли на себе по 2—3 километра.

Но уже в сентябре все подразделения основательно окопались, личный состав и боевая техника были укрыты в дерево-каменных дзотах. Началась активная оборона. Саперами 135-го полка была проделана большая работа по укреплению обороны, построено множество огневых точек, командных пунктов, поставлено несколько тысяч мин, километры проволочных заграждений. Саперы непосредственно участвовали в боях и даже совершали с пограничниками походы по глубоким тылам фашистов. 60 саперов были награждены орденами и медалями.

Хочется вспомнить добрым словом политрука саперной роты Н. В. Лобанова, который был поистине отцом для

личного состава, а для меня — добрым советчиком и близким товарищем.

В боях отличились лейтенанты Горбань, Шаврин, старшина И. А. Московский, старшие сержанты Луценко, Талановский, Сачков, Ципалкин, старшина Мельников, сержант Тюрин и многие другие.

В 1942 году наш полк был переформирован в 254-ю бригаду морской пехоты, а я назначен начальником инженерной службы бригады. В 1944 году меня перевели к новому месту службы. С 1947 по 1956 год я служил в одном из управлений флота, затем демобилизовался и занялся творческой работой.

Не обладая литературными способностями, я хотел рассказать о некоторых эпизодах военных лет с помощью гравюр, которые и посылаю.

А. ЛЕБЕДЕВ,  
подполковник запаса

г. Москва

\* \* \*

Хребет Муста-Тунтури. Июль 1943 года. Наша батарея 82-мм батальонных минометов располагалась в 1,5—2 км от переднего края. Постоянный огонь минометов не давал покоя фашистам, и они, видимо, решили стереть с лица земли «живучую» батарею.

Бывало, и раньше немцы «огрызались» на наш огонь, нанося потери в живой силе и технике. Но то, что они готовили на этот раз, не сравнимо ни с чем.

Жаркий полярный полдень. Все вокруг погрузилось в тишину, словно нет на свете ни войны, ни грохота орудий. Дежурный подал команду: «Боец Сучков — за обедом». Услышав это, мы встревожились: ведь Семену Сучкову надо было пронести бачки и ведра с едой по открытой местности. Но магическое «Обед! Скоро обед!» заглушило наши опасения.

В ожидании обеда расположились кто как мог. Мой друг москвич Лев Алмазов предложил партию в шахматы. Мы нашли в тени местечко на камнях и расставили фигуры. За игрой нас и застал артиллерийский налет. Мы бросились к своим расчетам. Когда я был уже у самой землянки, раздался страшный взрыв. Волна сорвала дверь и, придавив меня, бросила в темный проем. Ощупал тело — вроде, все в порядке.

Подо мной что-то зашевелилось. А потом послышался знакомый голос: «Ты что ползешь по мне?»

Оказывается, это наш минометчик Тельнихин. Лежать некогда. Отряхнулись и ползком стали пробираться дальше. После боя собрались на КП. Командиры доложили обстановку: потерь, вроде, нет, только не вернулся до сих пор Сучков. Мы уже считали его погибшим. Но спустя некоторое время вбежал дневальный и с порога крикнул возбужденно:

— Жив, жив, Сучков!

И действительно, на пороге стоял Семен. Вид у него был измученный. Он весь почернел и осунулся. Извиняющимся голосом Сучков рассказал о том, что ему пришлось бросить пробитый осколками термос. Потом он внес в землянку изрешеченное насквозь ведро со «вторым» блюдом и чудом уцелевший мешок с хлебом...

М. МАТКОВ

Воскресенский р-н  
Московской обл.

\* \* \*

На полуострове Рыбачий в годы войны издавалась многотиражная газета. Она большевистским словом вдохновляла фронтовиков на подвиги, укрепляла в них веру в победу. В небольшую землянку, где разместилась редакция многотиражки, бойцы несли письма, заметки, в которых рассказывали о товарищах по оружию.

Ходили на передовую и мы, штатные сотрудники многотиражки, знакомились с защитниками Рыбачьего и узнавали от них много интересного.

Особенно запомнился мне дружный расчет старшего сержанта Феодосия Батрина. Здесь служили люди разных национальностей. Сам Феодосий — молдаванин, его первый помощник Григорий Сухоницкий — белорус, замковый Василий Мосин — русский, зарядный Семен Линский — еврей. У каждого из них было свое горе. У Семена Линского на Украине погибла сестра, у Сухоницкого стorerло родное село, у Батрина убиты лучшие друзья. Их объединяла ненависть к врагу и единое желание — мстить фашистским захватчикам.

Сражаясь бок о бок, артиллеристы чувствовали себя братьями. Если Семену Линскому приходило письмо — его читал весь расчет. Все знали, как дела дома у снарядного Аракаева. День, когда наводчик Сухоницкий получил первый боевой орден, стал их общим праздником.

Больше 40 немецких дотов и дзотов разбило орудие Батрина за 15 месяцев пребывания на переднем крае. Нанося удары по вражеской обороне, североморцы помнили о том, что здесь на Рыбачьем они защищают свободную жизнь всех народов многонационального государства.

Зимой 1942 года под прикрытием полярной ночи мотобот связи, пробравшись через Мотовский залив, доставил бойцам Рыбачьего почту — центральные газеты, письма от родных и любимых. С волнением читали мы в «Правде» очерки П. Лидова «Таня», «Кем была Таня» — о юной партизанке Зое Космодемьянской. Особенно сильное впечатление эти материалы произвели на связиста Дмитрия Пегашова. Всю ночь напролет Дмитрий при свете коптляки сочинял стихи, а на утро прочитал их нам.

Твой голос слышим. Ветер, как глашатай,  
Его разнес среди полярных скал.

До хруста рук оружие мести сжато,  
 Испепеляющ душ морских накал.  
 Здесь имя Зоя стягом смелым станет.  
 Ты слышишь нас, товарищ по борьбе? —  
 Святой гранит враги не опоганят,  
 Он весь пойдет на памятник тебе.

Так началась военкоровская биография Дмитрия Пегашова.

Артиллеристы Василий Анишин и Александр Черномыс, разведчики Иван Кремнев и Георгий Тиунов, автоматчики Евгений Леднев и Борис Наумов — люди самых разных воинских профессий писали в свою многотиражку.

...Прошли годы, десятилетия. Летом 1967 года, находясь в отпуске, я встретился с нашим активным военкором Александром Черномысом. Теперь наш Саша-артиллерист — капитан второго ранга, штатный сотрудник газеты «Красная звезда». Дмитрий Пегашов сейчас возглавляет партийный комитет Ярославской ГРЭС. Бывший военкор болеет душой за стенгазету родного коллектива, часто на ее страницах публикует свои заметки, стихи.

Теплая встреча произошла у меня с уральским журналистом Георгием Тиуновым. Живет он в небольшом городке Верещагино Пермской области, активно сотрудничает в областной газете «Звезда». Георгий Тиунов — автор нескольких брошюр.

Профессиональным журналистом стал и бывший военкор Евгений Леднев. Он заведует отделом в редакции городской газеты «Стерлитамакский рабочий».

Листая сегодня подшивки газет, я с радостью встречаю на газетных полосах имена тех, кто начинал свой путь в журналистику с военкоровских заметок на Рыбачьем.

Ив. СВИСТУНОВ

г. Краснодар

## Содержание

От составителей . . . . .	3
С. Лобов. Герои Рыбачьего . . . . .	8
Полуострова Средний и Рыбачий (краткий историко-географический очерк) . . . . .	14

## ВРАГ НЕ ПРОШЕЛ

<u>П. Шабунин</u> . 23-й укрепленный район	21
С. Кабанов. Северный оборонительный район (июль 1942 — сентябрь 1943) . . . . .	30
Д. Туз. Долг перед Родиной . . . . .	67
Вл. Рудный. В мертвой долине . . . . .	80
Е. Леднев. Удивительное дело — память . . . . .	89
И. Калеников. Как сражались пограничники . . . . .	98
Г. Тиунов. Это были чекисты . . . . .	105
Песня о погранзнаке . . . . .	120
И. Тимофеев. Наш седьмой пульбат	127

<u>Н. Меньшиков</u> . Мы были пулемет- чиками . . . . .	148
К. Симонов. Из военных дневников	153

#### ГОВОРIT «БОГ ВОЙНЫ»

Д. Еремин. Эти дни я вспоминаю с гордостью . . . . .	199
Я. Скробов. «За нашу Родину!. Пер- вому... Один снаряд... Огонь!» . . . . .	211
В. Соколов. Выстояли! . . . . .	229
Г. Дюков. На НП береговой... . . . .	232
А. Цыганов. Бой, каких было много... . . . .	241
В. Анишин. Люди на войне . . . . .	243
А. Черномыс. Мой первый командир	246
Ф. Поночевный. Встречи и судьбы	254
Г. Мирошниченко. Огонь ведут бе- реговые батареи . . . . .	261

#### ДЕРЕТСЯ МОРСКАЯ ПЕХОТА

А. Боровиков, А. Гальченко. Пикшеувская операция . . . . .	273
И. Щепетьев. Глазами разведчика . . . . .	295
<u>А. Акулич</u> . Десанты 63-й . . . . .	313
А. Синцов. Орлы полярных скал . . . . .	321
И. Барченко. По тылам врага . . . . .	331

#### ПАХАРИ ЗЕМЛИ И МОРЯ

Н. Быстряков. Мои боевые това- рищи саперы... . . . .	345
----------------------------------------------------------	-----

Л. Бернштейн. «Линия Кабанова»	361
--------------------------------	-----

<u>Л. Новоспасский</u> . Записки коман- дира катера . . . . .	373
М. Сучков. «Дорога жизни» . . . . .	385

#### БОЕВЫХ ТОВАРИЩЕЙ НЕ ЗАБЫТЬ...

Письма бывших защитников Рыбачьего . . . . .	395
----------------------------------------------	-----

15-00

1200  
ДНЕЙ И НОЧЕЙ  
РЫБАЧЬЕГО

Литературная обработка  
А. И. Краснобаева

Редактор В. Я. Грибенко,  
художник И. М. Сенский,  
художественный редактор  
Н. Н. Ковалев, технический ре-  
дактор А. Ф. Сергеев, коррек-  
торы В. П. Рябинина, Г. И. Ку-  
ропаткина.

Сдано в набор 17/VII 1970 г.  
Подписано к печати 10/XI 1970 г.  
Бумага типографская № 1.  
Формат бумаги 70x108/32. Усл.  
печ. л. 18,2+6 накидок.  
Изд. л. 19. Тираж 20 000. Заказ  
4327. ПН-00026. Цена 74 коп.

Мурманское книжное изда-  
тельство, г. Мурманск, Дом  
печати. Мурманская област-  
ная типография, г. Мурманск  
ул. К. Маркса, 18